LEE KUAN YEW

Мой взгляд на будущее мира

Ли Куан Ю

АНФ
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Маргарет Тэтчер читала все его речи и говорила, что он никогда не ошибается. Ричард Никсон называл его "выдающимся государственным деятелем мирового масштаба"… Бывший премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю был видной фигурой в международной политике. В этой книге, опираясь на богатейший опыт и глубокое понимание сути происходящих процессов, он описывает свое видение современного мира и дает прогноз на ближайшие 20 лет. Не снисходя до какой бы то ни было политкорректности, порой удивляя резкостью суждений, Ли Куан Ю описывает Китай, который по прежнему свято верит в необходимость сильного центра и семимильными шагами идет по пути развития, Соединенные Штаты, которым придется поделиться местом на пьедестале мирового господства, Европу, которая всеми силами пытается сохранить трещащий по швам Евросоюз. Его откровенное и зачастую шокирующее мнение по актуальным вопросам — почему "арабская весна" не приведет к демократии на Ближнем Востоке, почему Япония по прежнему закрыта для иностранцев и почему гораздо мудрее начать готовиться к глобальному потеплению, чем пытаться предотвратить его, — делает эту книгу не просто полезным, но и захватывающим чтением.

- Ли Куан Ю
  -
  - Предисловие к русскому изданию
  - Предисловие
  - Благодарности
  - 1. Китай. Сильный центр
  - 2. США. Под гнетом проблем, но по-прежнему на вершине
  - 3. Европа. Противоречия и закат
  - 4. Япония, Корея и Индия
  - 5. Юго-восточная Азия
  - 6. Сингапур. Страна на перекрестке дорог
  - 7. Ближний восток. Весна без лета
  - 8. Мировая экономика. Что дальше?
  - 9. Энергия и изменение климата. Нужно готовиться к худшему
  - 10. Личная жизнь. Знать, когда уйти
  - 11. Беседы со старым другом
- notes

- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14

Ли Куан Ю
МОЙ ВЗГЛЯД НА БУДУЩЕЕ МИРА

Издательство благодарит Russian Quantum Center, Сергея Белоусова и Виктора Орловского за помощь в подготовке издания

Переводчик *И. Евстигнеева*
Редактор *Н. Нарциссова*
Руководитель проекта *А. Тарасова*
Компьютерная верстка *М. Поташкин*
Корректор *Е. Сметанникова*
Дизайн обложки *Ю. Буга*
Фотография обложки *GEORGE GASCON / AFP Photo / East News*

© The Straits Times, Singapore Press Holdings Limited, 2013
Originally published and distributed in the English language in 2013 by Straits Times Press Pte Ltd, Singapore Press Holdings, 1000 Toa Payoh North, News Centre, Singapore 318994
© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2017

* * *

В память о Чу, жене и друге

Предисловие к русскому изданию

Сингапур уникален по многим параметрам — он богат, безопасен, удобен, чист, политически и экономически стабилен. В 1950-е здесь было сложно найти работу, 40 % жителей не умели читать и писать, а ВВП на душу населения составлял около $550 в год. За несколько десятилетий этот показатель вырос в 100 раз — до $55 182; по нему Сингапур опережает Гонконг ($38 123), Южную Корею ($25 976), Тайвань ($31 900), большинство стран Западной Европы и США ($53 042).

Сингапур продуктивен — в стране отсутствует инфляция, курс национальной валюты устойчив, уровень безработицы — 1 %. Здесь самый низкий среди развитых стран мира уровень налогообложения и правительственных расходов — процент налогов в ВВП страны составляет 14 % (по сравнению с 30 % в большинстве европейских стран, 40 % в США и 50 % в Дании).

Государство без собственных природных ресурсов за очень недолгое время стало экономическим гигантом. При этом страна избежала обычных последствий глобализации и быстрого экономического роста — Сингапур остается самым чистым городом Азии и одним из самых чистых городов мира; жители страны соблюдают введенные еще в 1960-е годы строгие «антимусорные» законы, инновационные компании, разрабатывают уникальные, экономически и экологически эффективные решения, правительство невероятно удобно спланировало город и грамотно управляет объектами и услугами.

Самое некоррумпированное в мире правительство и эффективное государственное управление — еще один феномен Сингапура. Власть в стране обеспечена — чиновники входят в 10 % наиболее высокооплачиваемых людей страны, — система управления действенна, экономика открыта.

Таким невероятным развитием Сингапур практически полностью обязан личностному феномену Ли Куан Ю. В 1965 году он занял должность премьер-министра сельскохозяйственного острова с очень большой плотностью населения в центре исторически нестабильного региона. Получив страну с такой невыгодной стартовой позицией, он собрал правильных людей и сделал из нее ведущую индустриальную державу. Я приехал в Сингапур в январе 1994 года и видел, как динамично продолжала развиваться следующие 22 года уже развитая на тот момент страна, управляемая одним из самых выдающихся политиков современности и созданной им командой. Личность Ли Куан Ю неотделима от страны. Управление

Сингапуром эпохи Ли Куан Ю можно сравнить с управлением большой корпорацией.

Стив Джобс, имя которого нераздельно связано с корпорацией Apple, — еще один пример такого же управления, эффективного личностного лидерства. В конце 1970-х он с нуля создал компанию, равную по своему масштабу лидеру IT рынка тех лет IBM. Затем, за 11 лет без Джобса, Apple оказалась на грани банкротства с мизерной долей рынка и капитализацией всего около $2 млрд (капитализация Microsoft в то время уже приближалась к своему историческому рекорду и к 1999 году достигла $616,3 млрд — почти в 300 раз больше, чем у Apple). Вернув себе руководство компанией, Джобс превратил ее в гиганта, самую дорогую компанию в мире с капитализацией порядка $700 млрд — в какой-то момент почти в два раза дороже Microsoft!

Мне довелось общаться лично и с Ли Куан Ю, и со Стивом Джобсом. У этих лидеров были общие черты — они оба отличались глобальным, стратегическим подходом, долгосрочным видением, невероятным вниманием к деталям и неотделимостью личного успеха от успеха страны или компании. И они правильно принимали решения. Выбирая стратегию, Стив Джобс и Ли Куан Ю руководствовались не желаниями клиентов компании или граждан страны, а их реальными потребностями: «Мы никогда не проводили опросов общественного мнения, чтобы узнать, к чему склонялось настроение публики. Наша задача состояла в том, чтобы убедить людей поддержать такие меры, которые могли бы обеспечить выживание Сингапура в качестве жизнеспособного общества», — писал Ли Куан Ю. «Невозможно создать хороший продукт, основываясь на опросах людей или пользуясь фокус-группами. Люди сами не знают, чего они хотят, пока им это не покажешь», — говорил Стив Джобс.

Уже ставшая очень прибыльной, компания Apple удивительно отличалась от своих конкурентов Google, Microsoft и Samsung тем, что тратила очень маленький процент своего оборота на исследования и разработки: «Для новых идей неважно, сколько долларов вы тратите на R&D. Дело не в деньгах. Дело в людях, которые у вас есть, в том, как вы ведете дела, и что получаете на выходе». Джобс собирал талантливых людей с нужными навыками, команду, с которой он совершал революционные перемены в отрасли, точно зная, что и как надо делать.

В стране в отсутствие каких-либо природных богатств Ли Куан Ю тоже делал ставку на главный ресурс — образованных и высококвалифицированных людей, управляющих Сингапуром: «Чтобы выжить нам нужно гениальное правительство».

Эти лидеры обладали решимостью и предвидением больших, но часто неочевидных трендов. Apple — это Стив Джобс, а Сингапур — это Ли Куан Ю.

Не меньше, чем люди, на успех в любой области — науке, технологиях, бизнесе и управлении — влияют глобальные макроэкономические и политические тренды. В России на бизнес и жизнь людей гораздо заметнее, чем их личные способности или усилия, повлияли распад Советского Союза, приватизация и лихие 90-е, стабилизация и централизация и политические и экономические проблемы последних лет. Это связано не только с тем, что происходило внутри страны. Очень сильное влияние имеют геополитические и макроэкономические тренды — меняющаяся глобальная роль Индии, противостояние Китая и США, факторы, от которых зависит цена на нефть. Все это и экономически, и политически влияет на Россию. При этом и Индия, и Китай, и США считают Сингапур близким союзником. В этом еще одна уникальность Сингапура — он глубоко интегрирован *в весь мир*.

Такое лидерство и интеграция — модель управления и функционирования для меня и моей компании. Команда Acronis не отделяет свой успех от успеха Acronis — интеллектуальные, мотивированные, квалифицированные и эффективные люди определяют успешность бизнеса. Acronis глобальна и нейтральна — мы тоже ориентированы на большие тренды и интегрированы во все страны мира. В мире есть огромная степень непредсказуемости, на глобальные макроэкономические и геополитические тренды почти невозможно повлиять, но они сильно влияют на жизнь и бизнес, их важно знать и анализировать.

«Мой взгляд на будущее мира» — книга о больших трендах. Ли Куан Ю много писал, стараясь быть корректным, но не политкорректным. И именно этим, на мой взгляд, его книги особенно ценны. «Мой взгляд на будущее мира» не геополитический трактат — это очень лаконично и кратко изложенное представление великого человека о мировом порядке, его прямолинейное суждение о том, что происходит сегодня в ключевых регионах мира — Китае, одержимом центральной властью, Европе с ее тщетной борьбой за сохранение своей целостности, Америке, неоправданно верящей в свою способность изменить систему и мир; о мрачном будущем Японии, закрытой для иностранцев из-за приверженности к расовой чистоте, тщетных демократических экспериментах Ближнего Востока, слабеющих позициях России. Ли Куан Ю делится своей озабоченностью будущим Сингапура. С его

видением можно соглашаться или нет — лично я не разделяю его опасений относительно будущего России. И тем не менее эта книга — некое завещание одного из самых успешных мировых лидеров в истории человечества.

Для нас очень важно было издать эту книгу в России. Ли Куан Ю часто приезжал в Советский Союз и новую Россию. Он видел неограниченные возможности сотрудничества наших стран в сферах науки, инноваций и IT-разработок. Ли Куан Ю был в Татарстане на этапе планирования наукограда Иннополис, проект которого разрабатывал бывший главный архитектор Сингапура. Татарстан перенял многие эффективные практики Сингапура — систему электронного правительства, активное использование IT в образовании и здравоохранении. В Казани есть несколько хороших университетов — есть КФУ, есть КГТУ им. Туполева, теперь есть и Университет Иннополис. Acronis открыл в Иннополисе свой центр разработок, а в Сингапуре находится штаб-квартира компании. Сингапур всегда был ориентирован на науку, технологии и инновации. Здесь одна из лучших в мире систем образования. Acronis проводит совместные исследования с несколькими научными центрами, в числе которых Сингапурский институт хранения данных и Наньянский технологический университет, который, как и Национальный университет Сингапура входит в топ-15 лучших университетов мира. Школа бизнеса Сингапурского университета управления — в списке лучших мировых MBA школ. Университет Иннополис и Национальный университет Сингапура во время визита Ли Куан Ю подписали соглашение о сотрудничестве. Сын Ли Куан Ю — нынешний премьер Сингапура Ли Сянь Лун, свободно владеющий русским языком, — продолжил работу по этим проектам.

Нет пределов возможностей человека, который хочет изменить мир. Для этого не нужна правильная цена на нефть, а единственно значимым ресурсом должна быть человеческая креативность и правильная команда, во главе которой стоит сильный лидер, способный видеть большие тренды. Это книга лидера о глобальных мировых трендах.

Сергей Белоусов, генеральный директор и основатель компании Acronis, основатель Parallels и венчурного фонда Runa Capital, член Правления Физтех-Союза, Член Наблюдательного совета Университета Иннополис, председатель попечительского Российского квантового центра

Предисловие

За последние 100 лет мир невообразимо изменился. В 1920-е гг., когда я был ребенком, дорога в две мили от Бедока до принадлежавших моему деду плантаций каучуконосов в Чай-Чи занимала целый час — разумеется, мы ездили на гужевой повозке.

Еще более поразительно, как изменились способы коммуникации. В 1930-е, когда я был школьником, я с нетерпением ждал четвергов и пятниц: в эти дни из Англии прибывали корабли, которые, проведя в плавании до Сингапура пять-шесть недель, привозили мои любимые журналы для мальчиков. Сегодня даже бумажные письма доставляются на реактивных самолетах за считанные часы. Но авиапочтой уже мало кто пользуется. Гораздо проще и быстрее обменяться смс-сообщениями или электронными письмами через мобильную связь или Интернет. Сегодня мы можем общаться друг с другом буквально со скоростью света.

Я и подумать не мог о таких изменениях, не говоря уже о том, как изменится сам Сингапур.

Каким будет мир в ближайшие 50 лет? Едва ли кто-то способен нарисовать точную картину будущего, но одно можно сказать наверняка: скорость изменений будет гораздо выше той, что мы видели в последние полвека.

Более реалистично на основе существующих тенденций попытаться предсказать, что может случиться в ближайшие 15–20 лет. Но даже такие прогнозы будут очень неопределенны.

В этой книге я изложил свои взгляды на мир и на то, какие силы будут играть в нем роль в обозримом будущем. Правильное понимание того, что и почему происходит сегодня, необходимо для понимания того, как будут разворачиваться будущие события. Мое понимание основано на наблюдениях и взаимодействии с различными людьми на протяжении 50 лет моей работы в правительстве, где я по долгу службы отвечал в том числе и за внешнюю политику Сингапура и встречался со многими ключевыми фигурами, имеющими непосредственный опыт решения злободневных вопросов глобальной повестки дня.

Ведущими странами, чьи действия и решения будут играть важнейшую роль на международной арене в ближайшие годы, являются Соединенные Штаты и Китай. Но Сингапур должен стремиться к установлению как можно более тесных связей и с другими государствами: странами Европы, Японией, Южной Кореей, Индией, странами Юго-Восточной Азии и Ближнего

Востока. В этой книге я написал о том, с какими основными проблемами сталкивается каждое из этих государств сегодня и что может ожидать их в обозримом будущем.

Сингапур должен принимать мир таким, каков он есть; наша страна слишком мала, чтобы изменить его. Но мы можем попытаться максимально расширить то пространство для маневров, которое оставляют нам в нашем регионе «главные игроки». Таков был наш подход в прошлом, и мы должны быть достаточно гибкими и изобретательными, чтобы иметь возможность делать это и впредь.

Внутри страны три принципа определяют историю успеха Сингапура: стремление сделать его самым безопасным местом для жизни и работы, полное равноправие граждан и создание условий для успеха каждого поколения сингапурцев.

Без этих трех ключевых принципов, которые мы реализовывали на протяжении многих лет, мы никогда не добились бы того процветания, которое имеем сегодня. Все инвесторы, как местные, так и иностранные, должны чувствовать себя уверенно, вкладывая свои средства в Сингапур. И указанные три фактора гарантируют им безопасность инвестиций и надежный поток будущих прибылей. Не будучи тесно связаны с миром таким образом, мы рискуем оказаться выброшенными на обочину.

Благодарности

Эта книга никогда не увидела бы свет без помощи редакционной команды издательства The Straits Times, в которую входили такие замечательные люди, как Хань Фук Куан, Элгин То, Зурайда Ибрагим, Чуа Муи Хун и Шаши Джаякумар (директор по административным вопросам в Школе государственной политики имени Ли Куан Ю). Они снабжали меня необходимыми исследовательскими материалами, предоставляли редакторскую помощь и провели со мной серию интервью, выдержки из которых включены в каждую главу этой книги.

Я также выражаю благодарность моему помощнику Энтони Тану, пресс-секретарю Ёнг Юн Ину, а также сотрудникам различных вспомогательных агентств, которые внесли свой вклад в подготовку и издание этой книги.

1. Китай. Сильный центр

Сильный центр

Если вы хотите понять Китай и предсказать, каким он будет через 20 лет, вам нужно понять его людей и общественный уклад. На протяжении 5000 лет китайцы считали, что залог внутренней и внешней безопасности страны — сильный центр. Слабый центр означает неразбериху и хаос. Сильный центр ведет к миру и процветанию. Так считает каждый китаец. Это главный принцип, вынесенный китайским народом из уроков прошлого и глубоко укорененный в его сознании. И в ближайшее время не стоит ожидать отступления от этого принципа. Этот образ мышления предшествовал коммунизму. Он существовал в течение многих столетий и даже тысячелетий.

Некоторые на Западе мечтают увидеть в Китае становление демократии по западному образцу. Этого не произойдет. Американцы считают, что нельзя быть успешной страной, если каждый гражданин не участвует в выборах президента или парламента и лидеры страны не меняются раз в несколько лет. Таков их взгляд на мир. Но у китайцев никогда не было таких традиций. Китай — это огромная страна с населением 1,3 млрд человек, со своей уникальной культурой и историей. Он идет и будет идти своим путем.

Осенью 2011 г. в рыбацкой деревне Вукан в провинции Гуандун вспыхнули беспорядки. На протяжении многих лет строительные компании в сговоре с местными чиновниками отнимали у крестьян землю. Прибыль от продажи этих земель шла в карман чиновников и застройщиков. Все началось в сентябре, когда несколько сотен пострадавших крестьян устроили акции протеста. К декабрю, после того как один из жителей деревни умер в полицейском участке, эти акции переросли в полномасштабный бунт. На улицы Вукана вышли около 20 000 жителей. Они изгнали чиновников из деревни, вооружились чем смогли и установили на дорогах блокпосты. Они требовали возвращения своих земель. Несмотря на то что в китайских СМИ ни словом не упоминалось о Вукане, китайские граждане узнали о происходящем из сообщений иностранных информагентств в Интернете. В конце концов заместитель секретаря Комитета Коммунистической партии провинции Гуандун встретился с протестующими и уладил все вопросы. Власти признали жалобы жителей Вукана обоснованными, часть земель была возвращена

их законным владельцам, а арестованные в ходе беспорядков жители были выпущены на свободу. Позже были проведены свободные тайные выборы нового сельского совета. Убедительную победу на них одержал главный организатор протестов. Так деревня Вукан стала знаменита среди тех, кто надеется увидеть Китай на пути к демократическим реформам.

Как известно из новостных сводок, подобные протесты происходят в разных частях Китая едва ли не каждый день. Некоторые считают, что эти случаи свидетельствуют об ослаблении власти государства. Но правда заключается в том, что ни один из этих инцидентов не имеет потенциала перерасти в общенациональное движение. Восстание в деревне Вукан демонстрирует это как нельзя более наглядно. Коммунистической партии было достаточно отправить к протестующим заместителя секретаря провинциального партийного комитета, чтобы решить все вопросы и восстановить порядок.

Из произошедшего в Вукане можно извлечь два урока. Первый очевиден: Коммунистическая партия сохраняет свои позиции. Она эффективно усмирила бунт и восстановила порядок. Второй заключается в том, что для поддержания мира партия умело использует комбинацию жестких и мягких мер. Как только возникает подобный инцидент, в действие немедленно вступает мощнейший аппарат государственной безопасности, который уничтожает проблему в зародыше и не допускает эскалации конфликта. Но было бы упрощением думать о Коммунистической партии Китая как о совершенно коррумпированной структуре. В ходе событий в Вукане партия встала на сторону деревенских жителей в их борьбе против коррумпированных местных чиновников, однако при этом и сами протестующие жители Вукана на своих плакатах предусмотрительно заявляли, что они выступают только против коррумпированной местной власти — и поддерживают Коммунистическую партию.

Это типичная стратегия, которой придерживались все китайские оппозиционеры на протяжении тысяч лет. Китайцы знают, что любое выступление против центральной власти означает верное уничтожение. Таким образом, они могут выступать против противоправных действий со стороны местных чиновников, но при этом выражают полную лояльность по отношению к центру. Никто никогда не будет бросать вызов центру, если только эти смельчаки не готовы идти до конца и пытаться захватить власть по всей стране, что очень маловероятно.

Политические перемены

Возвращение Китая на международную арену в качестве ведущей мировой державы стало одним из ключевых событий нашего времени. Экономический рост этого государства поистине экстраординарен. Такие темпы еще 40 лет назад были невообразимы, а масштабы роста беспрецедентны в истории человечества. Судя по всему, Китай настроен продолжать такой рост в течение следующих нескольких десятилетий и к 2020 г. выйти на первое место в мире по объему ВВП. Не менее примечательна и трансформация его народа из единообразной и серой массы в сообщество граждан с широким разнообразием интересов и устремлений.

В военном отношении Китай будет делать большие шаги вперед, развивать технологии и наращивать потенциал, чтобы демонстрировать свою растущую силу на мировой арене. Сегодня американцы могут приближаться к китайскому побережью на расстояние всего 12 миль и вести разведывательную деятельность, но в ближайшем будущем Китай сможет отодвинуть американцев за пределы этой 12-мильной зоны, а затем и за пределы 200-мильной исключительной экономической зоны, чтобы положить конец американскому шпионажу вдоль своего восточного побережья.

Я могу спрогнозировать изменения в глобальном балансе сил. Через 20–30 лет Китай захочет входить в группу главных мировых держав. В конце концов, речь идет не о рождении новой силы, а о возрождении старой. И, по моему мнению, Китай стремится стать самой могущественной державой в мире.

Под влиянием ветра перемен меняется и политика страны. Ни одна система не может оставаться неизменной вечно. Одна из самых удивительных вещей, которая случилась на протяжении моей жизни, — это то, что коммунистическая система Советского Союза породила такую фигуру, как Михаил Горбачев (как и я, Горбачев закончил юридический факультет), который решил, что эта система плоха и должна быть реформирована. Я не могу поручиться, что нечто подобное не произойдет и в Китае. Как бы тщательно вы ни подбирали лидеров, обязательно придет поколение, которое скажет: «Эта система устарела. Давайте ее либерализируем». Никто не может утверждать, что этого не произойдет.

Но, даже если такое случится, это не приведет к установлению демократии западного типа. Просто одна руководящая верхушка сменится другой, поскольку, как я уже говорил, культурно и исторически в Китае сложилась

непоколебимая вера в то, что сильная центральная власть является залогом мира и процветания. Там никогда не было демократии западного типа, и она никогда не приводила к процветанию Китая. Так что они не будут даже пробовать это.

Сколько бы ни возникало разного рода Вуканов, в среднесрочной перспективе я не вижу вероятности подъема революционного движения и смены власти. Да, у китайцев есть традиция крестьянских восстаний. Но, как правило, они происходят, когда жизнь становится невыносимой. А сегодня жизнь обычных людей постепенно улучшается. Так зачем им нужна революция? Они знают, что она может стоить им того прогресса, который бы достигнут с тех пор, как Дэн Сяопин открыл страну. Перед молодыми людьми сегодня открываются широкие экономические перспективы, уровень жизни стабильно повышается изо дня в день, и Китай укрепляется. Не думаю, что они будут раскачивать лодку. Бесправные крестьяне не так многочисленны и плохо организованны. Они видят лишь один способ улучшить свою участь: переехать в город и присоединиться к среднему классу. Средний класс, в свою очередь, стремится подняться наверх. После того как ему удастся занять эту позицию и консолидироваться, он может захотеть большей прозрачности и больше возможностей для влияния на управление страной, но на это потребуется время. Короче говоря, хотя ныне существующая система, безусловно, должна и будет развиваться, она вовсе не находится на грани краха.

Внешние наблюдатели не должны недооценивать волю центрального правительства к сохранению власти и контроля. Оно хорошо информировано и компетентно, пристально следит за ситуацией и готово к принятию упреждающих мер. Появление современных технологий — Интернета, смартфонов, социальных медиа и т. п. — без сомнения, осложнило задачу правительства, поскольку эти технологии позволяют людям беспрепятственно общаться друг с другом в рамках небольших групп и в конце концов объединяться в более крупные группы. Но на этом фронте работа ведется без передышки. Китайское правительство задействует целую армию специалистов, чтобы контролировать и цензурировать все, что происходит в виртуальном пространстве. Просто поразительно, какое количество человеческих ресурсов оно готово бросить на то, чтобы обеспечить полный контроль над потоком информации. И, несмотря на изобретательные попытки некоторых пользователей Интернета обойти «Великий китайский файрвол», в целом эти меры работают и позволяют властям жестко контролировать всю интернет-активность. Внимательные цензоры устраняют любую возможность организоваться и

мобилизоваться. А органы госбезопасности оперативно выявляют и искореняют все, чему удалось просочиться в щели.

С учетом всего вышесказанного, какие политические реформы мы можем увидеть в Китае в ближайшие 10–20 лет?

Я предполагаю, что начнется очень осторожное движение в направлении более коллегиальной формы правления. Уже есть случаи проведения прямых выборов в сельские комитеты в некоторых районах и в законодательные органы низшего уровня. Эта практика может постепенно расширяться. Но продвижение будет идти очень маленькими, пробными шажками, избегая совершенно свободных выборов с непредсказуемыми результатами. Пока китайские власти держат все под полным контролем, они могут позволить себе экспериментировать. Если на то пошло, у них нет ни настоятельной необходимости, ни весомого стимула инициировать резкие перемены.

Сегодня Китайская коммунистическая партия осваивает новую для себя концепцию внутрипартийной демократии. Ее 17-й съезд был гораздо более открытым, чем 16-й. Для избрания на ряд главных партийных постов был предложен широкий выбор кандидатов. Если в прошлом лидеры партии, такие как Мао Цзэдун и Дэн Сяопин, сами выбирали своих преемников, то Ху Цзиньтао такой возможности уже не представилось.

Внутрипартийная демократия может быть распространена и на другие части системы. Один из способов сделать это — разрешить контролируемые состязательные выборы, возможно, на муниципальном и провинциальном уровнях, с участием одобренных партией кандидатов. Они могли бы начать с того, что разрешить трем-четырем надежным кандидатам бороться за значимый пост и в конечном итоге выбрать того из них, кому удастся заручиться наибольшей поддержкой общественности.

Разумеется, некоторые вещи будут меняться очень медленно, если будут меняться вообще. Я не думаю, что компартия откажется от всестороннего и скрупулезного контроля над всеми аспектами административного управления. Коррупция, а также отсутствие верховенства закона и институтов управления, вероятно, по-прежнему будут оставаться отличительными слабыми сторонами китайской государственной системы.

Коррупция была характерна для коммунистического китайского государства с его первых дней, но после проведения в стране рыночных реформ она возросла в геометрической прогрессии, поскольку зарплаты министров и чиновников ничтожны по сравнению с доходами остального быстро богатеющего населения. На сегодняшний день в Китае ничего невозможно сделать без «гуаньси», или «личных связей». Связи

налаживаются при помощи подарков, которые ранжируются в зависимости от значимости нужного вам человека. Понятно, что каждый стремится наладить «гуаньси» с кем-то вышестоящим, а этот вышестоящий, в свою очередь, хочет установить «гуаньси» с еще более статусной персоной. Например, если мой начальник несправедливо ко мне относится, я могу наладить «гуаньси» с его начальником. Это распространенный способ решения конфликтов. Недаром Коммунистическая партия Китая назвала борьбу с коррупцией «вопросом жизни и смерти».

Сумеет ли она взять коррупцию под контроль? Партия может постараться обеспечить «чистые руки» на самом верху. Тем не менее 11 ноября 2012 г. газета *The New York Times* уличила семью Вэнь Цзябао[1] в присвоении $2,7 млрд. Тем более я не думаю, что власти смогут контролировать коррупцию на местном уровне. И хотя она не приведет к краху системы, однако ее существование не позволяет системе функционировать эффективно. Когда личные связи определяют все назначения на ключевые посты и влияют на реализацию политики, невозможно добиться оптимального функционирования и результатов.

Кроме того, в китайской культуре глубоко укоренен такой подход, когда верховенству права и институтов управления придается крайне мало значения. В Сингапуре мы пришли к пониманию того, что в этом отношении нам необходимо походить на Запад: законодательные органы должны принимать законы, а независимые суды и судьи решать, как интерпретировать эти законы в конкретных ситуациях. То есть парламент принимает закон, но после этого в случае возникновения спора вы не идете в парламент и не спрашиваете: «Что вы имели в виду под этой формулировкой?» Вы идете к судье, который говорит: «Исходя из установленных правил интерпретации закона, основанных на надежных правовых прецедентах, я интерпретирую этот закон следующим образом…»

Китайцы не приняли такой подход, как не приняли и того, что подписание договора означает окончательную договоренность. Для них подписание договора — это начало долгой дружбы, поэтому время от времени вы можете проверять, не зарабатывает ли ваш друг слишком много и не нужно ли заставить его поделиться своими доходами.

Такая неопределенность также находит свое отражение в том, как они относятся к институтам управления. В Китае человек значит больше, чем любой институт. Например, вы можете быть президентом, но, если у вас нет личных связей среди военной верхушки, армия не будет вам подчиняться, тогда как в Сингапуре, Великобритании, Соединенных Штатах и странах

Европы, если вы президент или премьер-министр, военное руководство автоматически выполняет ваши приказы, потому что институт значит больше, чем отдельные люди. Смог бы Китай последовать примеру Сингапура, не говоря уже о Соединенных Штатах, в деле установления верховенства права и институтов управления? Это было бы очень непростой задачей, которая потребовала бы фундаментальных изменений в менталитете как правящих кругов, так и всего населения. А поскольку эти понятия отсутствуют в китайской культуре и истории, возникает вопрос: как они могут появиться?

Я думаю, что китайцы будут разрабатывать свою собственную систему и тестировать все всевозможные конфигурации без верховенства закона и институтов управления. Но из-за этих ограничений Китай никогда не сможет функционировать на максимальной мощности: создать то, что я назвал бы идеальным состоянием, в котором вы можете стабильно расти, вверх и вверх.

Китай будет развивать собственные институты и системы, следуя своим уникальным путем. Но, какие бы реформы там ни проводились, одно останется неименным: там сохранится сильный центр.

В: Китайская экономика растет очень быстро, но в политическом плане страна меняется крайне медленно. Почему так происходит?

О: Я думаю, что причины кроются в культуре и истории Китая. На протяжении всей истории этого государства сильный центр означал мир и процветание. Слабый центр означал неразбериху и хаос. Так было во времена военно-феодальных правителей. Каждый из них сам устанавливал законы. Мы вряд ли увидим какие-либо реформы, отклоняющиеся от этого принципа.

В: Является ли сильное централизованное государство синонимом Коммунистической партии Китая?

О: Если брать Коммунистическую партию в ее сегодняшнем виде, то, разумеется, да. Но что такое сегодня Коммунистическая партия Китая? Она больше не является коммунистической в строгом смысле этого слова. Это просто старая этикетка на старой бутылке, в которую налили новое вино.

В: Но политические структуры остались прежними…

О: Эти политические структуры предшествовали приходу коммунистов. У китайцев есть поговорка: «Горы высоки, а император далеко». На местах каждый начальник и чиновник — император. Китайцы жили так на протяжении тысячелетий.

В: И вы считаете, что такие устои сохранятся еще долгое время, несмотря на все происходящие перемены?

О: Да, сегодня центральная власть использует вертолеты,

Интернет, мобильную связь и силы быстрого реагирования. Но менталитет не изменился.

В: А как насчет молодого поколения, имеющего доступ к информации, — вы не считаете, что оно может расшатать эти устои? А низшие классы и крестьяне, перебравшиеся в города, — могут ли они взбунтоваться на фоне растущего разрыва в доходах?

О: Нет, я не вижу шансов на успешное восстание народных масс. Когда народ взбунтовался в деревне Вукан, в провинции Гуандун, властям было достаточно направить туда заместителя секретаря местного комитета партии, чтобы восстановить порядок. Кроме того, у них очень мощное Министерство общественной безопасности.

В: В этом и заключается секрет долгожительства китайской компартии? Многие коммунистические правительства, особенно в Восточной Европе и Советском Союзе, пытались сохранить власть силой, но безуспешно.

О: Китай отличается от Восточной Европы. Страны Восточной Европы пережили Возрождение, у них есть традиции либерализма и вольнодумства, есть желание каждого человека быть свободной и творческой личностью. Китай — это Китай. И, как я уже говорил, китайцы хорошо выучили урок: сильный центр гарантирует безопасность и процветание, слабый центр ведет к хаосу и упадку.

В: Из этого следует, что арабской весны, которую мы увидели на Ближнем Востоке, в Китае в обозримом будущем не случится?

О: Я не вижу никакой связи между арабской весной и Китаем. Это все измышления средств массовой информации. Когда я читаю нечто подобное, я говорю: «Эти люди ничего не знают о Китае». У китайцев есть своя долгая, уникальная история, которая определяет образ мышления и правительства, и народа.

В: Могут ли крестьяне и сельхозрабочие, страдающие от повсеместной коррупции, захотеть изменить систему?

О: Они не организованы, и их единственная цель — переехать в город и присоединиться к среднему классу. Они видят свое будущее не в борьбе за лучшую жизнь путем восстаний, а в присоединении к тем, кто живет лучше них.

В: Достаточна ли в Китае степень социальной мобильности, чтобы дать людям надежду на то, что однажды они смогут войти в средний класс?

О: Я думаю, что в Китае на настоящий момент степень социальной мобильности довольно высока. В этом смысле там не жестко структурированное общество. В Великобритании, которую я хорошо знаю, люди из высших слоев общества получают

хорошее образование, вступают в браки между собой, производят потомство, которое благодаря хорошим генам и доступу к хорошему образованию остается наверху и формирует своего рода касты. Так происходит расслоение общества. Китаю еще далеко до такой ситуации. Сингапур рискует прийти к этому гораздо раньше — из-за быстрого прогресса в области образования. Например, дети водителей такси и рыночных торговцев поступают в университеты, потом вступают между собой в браки, поднимаясь на более высокий уровень, а их дети, благодаря генам и лучшим возможностям получения образования, закрепляются на этом более высоком уровне. Так происходит во всех обществах. Если, в конце концов, в низших слоях накапливается достаточно недовольства, они говорят: «Давайте перетасуем колоду карт». Именно поэтому в Китае и произошла коммунистическая революция и был свергнут буржуазно-помещичий режим во главе с партией Гоминьдан. Но теперь у них появляется новая коммунистическая элита. К счастью, мы в Сингапуре пока не достигли такой ситуации.

В: Официальные теоретики китайской компартии считают, что начинать следует с внутрипартийной демократии, а оттуда двигаться дальше. Как, по вашему мнению, будет происходить этот процесс?

О: Они введут контролируемые состязательные выборы между одобренными кандидатами. Это и есть внутрипартийная демократия.

В: А каким будет следующий шаг?

О: Я не знаю. Не думаю, что они решатся на полностью свободные выборы с непредсказуемым результатом. В Китае такого никогда не было. Вы можете представить себе китайца, который говорит: «Меня зовут Джимми Картер, и я хочу стать вашим президентом»?

В: Но так произошло на Тайване.

О: Тайвань — маленькая страна с населением всего 23 млн человек.

В: То есть вы не считаете, что в Китае может быть введена система прямых выборов по принципу «один человек — один голос», и даже не видите в ней никакой необходимости?

О: Именно так. Я думаю, эта система может быть введена на уровне сельских органов власти и законодательных органов провинциального уровня, но никак не в верхних эшелонах власти — среди партийных секретарей, губернаторов и выше.

В: Что, если в высшем эшелоне власти возникнут разногласия? Например, Вэнь Цзябао в свою бытность премьер-министром производил впечатление политического реформатора

и говорил о демократии с китайской спецификой.

О: Вэнь Цзябао — не номер один, а номер три. А когда номер три говорит подобные вещи — это приемлемо. Бывший президент Цзян Цзэминь по-прежнему удерживает в своих руках ниточки власти. Я думаю, что Вэнь Цзябао был в меньшинстве, имея в лучшем случае одного-двух сторонников своих идей в Политбюро. Туда попадают люди, прошедшие тщательный отбор. Вы думаете, они скажут «Давайте откажется от старой системы и введем свободные прямые выборы»? Когда любой человек может стать кандидатом на любой пост и быть избранным? Они никогда на это не пойдут.

В: Они интересуются политической системой Сингапура?

О: Они интересуются всеми политическими системами в поисках полезных идей, но стараются втиснуть эти идеи в рамки своей системы.

В: У нас действует избирательная система «один человек — один голос»…

О: Не думаю, что они это позаимствуют. Посмотрите на размеры их страны.

В: Тогда какие аспекты политической системы Сингапура могут их заинтересовать?

О: Их интересует, как мы заботимся о рядовых членах общества, используя такие механизмы, как регулярные встречи с народом, домовые комитеты, Народная ассоциация. Другими словами, мы знаем, как живут обычные люди, и заботимся о них, решаем их проблемы. Я думаю, что китайцы уже начали реализовывать подобную политику и уже отдали соответствующие распоряжения. Насколько успешной будет эта политика — другое дело, но приказ «быть в курсе жизни обычных людей и заботиться о них» есть. Тем не менее это не мешает китайским чиновникам вступать в сговор с застройщиками и отбирать у крестьян землю без справедливой компенсации. Вы можете представить себе нечто подобное в нашей системе?

В: Если бы партия Гоминьдан осталась у власти в материковом Китае, могла бы она внедрить западную демократию с ее избирательным принципом «один человек — один голос»? Ведь ее лидер Сунь Ятсен верил в демократию западного типа.

О: Нет, я так не думаю. Они сумели создать такую демократию на Тайване, потому что это очень маленькая страна, и ее выживание полностью зависело от Соединенных Штатов. Они встали на демократический путь только лишь потому, что американцы никогда не стали бы поддерживать авторитарный режим.

В: Но теперь, когда на Тайване существует демократическая

система, а в Гонконге в течение нескольких лет будет введено всеобщее избирательное право, не усилится ли на материке давление в сторону реформ? Не начнут ли китайские граждане требовать от правительства предоставить им те же права и возможности, что есть у их соотечественников на Тайване и в Гонконге?

О: Они могут хотеть этого, но каким образом они могут оказать давление на правительство? Есть ли у них право голоса? Готовы ли они свергнуть правительство революционным путем? Не думаю, что верхушка захочет добровольно отказаться от своей власти. И не думаю, что сам китайский народ верит в то, что, имея население в 1,3 млрд человек, можно выбрать президента по системе «один человек — один голос». Это неосуществимо.

В: Почему вы так думаете?

О: Как охватить предвыборной агитацией 1,3 млрд человек?

В: Индийцы делают это.

О: И результаты не впечатляют — по разным причинам.

«Тао куан ян хуэй» Держаться в тени

Впервые я встретился с Си Цзиньпином в Доме народных собраний в ходе моего визита в Пекин в ноябре 2007 г. Я не просил о встрече именно с ним. Я собирался встретиться с другим человеком, но то, что ко мне прислали именно его, говорило о многом. Он был тем, на кого делали ставку. Это была его первая встреча с иностранным лидером после избрания в Постоянный комитет Политбюро Китайской коммунистической партии — факт, который ясно показывал всему миру, кто назначен на роль преемника Ху Цзиньтао.

Меня поразила широта его взглядов — то, что китайцы называют «да ци» в противоположность «сяо ци». У него глубокий аналитический ум. Он видит суть дела, но не хочет выставлять свои знания напоказ. Ему не хватает искрящегося дружелюбия Цзян Цзэминя, но и не свойственна сухая сдержанность Ху Цзиньтао. Этот человек вызывает к себе уважение. Таково было мое первое впечатление. Принимая во внимание, какие испытания и невзгоды ему пришлось пережить, — в 1969 г. его 16-летним юношей сослали из столицы на «трудовое перевоспитание» в одну из беднейших провинций Китая Шэньси, откуда ему пришлось прокладывать путь наверх, — поразительно, что он никогда не ворчит и не жалуется на жизнь. Я бы поставил его в один ряд с такими великими личностями, как Нельсон Мандела.

Си представляет собой пятое поколение лидеров КНР начиная с 1949 г. Он возглавляет правительство, отвечающее высочайшим стандартам компетентности на всех уровнях, — важное достоинство китайской государственной системы, восходящее еще к системе мандарината. Сегодня высокие руководящие посты в Китае все чаще занимают люди, получившие западное образование, немало поездившие по миру и свободно владеющие английским языком. Их нельзя назвать коммунистами в строгом смысле этого слова — это прагматики, полные решимости построить богатую, технологически передовую, развитую страну. Каждый из четырех предыдущих лидеров государства внес свой уникальный вклад в строительство нового Китая. Для Мао Цзэдуна это была череда революций. Для Дэна Сяопина — реформы и открытость. Для Цзяна Цзэминя — консолидация и развитие. Для Ху Цзиньтао — построение гармоничного общества, в частности сокращение разрыва между богатыми и бедными. Какое наследие оставит после себя Си Цзиньпин?

С момента моего первого визита в Китай в 1976 г. я взял за правило регулярно посещать эту страну, по возможности не реже одного раза в год. Я встречался со всеми ее лидерами — от Мао до Си. Мао был великим человеком, который поставил Китай на ноги. В 1949 г., после 200 лет хаоса и нестабильности, в которых пребывала страна, он вышел на площадь Тяньаньмэнь и провозгласил: «Отныне китайский народ встал во весь рост!» Второго такого революционера, как Мао, не было и нет. Он был мастером партизанской войны: умело руководя боевыми действиями против националистов, победил их и объединил страну. Но можно ли назвать его модернизатором Китая? История трагически свидетельствует о том, что человек, который освободил Китай, затем почти разрушил его в ходе Культурной революции. Если бы он продолжал править и дальше или если бы власть перешла к Хуа Гофэну — его преемнику, унаследовавшему его идеологию, Китай пошел бы по пути Советского Союза. Мне довелось встретиться с Мао только один раз, в самом конце его карьеры, когда он был далеко не в лучшей форме. Общались мы так: сначала одна женщина переводила все, что говорил Мао, с хунаньского диалекта, а затем переводчик переводил это на английский язык. Я видел лишь тень легендарного человека.

К счастью для Китая, Дэн Сяопин резко изменил курс, по которому шла страна. Впервые он приехал в Сингапур в 1978 г., предварительно посетив Бангкок и Куала-Лумпур. Он хотел, чтобы мы объединили силы и не позволили вьетнамцам напасть на Камбоджу, а если это все же произойдет, дать им достойный

отпор. Я думаю, что эта поездка стала для него откровением. Должно быть, он ожидал увидеть три отсталые столицы, какие бывают в бедных странах. Но вместо этого увидел три современных столичных мегаполиса, с которыми не мог сравниться ни один город в Китае. Он провел в Сингапуре четыре дня. Когда за ним закрылась дверь самолета, я сказал своим коллегам: «Теперь его информаторы получат хорошую взбучку, потому что то, что он увидел в Сингапуре, полностью противоречит их донесениям». Его местные информаторы были из числа сочувствующих коммунистам, и их донесения носили явно предвзятый характер.

Во время одного из официальных ужинов он высказал мне свои поздравления и на мой вопрос, с чем он меня поздравляет, ответил: «У вас прекрасный город, город-сад». Я поблагодарил его, но добавил: «Что бы мы ни делали, вы можете сделать лучше, потому что мы — потомки безземельных крестьян с юга Китая. У вас есть ученые и есть специалисты. Что бы мы ни делали, вы добьетесь большего». Он ничего не ответил. Он просто посмотрел на меня своим пронзительным взглядом и сменил тему. Это был 1978 год.

В 1992 г. он отправился в свою знаменитую поездку по южным провинциям Китая, чтобы побудить местное руководство более активно проводить в жизнь политику реформ и открытости, и в своей речи в провинции Гуандун сказал следующее: «Мы должны учиться у мира и особенно у Сингапура. И мы должны добиться большего, чем они». Тогда я сказал себе: «Он не забыл мои слова». Они действительно могут добиться большего, чем мы.

Во время своего визита в Сингапур Дэн увидел, как небольшой остров без каких-либо природных ресурсов сумел добиться процветания за счет привлечения иностранных инвестиций, грамотного управления и развития технологий. Он вернулся в Китай убежденным в том, что им тоже нужно открыть свою экономику для мира. Это был ключевой поворотный момент в истории Китая, и, резко сменив курс, страна больше не оглядывалась назад.

Я был свидетелем впечатляющей трансформации Китая. Интенсивное строительство превратило его обветшалые, малозастроенные города с устаревшей инфраструктурой в современные мегаполисы со скоростными поездами, автострадами и аэропортами. Посетите Далянь, Шанхай, Пекин, Гуанчжоу или Шэньчжэнь — они ни в чем не уступают Гонконгу и любому другому городу в мире. Китайцы — превосходные строители и дизайнеры. Я не знаю, почему они так долго подавляли эти свои таланты в ущерб самим себе.

Дэну принадлежит ключевая роль в том, что страна встала на другой путь развития. Поначалу представители «старой гвардии» воспротивились его решению открыть Китай миру. Но Дэн был человеком с сильным характером. Он отмел противников в сторону и начал решительно действовать. Без него этот поворот не произошел бы так быстро, потому что его высочайший, непререкаемый авторитет — в свое время он участвовал в легендарном «Великом походе» под руководством Мао Цзэдуна — помог переубедить сомневающихся. Человек маленького роста, Дэн был гигантом как политический лидер. Из всех иностранных глав государств, которых мне довелось знать, он, несомненно, произвел на меня самое глубокое впечатление.

Своим преемником на посту руководителя страны и партии Дэн Сяопин выбрал Цзян Цзэминя. Во время событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. тот был секретарем шанхайского городского комитета партии и сумел успешно подавить аналогичные беспорядки в Шанхае. Это был человек «твердой руки», который видел свою миссию в том, чтобы продолжать программу модернизации, начатую его предшественником. Я помню его как очень дружелюбного и общительного человека. Во время нашей первой встречи он громоподобным голосом пропел припев из известной итальянской песни "O Sole Mio", потом схватил меня за руку и спросил: «Что, по-вашему, о нас думают американцы?» Разумеется, это было еще до того, как китайцы наладили тесные отношения с Америкой. Теперь им не нужно спрашивать об этом у меня.

Что касается Ху Цзиньтао, то его я считаю консолидатором. За время своего правления он провел всего одну или две фундаментальные реформы. Но, учитывая те серьезные проблемы, с которыми столкнулась его страна, такие как интенсивная миграция сельского населения в города и растущий разрыв в доходах, перед ним стояли другие задачи, а именно консолидация и стабильность. Мне он показался спокойным и вдумчивым человеком. Он не такой яркий человек, как Цзян Цзэминь, но у него блестящая память, и он тщательно изучает любой вопрос, с которым сталкивается. Вскоре после его прихода к власти правительство совершило ряд ошибочных шагов, попытавшись скрыть от международного сообщества информацию о вспышке атипичной пневмонии в южных провинциях Китая, но, осознав, что это создает серьезную угрозу для экономики страны, Ху Цзиньтао устранил все препоны и принял активные меры для решения этой проблемы, включая беспрецедентные отставки министра здравоохранения и мэра Пекина. Это показало всем решительность и твердость нового лидера страны и премьер-

министра Вэнь Цзябао. В конце концов, в свое время Ху был переведен в центр после того, как жестоко подавил массовые беспорядки в Тибете. За мягкой, добродушной внешностью в нем скрывается железный человек.

Трудно предсказать, какую политику будет проводить в жизнь Си Цзиньпин и какое наследие он постарается оставить после десятилетий правления страной. Китайские лидеры не склонны трубить о своих планах на будущее до прихода к власти. Они предпочитают держать голову ниже бруствера. Поскольку Китай переживает критический период с точки зрения внутренних проблем, я думаю, что Си Цзиньпин сосредоточит свои усилия на их решении. Многое будет зависеть и от того, какие события будут происходить во внешнем мире. Самые лучшие планы могут пойти наперекосяк под давлением непредвиденных обстоятельств. Но я считаю, что он будет реагировать на все обдуманно, без паники. Он имеет вес и, я думаю, будет уверенно вести партию за собой. Его опыт работы в армии обеспечит ему необходимое влияние в военных кругах.

За его внешней политикой будут следить с пристальным вниманием. Подъем Китая вызывает серьезные опасения у многих стран, как в Азии, так и на Западе. Сильный Китай приносит мировому сообществу множество преимуществ, например растущие инвестиции китайских компаний, начинающих выходить за пределы своей страны. Но соседи Китая также начинают ощущать его все более уверенную и жесткую позицию во внешней политике. Очевидно и то, что этот пробуждающийся гигант бросает вызов и Соединенным Штатам — их доминированию если не в глобальном масштабе, то определенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ключевой вопрос в том, можно или нет верить повторяющимся заверениям китайского руководства в том, что Китай стремится только к мирному росту, а не к гегемонии. На это есть две точки зрения. Первая — что китайцы будут мирно наращивать свою мощь и влияние без какой-либо внешней агрессии. Вторая — что они накачают мускулы и примутся запугивать всех вокруг. Я думаю, что они выберут первый вариант, хотя при этом, возможно, будут наращивать силу. Дэн Сяопин считал мудрым решением «держаться в тени» (по-китайски — «тао куан ян хуэй»). Он был уверен, что до поры до времени Китай должен скрывать свои амбиции и прятать когти. Китайцы знают, что им нужно еще 30–40 лет, чтобы догнать остальной мир. Если они не станут бросать вызов ведущим мировым державам и будут водить дружбу со всеми, это даст им время и возможность решить свои внутренние проблемы и

продолжить курс на стабильный экономический рост.

Они также хорошо осознают необходимость избегать пути, по которому в свое время пошли Япония и Германия. Резкий подъем Германии и Японии привел к резкому обострению в Европе и Азии конкуренции за власть, влияние и ресурсы, что в конечном счете привело к двум самым кровопролитным войнам XX века и положило конец росту и процветанию этих стран. Если Китай будет вовлечен в какую-либо войну, это может привести к внутренней нестабильности, началу народных волнений и негативным последствиям в экономике, возможно, на очень долгий период времени. Таким образом, я думаю, что китайцы будут руководствоваться рациональным расчетом: «Мы так долго ждали этой возможности догнать развитые страны. Зачем теперь спешить и ставить под угрозу наш постепенный, но уверенный подъем?»

Разумеется, это не означает, что Китай будет капитулировать всякий раз при возникновении разногласий с другой страной. По мере изменения глобального баланса сил он будет все увереннее высказывать и отстаивать свою позицию. Как заявил бывший министр иностранных дел КНР Ян Цзечи, там, где затрагиваются коренные интересы Китая, китайцы будут неуклонно отстаивать свои принципы. Ближайшие соседи Китая в Азии уже убедились в этом. В 2008 г. Вьетнам предоставил американской нефтегазовой компании ExxonMobil право на бурение нефтяных скважин в спорных водах Южно-Китайского моря. Задействовав свой военный флот, китайцы потребовали от американской компании убраться из акватории. А китайское правительство предупредило ExxonMobil, что, если она будет продолжать попытки, бизнес компании в Китае будет поставлен под угрозу. И поскольку поблизости не было американского военного флота, который мог бы прийти ей на подмогу и позволить отстоять свои права, ExxonMobil пришлось свернуть проект.

Четыре года назад, в 2010 г., Япония арестовала капитана китайского рыболовецкого траулера, который столкнулся с двумя японскими патрульными судами в спорных водах около островов Сенкаку (по-китайски — островов Дяоюйдао). Первоначально японцы хотели судить капитана по японским законам, но в конце концов уступили интенсивному давлению со стороны Китая и выпустили его на свободу. Этот инцидент наглядно показывает, как изменился баланс сил. Сегодня Японии приходится иметь дело не со слабой и отсталой страной, в которую она может вторгнуться и почти полностью оккупировать, как это было чуть более полувека назад, а с поднявшимся на ноги гигантом размером в 10 раз больше нее. Такая уступчивость со стороны

японцев означала признание новых реалий. Они понимали, что отныне имеют дело не с разрозненной кучкой феодальных правителей, а с организованной страной, имеющей сильную центральную власть, которая способна на решительные действия.

Постепенно мир будет все больше убеждаться в том, что китайцы далеко не пассивны. Они очень активны в защите своих интересов и будут продолжать отстаивать их. Китайцы знают, что они — самый сильный игрок в регионе, и по мере наращивания сил будут требовать все более уважительного отношения со стороны соседей. Поэтому в интересах других азиатских стран, в том числе и государств АСЕАН (Ассоциации государств Юго-Восточной Азии), чтобы американцы сохраняли значительное присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе, создавая противовес Китаю. В отсутствие такой уравновешивающей силы, как США, у небольших азиатских стран не останется никакого пространства для маневра. Когда у вас есть не одно, а два больших дерева, вы можете выбирать, под тенью какого из них укрыться. Присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе важно и для самих Соединенных Штатов, ведь, если американцы потеряют свое доминирование в этой части земного шара, они могут потерять его и во всем мире.

Соперничество между Китаем и Соединенными Штатами за доминирование в регионе уже идет полным ходом. Оно будет продолжаться и во второй половине XXI века. К тому времени двусторонние отношения между США и Китаем займут первое по значимости место в мире, как во времена холодной войны отношения между США и СССР. Благодаря тому, что в течение нескольких лет после событий 11 сентября внимание США было приковано к войнам в Ираке и Афганистане, Китай мог спокойно продвигать свои интересы в регионе, углублять связи и даже подписать соглашение о свободной торговле со странами АСЕАН. Когда 10 лет назад китайский премьер-министр Чжу Жунцзи предложил АСЕАН создать зону свободной торговли с Китаем, правительства стран АСЕАН были немало удивлены этим предложением, поскольку считали, что Китай не решится открыть свою экономику до такой степени, чтобы заключать двусторонние и региональные соглашения о свободной торговле. Однако установление тесных экономических связей с АСЕАН было продуманным стратегическим ходом со стороны китайцев, которые хотели, чтобы члены АСЕАН рассматривали рост Китая как возможность, а не угрозу. Я сказал американскому атташе по торговле, что, если в течение ближайших 10–20 лет США не заключают с АСЕАН соглашение о свободной торговле, экономика стран АСЕАН продолжит активно интегрироваться с китайским

рынком, так что американский рынок отойдет для нас на второй план.

В военном отношении американцы все еще находятся далеко впереди. Военный бюджет Китая, хотя и удваивается ежегодно, по-прежнему составляет не более одной шестой от военного бюджета США — и это, безусловно, отражается в превосходящих военных технологиях и военном потенциале американцев. В конце концов китайцы захотят сравняться с США по военной мощи. Но на это уйдет много десятилетий.

Китайцы делают все возможное, чтобы наверстать упущенное. Они пытаются догнать США в области самых передовых технологий, таких как отправка человека в космос или создание собственной системы глобального позиционирования. Они знают, что, если будут зависеть от американской системы GPS, преимущество всегда будет на стороне американцев. Продемонстрировав, что они могут выводить в космос собственные спутники и перехватывать собственные баллистические ракеты, китайцы тем самым сообщили США: «Теперь вы нас не запугаете. Мы научились перехватывать ракеты». Только представьте себе уровень технологий: вы должны обнаружить иголку где-то в бескрайнем небе над Тихим океаном и поразить ее при помощи другой иголки. Это вам не стрелять из пушки прямой наводкой. Это весьма впечатляющая демонстрация их возможностей.

Я думаю, что со временем китайцы постараются избавить свое восточное побережье от американского шпионажа. Сегодня американцы могут приближаться к китайскому побережью на расстояние всего 12 миль и оттуда вести разведывательную деятельность. Представьте себе обратную ситуацию: что, если бы китайские авианосцы подошли так же близко к американскому побережью? Американцы никогда бы не стали с этим мириться — да и в принципе не допустили бы этого. Так что вы можете себе представить, что чувствуют китайцы. Но, чтобы суметь отодвинуть американцев подальше от своих берегов, китайцам нужно совершенствовать свои технологии, лежащие в основе ракет большой дальности. Когда у вас есть такие ракеты, вы тем самым негласно предупреждаете весь мир о том, что, если кто-то решится слишком близко подойти к вашим границам, вы можете сбить этот самолет или утопить этот авианосец. На сегодняшний день китайцы не могут этого сделать. Но, когда научатся, чужим самолетам и авианосцам будет лучше держаться подальше от их границ. Американцы не станут полагаться на удачу. А китайцы скажут: «Это наша экономическая зона. Держитесь от нее подальше. Мы не приближаемся к вашему побережью, так что

дает вам право приближаться к нашему?» Послушают ли их американцы? В конце концов, кто сильнее, тот и прав.

Таким образом, через 20–30 лет соотношение сил изменится. Сначала китайцы отодвинут американцев за пределы 12-мильной зоны, а затем и за пределы 200-мильной исключительной экономической зоны. А сумев сделать это, они станут самой влиятельной силой в регионе.

Некоторые ученые, опираясь на исторические прецеденты, утверждают, что подъем новой сильной державы ставит под угрозу доминирование существующей сверхдержавы, что делает военный конфликт между ними весьма вероятным, если не неизбежным. В случае Китая и США я не соглашусь с ними. Не в интересах ни одной из этих держав сталкиваться друг с другом на поле боя. Обе страны имеют ядерные арсеналы и осознают все потенциально катастрофические последствия. Кроме того, в отличие от американо-советских отношений, между США и Китаем, с энтузиазмом воспринявшим свободный рынок, нет того непримиримого идеологического конфликта. Китайцам нужны дружественные отношения с Соединенными Штатами, чтобы получить доступ к их рынкам, инвестициям, технологиям и университетам. А у США просто нет необходимости делать из Китая долгосрочного врага.

Самый серьезный конфликт между ними может возникнуть по поводу Тайваня. Но я не думаю, что США будут воевать с китайцами ради того, чтобы Тайвань сохранил свою независимость. Оно того не стоит. Да, в первом раунде американцы могут победить. Но готовы ли они сражаться снова и снова? Готовы ли они заплатить за Тайвань такую же цену, которую готов заплатить за него Китай? Помните, что ни один китайский лидер не сможет удержаться у власти, если при нем будет потерян Тайвань. Так что для китайцев это очень серьезный вопрос. Даже если первый раунд будет проигран, они начнут второй, затем третий, четвертый — и так до тех пор, пока не победят. Для Америки цена будет слишком высока. Со временем тайваньцы поймут это, если уже не поняли. Ма Инцзю почти признал этот факт своим лозунгом *«Бу тон, бу ду, бу ву»* — никакого воссоединения, никакой независимости, никакого применения силы. Ключевые слова здесь: никакой независимости, поскольку нет никаких сомнений в том, что в тот момент, когда Тайвань объявит независимость, Китай прибегнет к силе, чтобы вернуть остров.

Воссоединение между Тайванем и материком — вопрос времени. Ни одна страна в мире не сможет предотвратить это. На самом деле судьба Тайваня, по сути, была решена еще на

Каирской конференции в 1943 г., когда Франклин Рузвельт и Уинстон Черчилль согласились с требованием генералиссимуса Чан Кайши вернуть Тайвань Китаю. Президент Ли Дэнхуэй начал процесс «тайванизации», акцентирующий обособленность острова от Китая. Однако это не изменит участи острова, который обречен рано или поздно воссоединиться с материком, а лишь сделает такой исход гораздо более болезненным для тайваньцев. Экономика решит эту проблему. Постепенная и неумолимая экономическая интеграция объединит два общества, и Китаю не потребуется применять силу. Уже сейчас, при президенте Ма Инцзю, экономические отношения между ними активно развиваются и будут развиваться в течение следующих четырех лет, пока он находится у власти. Если по окончании этого восьмилетнего срока на смену Гоминьдан придет Демократическая прогрессивная партия и сменит политический курс, тайваньские промышленники и фермеры понесут большие убытки, поэтому на следующих выборах прогрессивисты, несомненно, проиграют. Другими словами, растущая взаимозависимость сделает независимость Тайваня невозможной.

В: Вы не удивлены тем, насколько быстро изменился Китай? Могли ли вы предвидеть такие изменения в 1976 г., когда впервые посетили эту страну?

О: Конечно, не мог. Я не знал, как долго Мао будет оставаться у власти. Дэн Сяопин посетил Сингапур в 1978 г. Он был поражен нашей страной, вернулся домой и резко сменил политику: открыл Китай миру, привлек инвестиции. Китайцы начали путешествовать. Да, у них жесткая цензура в Интернете, но теперь у людей есть айфоны. Когда в провинции Сычуань произошло землетрясение, пользователь айфона немедленно сообщил об этом в Сети. Если бы эта новость не просочилась в Интернет, центральное правительство само решило бы, когда сообщить об этом миру. Таким образом, новые технологии в определенной степени изменили жизнь людей и заставляют правительство менять привычные способы работы.

В: Вы впервые встретились с Си Цзиньпином в 2007 г. Какое у вас сложилось впечатление об этом человеке?

О: Я считаю его очень компетентным лидером. У него непростое прошлое. Его отец был репрессирован, а его самого отправили на трудовое перевоспитание в деревню. Оттуда он прокладывал себе путь наверх. В конце концов он стал губернатором провинции Фуцзянь. Когда секретарь шанхайского комитета компартии был уличен в коррупции, Си перевели из Фуцзяня в Шанхай. Он отлично показал себя на новом месте, поэтому его перевели в Пекин. Конечно, определенную роль здесь

сыграло стечение обстоятельств, но судьба Си также показывает, какой недюжинной силой воли обладает этот человек.

В: Си Цзиньпин стал главой Китая, когда это государство сильно, как никогда раньше за последние 200 лет. Не будет ли он проводить более напористую внешнюю политику?

О: Не думаю, что он впадет в эйфорию и станет бравировать силой. Он мудрый человек и знает, что это не в интересах Китая. Как мне кажется, он будет продолжать политику Дэн Сяопина «тао куан ян хуэй» — «держаться в тени».

В: Чем новые лидеры, включая Си Цзиньпина, отличаются от тех, с которыми вы встречались в 1970-х и 1980-х гг.? Помимо разных личностных качеств, есть ли какие-либо другие различия, которые отражают произошедшие в Китае перемены?

О: Сейчас они сталкиваются с другими проблемами. Тогда была страшная бедность, отсутствовала инфраструктура. Теперь у них есть современные мегаполисы, особенно в прибрежных районах, которые могут сравниться с Гонконгом. Но в этих районах живет менее 50 % населения. Остальные 50–55 % живут в бедной сельской глубинке.

В: Не стало ли их мышление менее жестким? В своих мемуарах вы написали, что в 1970–1980-е гг. китайские официальные лица строго придерживались формальных рамок и их ответы были выдержаны в высокопарном стиле.

О: Да, сегодня они расслабились. То был период, когда режим жестко контролировал все и вся, особенно в центре, и любой человек, говоривший «не по бумажке», рисковал навлечь на себя неприятности. Теперь они разговаривают с вами совершенно свободно.

В: Можно держать пари, что на встречах китайские лидеры обязательно спрашивают ваше мнение по широкому спектру вопросов. Что заботит сегодняшних руководителей Китая? О чем они вас спрашивают и отличается ли это от того, о чем вас спрашивали лидеры предыдущих поколений?

О: В свое время я сказал Си Цзиньпину, что через несколько лет не китайцы будут приезжать в Сингапур, чтобы учиться у нас, а мы будем приезжать в Китай, чтобы учиться у них. Разумеется, он возразил. Он сказал: «Нет-нет, нас очень интересует ваша система». Он имел в виду, что у них нет той структуры, которая досталась нам в наследство от британцев. Мы создали работоспособные институты, которые могут поддерживать любого лидера, даже слабого, не разрушаясь. Хотя, конечно, недолго.

В: Интересует ли их ваше мнение по поводу США и ситуации в регионе?

О: Нет, сегодня мое мнение по поводу США не востребовано,

поскольку они сами общаются с американцами напрямую. Для них важны наши взгляды на ситуацию в регионе, который они пока не очень хорошо знают, а также та роль, которую мы можем сыграть в том, чтобы избавить наших соседей от страха перед быстро растущим Китаем.

В: Поскольку Китай в обозримом будущем будет наращивать силу, не обеспокоены ли вы тем, что в конечном итоге вам придется иметь дело с более напористым, несговорчивым и доминирующим Китаем?

О: Нам нужно принять тот факт, что Китай — самый крупный игрок в регионе. Он не станет самым сильным из-за присутствия США, которые будут служить ему противовесом. Но постепенно он сумеет отодвинуть США от своих прибрежных зон. Нам ничего не остается, кроме как смириться с таким развитием ситуации.

В: Не сделает ли это некомфортным существование такой маленькой страны, как Сингапур?

О: Не больше, чем существование других стран. И рано или поздно это произойдет. Возможно, это займет пять лет, 20 или 30. Но Китай станет доминирующей силой на западном побережье Тихого океана.

В: Это значит, что Сингапур ждет трудное будущее?

О: Нет, не обязательно. Куда более трудное будущее ждет Вьетнам. У нас нет конфликта интересов с Китаем. У Вьетнама и Китая есть разногласия из-за участков Южно-Китайского моря, где предположительно имеются богатые месторождения нефти и газа. У нас нет таких споров с китайцами.

В: Президент Обама берет новые обязательства в отношении Азиатско-Тихоокеанского региона. Его новую политику даже назвали «Тихоокеанским разворотом». И мы видели знаковое выступление Хиллари Клинтон на фоне авианосца. Означает ли это долгосрочную заинтересованность США в сохранении доминирующего положения в этой части мира?

О: Нет, нет и нет. Здесь нет такого понятия, как долгосрочная заинтересованность. Это выражение намерения, которое, как мы надеемся, будет долгосрочным по своему характеру. Но это не означает, что такая ситуация будет сохраняться всегда, поскольку соотношение сил меняется. Американцы находятся по ту сторону Тихого океана, в 8000–9000 милях от нас, а оказывать влияние, используя в качестве плацдарма Японию, гораздо труднее, чем в том случае, когда вы делаете это в своем регионе, используя как плацдарм свои территориальные воды и свою исключительную экономическую зону.

В: Таким образом, китайцы могут попытаться попросту «переждать»?

О: Да, конечно.

В: От чего зависит способность Америки поддерживать свое влияние в регионе?

О: Во-первых, от состояния американской экономики, от того, сколько они будут тратить на оборону и какое место занимает Азиатско-Тихоокеанский регион в их списке приоритетов. Во-вторых, от того, насколько быстро китайцы будут наращивать свои мускулы.

В: Если исходить из вашей оценки этих двух ключевых факторов…

О: По моим оценкам, баланс сил изменится через 20–30 лет.

В: Что именно может произойти через 20–30 лет?

О: Нам придется приспосабливаться. Нам придется с этим жить. Китай — наш ближайший сосед, по размеру и силам способный сравниться с США. Но американцы находятся от нас на расстоянии нескольких тысяч миль, им трудно дотянуться через океан. Китайцы находятся от нас на расстоянии всего нескольких сотен миль. США будут оставаться ключевым игроком. Они никуда не исчезнут. Они не собираются отказываться от своего влияния в этой части Тихого океана, и у них будут союзники в лице Японии, Южной Кореи, Вьетнама и Филиппин. Поэтому мы будем наблюдать постепенное, но неизбежное изменение соотношения сил, хотя и не до такой степени, чтобы привести к полному вытеснению Америки из региона.

В: Вы наблюдали за развитием спора вокруг Южно-Китайского моря в течение последних двух-трех лет. Можете ли вы сказать, как Китай будет вести себя дальше в этой ситуации?

О: Здесь затронуты коренные интересы китайцев: они считают очерченные пунктирной линией акватории своей территорией, заявляют о своем неоспоримом праве на отмели и острова, а также предполагают, что эти морские недра скрывают в себе богатые залежи нефти и газа. Поэтому я думаю, что они займут крайне жесткую позицию по этому вопросу. В конце концов спор может быть урегулирован в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву, потому что это единственный способ решить проблему без того, чтобы одна из сторон чувствовала себя проигравшей. Каждый остров, каждая отмель будут подвергнуты скрупулезным измерениям, чтобы определить, чьи претензии наиболее обоснованны. Но китайцы сказали, что этот спор будет урегулироваться на двусторонней основе, а не коллективно в рамках всей АСЕАН.

В: Но АСЕАН предпочитает решать этот вопрос коллективно…

О: Да, АСЕАН предпочитает урегулировать ситуацию

коллективно, в рамках Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море и посредством по возможности скорейшего принятия Кодекса поведения в Южно-Китайском море.

В: Удастся ли АСЕАН это сделать? И как в конечном итоге будет решен этот вопрос — на двусторонней или коллективной основе?

О: Я думаю, все же на двусторонней основе. Вряд ли Индонезия будет активно вмешиваться в противостояние с китайцами, так же как Малайзия или Сингапур. Зачем им это?

В: А как насчет американцев?

О: Американцы уже вовлечены, но они действуют дипломатическим путем. Будут ли они готовы на военное вмешательство, это другой вопрос. Я сомневаюсь в этом. Для них это слишком далеко, чтобы успешно вести военные действия, и, кроме того, у них нет никакого интереса. Зачем им воевать с Китаем, защищая интересы Вьетнама и Филиппин?

В: Возможно ли, что будущая администрация США — президент с более «ястребиными» убеждениями — решит, что США требуется открытая конфронтация с Китаем и чем раньше, тем лучше?

О: Нет. Даже если в Америке придет к власти такой президент, его военачальники всегда объяснят ему, насколько далеко США могут зайти в отстаивании своих прав и интересов и сколько им будет стоить такая демонстрация силы — сколько им придется потратить на оборону сейчас и в будущем.

В: Еще один потенциальный источник конфликта между США и Китаем — Тайвань. Сейчас там довольно спокойная ситуация: развивается экономическая интеграция, туризм. Такие взаимосвязи ведут к сближению. Тем не менее дата окончательного воссоединения, кажется, отодвигается все дальше и дальше, на неопределенный срок.

О: Для китайцев это не имеет значения. Они могут ждать бесконечно долго. Время на их стороне. В то же время Тайвань становится все более и более зависимым от Китая с точки зрения экономического роста. Чем дольше это продолжается, тем более болезненной будет для Тайваня смена политического курса, если такое вдруг произойдет.

В: Но опросы на Тайване показали, что бóльшая часть населения выступает за независимость, а не за воссоединение с Китаем.

О: Опять же это не имеет значения. Если бы вы были тайваньцем, вы бы хотели независимости или стать частью Китая? Но разве это решает будущее Тайваня? Южные тайваньцы ни при каких условиях не захотят объединиться с Китаем, и их

позиция никогда не изменится. Но много ли значит их мнение? Будущее Тайваня будет определяться не желанием народа. Оно будет определяться соотношением сил между Тайванем и Китаем и готовностью американцев вмешаться в эту ситуацию. Никто не будет выносить решение объединяться или нет на всеобщий референдум, потому что большинство населения выступит против.

В: Смерть Ким Чен Ира изменила каким-то образом геополитическую ситуацию в Азии?

О: Нет, не думаю. Не в интересах Китая позволить Южной Корее поглотить Северную. Если это случится, южнокорейские и американские войска окажутся на берегу реки Ялуцзян, что не отвечает национальным интересам Китая. Китайцы сделают все возможное, чтобы сохранить существующую ситуацию.

В: Китай по-прежнему может оказывать сильное влияние на Северную Корею?

О: Выживание Северной Кореи в значительной степени зависит от Китая. Из-за своего способа управления экономикой северные корейцы периодически голодают, и Китай поставляет им продовольствие и оказывает другую помощь.

В: Как вы считаете, может ли этот статус-кво сохраняться 20–30 лет и дольше? Существует ли риск, что Северная Корея взорвется?

О: Нет, я так не думаю. Почему она должна взрываться? Когда у них начинается сильный голод, китайцы обеспечивают их продовольствием, да и остальной мир приходит на помощь.

В: В интересах ли Китая побудить Северную Корею открыть свою экономику, как в свое время Дэн Сяопин сделал это в Китае?

О: Они устраивали Ким Чен Иру экскурсии по Шанхаю и другим местам, чтобы показать ему, как можно модернизировать экономику, не теряя контроля, но из этого ничего не вышло. Некоторые внешние наблюдатели предполагают, что при новом руководстве режим может встать на путь экономических реформ, но пока слишком рано говорить о том, хватит ли молодому Киму смелости сделать это.

В: Вы сказали, что в конечном счете американцам придется делить доминирование в Азиатско-Тихоокеанском регионе с Китаем. Когда это произойдет, каковы будут последствия для таких стран, как Сингапур?

О: Когда это произойдет, мнение китайцев станет для нас столь же, если не более важным, чем мнение американцев. Японцы и корейцы активно налаживают экономические связи с Китаем, при этом в качестве гарантии безопасности сохраняя свои военные связи с Америкой. Как долго это может продолжаться?

По мере того как вы все более тесно интегрируетесь с Китаем в деловой и финансовой сфере, как могут ваши военные связи с Америкой помешать китайцам, которые теперь контролируют ваши предприятия, выкручивать вам руки экономическим путем?

В: Иметь дело с китайцами и иметь дело с американцами — не одно и то же. Нам приходилось сотрудничать с американцами, потому что они были доминирующей силой в регионе.

О: Американцы показали себя более или менее безобидными. Они не пытаются на вас давить. Да, они хотят, чтобы повсюду была демократия, но не будут наступать вам на горло, чтобы навязать ее силой. Китайцев не интересует, что у вас в стране — демократия или диктатура. Они просто хотят, чтобы вы делали то, что они хотят. Это совершенно другой подход. Они не считают свою форму правления единственно правильной и не пытаются насадить ее повсюду. Они видят свою роль иначе, чем американцы.

В: Может ли так случиться, что однажды Сингапур разместит у себя логистический узел или другого рода базу для китайского военного флота?

О: Не могу сказать. На протяжении моей жизни этого не произойдет. Я думаю, что на первом этапе мы можем разместить логистические центры для обоих флотов, а не решать, кому отдать предпочтение.

В: Как долго, по вашему мнению, Сингапур сможет находиться в такой ситуации — не выбирая между китайцами и американцами?

О: Опять же я не знаю. Это зависит от состояния американской экономики и от их возможностей по поддержанию своего военного присутствия.

В: Сотрудничая с американцами, вы установили тесные личные связи с некоторыми из них — с Генри Киссинджером и другими. Что касается сотрудничества с китайцами, смогут ли сингапурские министры установить такие же тесные личные отношения с китайскими лидерами?

О: На данный момент у нас с китайским руководством хорошие личные отношения, потому что они нуждаются в нашем опыте и наших идеях, но, как только они перестанут в нас нуждаться, отношения, безусловно, изменятся. Однако я думаю, что у них сохранится чувство признательности за оказанную нами помощь, например как в случае Индустриального парка в Сучжоу. Мы заложили основу для доброжелательных отношений.

В: В 1976 г. во время посещения Пекина вы встретились с премьер-министром Хуа Гофэном. Он хотел подарить вам книгу о китайско-индийской пограничной войне, в которой был изложен

весьма предвзятый — китайский — взгляд на этот конфликт. Вы отказались принять книгу, рискуя оскорбить принимающую сторону, и объяснили свой отказ двумя причинами: тем, что в Сингапуре живет много индийцев, а также тем, что существует другая точка зрения на эти события. Безусловно, случись это еще раз, вы поступили бы точно так же. Но теперь Китай стал гораздо более сильным. Посоветовали бы вы сегодняшнему сингапурскому премьер-министру отказаться от такого подарка?

О: Я не знаю, сможет ли он отказаться — все зависит от его характера. Но, даже если он примет эту книгу и прочитает ее, не думаю, что это заставит его изменить свое мнение. Это односторонний взгляд на события, а в настоящее время мы имеем возможность взглянуть на эту историю с разных сторон.

В: Но учитывая резко возросшую мощь Китая, не будет ли более предусмотрительным со стороны молодого премьер-министра не оскорблять китайцев отказом от подарка?

О: Значит, пусть примет эту книгу. Она же не заставит его изменить свои взгляды. Что касается меня, то я так много читал об этом конфликте, что сказал Хуа Гофэну: «Эта книга не заставит меня изменить мое мнение». Но сегодня мы имеем другой Китай и других министров, которые сами должны решать, как они будут выстраивать личные взаимоотношения с китайцами. Они вполне могут решить, что им не стоит портить отношения с тем или иным человеком, обижая его отказом.

Новый Китай Люди, общество, экономика

Осенью 1989 г., вскоре после событий на площади Тяньаньмэнь, Цянь Нин, сын бывшего вице-премьера Цянь Цичэня, прибыл на обучение в Мичиганский университет. Ему было немногим больше 30 лет, и до приезда в Соединенные Штаты он работал в газете «Жэньминь жибао». Несколько лет спустя он написал книгу «Обучение в Америке», которую разрешили опубликовать в Китае. Несмотря на безупречное коммунистическое происхождение, в ней он высказывал довольно крамольные мысли.

В Энн-Арбор, штат Мичиган, он понял, что жизнь состоит не только из коммунистических собраний с их политической пропагандой и самокритикой, но и из веселых вечеринок, развлечений и крепкой дружбы. Он написал, что жены, сопровождавшие своих мужей в США, по возвращении в Китай никогда больше не становились прежними китайскими женщинами, скованными путами многовековых традиций,

поскольку они узнали, что можно жить совершенно другой жизнью. Не говоря об этом открыто, он давал понять, что жизнь в Америке кардинально изменила его точку зрения на то, каким должно быть китайское общество. Это должен быть «новый Китай», связанный с внешним миром множеством каналов взаимодействия.

Медленно, но верно политика открытых дверей меняет облик китайского общества. Во время моего первого визита в 1976 г. Китай был очень закрытым и консервативным обществом. Рядовые китайцы на улицах в своей простой синей или черной рабочей одежде выглядели одинаково. В честь моего прибытия на летном поле собрали толпу школьников, которые приветствовали меня песней «Хуань инь, хуань инь! Ре ли хуань инь!» («Добро пожаловать, добро пожаловать! Мы вам сердечно рады!»). Я подумал про себя: «Лучше бы дети потратили этот день на занятия в школе, чем на то, чтобы приехать в аэропорт и участвовать в церемонии». В какой-то мере они жили устаревшими понятиями. Они устраивали гостю торжественный прием и старались впечатлить его своим радушием и гостеприимством, но в то же время пытались поразить его своей численностью, масштабами и единообразием. Я думаю, что это осталось в прошлом. Теперь китайцы знают, что этим гостей не впечатлить. В прошлом осталась и сине-черная униформа. Теперь на улицах городов вы увидите все цвета радуги. Западные бренды класса люкс уверенно осваивают китайский рынок. В 2009 г. Китай обогнал Соединенные Штаты как второй по величине рынок товаров класса люкс в мире, уступив только Японии. Дорогие часы и изделия из кожи пользуются особым спросом из-за культуры дарения подарков. Mercedes-Benz и BMW за последние два года более чем удвоили свои продажи на китайском рынке, несмотря на то что во многих развитых странах в продажах наблюдается застой. Китайский средний класс хочет красивой одежды, качественной косметики, комфортабельной жизни. Китайцы поняли, что аскетичный образ жизни не позволяет построить счастливое общество.

Как и Цянь Нин, современные молодые китайцы живут в глобальном мире. Они путешествуют по Америке и Европе, а американцы и европейцы охотно приезжают в Китай. Даже если у молодых китайцев нет возможности учиться в Мичиганском университете, доступ к Интернету, зарубежным фильмам и книгам дает им возможность узнать мир, о чем предыдущие поколения всего несколько десятилетий назад могли только мечтать. Их горизонты расширились. Меняется и их взгляд на свое собственное положение — и положение Китая — в мире. Это

новое поколение, которое родилось и выросло, когда Китай стал более открытым, в один прекрасный день возьмет в свои руки бразды правления страной. И оно будет править, не обремененное воспоминаниями о тяжелом прошлом. Китай, который они знают не по учебникам истории, а видят своими глазами, — это страна, находящаяся на пике могущества со времен Опиумных войн и продолжающая становиться сильнее день ото дня.

Каким будет Китай завтра? Не увидим ли мы через 30 лет гораздо более напористого и националистически настроенного гиганта? Вполне может быть. Я рассматриваю растущий национализм как первый этап становления нового Китая, связанный с тем, что китайцы начинают ощущать свою силу. Но со временем они увидят, что есть пределы тому, что они могут сделать, поэтому наступит время для размышлений и переосмысления. Они умерят свои попытки играть мускулами, потому что поймут, что это не заставляет американцев покинуть регион. И осознают, что чем больше они пытаются навязать свою волю соседям, тем больше те стараются спрятаться под крыло Америки, размещая у себя американские военные базы и приглашая их авианосцы.

Несколько лет назад китайский лидер, которому было далеко за 70, спросил у меня: «Вы верите в наш мирный подъем?» Я ответил: «Да, но с одной оговоркой. Ваше поколение прошло через войну с Японией, гражданскую войну, «Большой скачок», Культурную революцию, «Банду четырех», а также через политику открытых дверей. Вы хорошо понимаете, что здесь скрывается множество подводных камней, и для того чтобы Китай мог спокойно развиваться и дальше, ему нужна стабильность внутри страны и мир вокруг. Но вы прививаете своему молодому поколению безмерную гордость и патриотизм. В результате их антияпонские демонстрации стали выливаться в насилие. А когда мой сын как премьер-министр Сингапура в 2004 г. посетил Тайбэй, он и наша страна подверглись жестким нападкам в китайских интернет-чатах, где нас называли неблагодарными предателям. Вашей молодежи недостает вашей мудрости». Китайский лидер заверил меня, что они сделают все возможное для того, чтобы молодое поколение осознало это.

Я надеюсь, что так и будет. Если молодое поколение не обретет политической зрелости и, получив власть в свои руки, начнет совершать необдуманные шаги, это дестабилизирует весь регион. А мирный подъем Китая представляет собой колоссальную задачу, которая и без того потребует от них всей энергии и таланта.

Я не сомневаюсь, что со временем Китай будет подниматься

все выше и выше по цепочке создания стоимости и начнет конкурировать с развитыми странами в области самых передовых технологий и производства. В настоящее время китайцы уже пытаются догнать США в таких сферах, как освоение космоса и военные технологии. В настоящее время они сосредоточены на том, чтобы обеспечить себе базовую стратегическую безопасность на международном уровне. После этого можно будет заняться потребительскими продуктами, но на данный момент они стоят в самом низу списка приоритетов. Можно стать богатой страной, но если вы зависите от американской системы GPS и американских ракетных технологий, то обречены на проигрыш. Освоение космоса, создание собственной системы глобального позиционирования и т. п. — все это не является источником экономического роста, но дает китайцам уверенность в том, что их экономическому росту не будет положен конец военным давлением извне.

Подъем страны никогда не является «неуклонным» по своей природе. Экономический рост Китая может продолжаться в течение следующих нескольких десятилетий, но лишь при том условии, что ничто не заставит его сойти с рельсов. Нельзя забывать, что в стране есть ряд серьезных внутренних проблем, решение которых потребует от правительства значительного внимания, времени и ресурсов. Если какая-либо из этих проблем выйдет из-под контроля, это может быть чревато глубоким экономическим спадом или сильнейшими социальными волнениями. И даже при условии сохранения стабильности существуют серьезные ограничения для дальнейшего роста. Например, почему iPhone не был изобретен в Китае? В настоящее время законы о защите интеллектуальной собственности и существующая система управления предприятиями не обеспечивают достаточно стимулов для того, чтобы в полной мере высвободить творческий потенциал, которым, как мы знаем из истории, обладает китайский народ. Но я настроен оптимистично и считаю, что нынешнему китайскому руководству хватит воли и профессионализма, чтобы грамотно решить эти внутренние проблемы. Спустя три с половиной десятилетия претворения в жизнь политики реформ и открытости («гайгэ кайфан») Китай показал свою способность учиться на ошибках и исправлять их, прежде чем они перерастут в большие проблемы.

Было время, когда многие инфраструктурные проекты дублировались в соседних городах. В Шэньчжэне, Чжухае, Гонконге и Макао было построено четыре аэропорта, расположенных всего в нескольких десятках километров друг от друга. Но потом китайцы взяли ситуацию под контроль. Или же

был период, когда мэров оценивали по темпам роста их городов независимо от того, насколько устойчивым был этот рост. В результате, вместо того чтобы сосредоточиться на проектах, создающих долгосрочную стоимость, мэры всеми правдами и неправдами старались повысить цифры ВВП, игнорируя экологические аспекты, долгосрочное планирование и т. д. Но и эту ошибку китайцы исправили.

При таком стремительном движении вперед одним из источников серьезной напряженности становится разрыв в уровне благосостояния между прибрежными и внутренними провинциями и в определенной степени внутри самих городов. Прибрежные города растут по крайней мере на треть быстрее, чем города в глубине материка, и изначально имеют куда лучшие условия. Они привлекают больше инвестиций, создают лучшие рабочие места и обеспечивают более высокий уровень жизни для своих жителей. И этот разрыв увеличивается.

Разумеется, в такой огромной стране, как Китай, некоторая неравномерность неизбежна. Я не думаю, что его западные провинции однажды могут стать такими же процветающими и развитыми, как прибрежные. Возьмите Соединенные Штаты. Их восточное и западное побережья гораздо более густонаселенны и богаты, чем внутренние районы, за исключением разве что Чикаго. Но Чикаго расположен на берегу крупной судоходной реки Святого Лаврентия, которая соединяет Атлантический океан и Великие озера. Очень трудно состязаться с географическими преимуществами, которые дает расположение рядом с морем. Более того, в Китае некоторые западные провинции не только находятся вдали от моря, но и включают полупустынные территории с неблагоприятным климатом. Молодые люди, которые хотят преуспеть в жизни, стремятся поступить в университеты на побережье или в Пекине. Так возникает порочный круг, потому что лучшие профессора и преподаватели также не хотят работать во внутренних провинциях. Президент КНР Ху Цзиньтао подчеркнул необходимость построения «гармоничного общества» и сделал одной из своих целей сбалансированное развитие побережья и внутренних территорий. Китайцы стараются создать инфраструктуру и стимулировать развитие западных регионов, предлагая особые инвестиционные условия для бизнеса. Но работа в этом направлении только началась. Стандарты жизни во внутренних провинциях удастся повысить в лучшем случае до 60–70 % по сравнению с прибрежными регионами. Задача заключается в том, чтобы не позволить недовольству разрывом в благосостоянии вылиться в неуправляемый протест. Спутниковое телевидение усугубляет эту

проблему. Люди в Чэнду или Юньнане могут видеть, как живут их соотечественники в Пекине. Они видят эти олимпийские стадионы — грандиозные строения, спроектированные всемирно известными архитекторами, — и говорят: «Какая мне от этого польза? Когда очередь дойдет до меня?»

Неравномерность развития привела и к другим проблемам. Люди, живущие в бедных районах, стремятся перебраться в более богатые края. Миграция из сельской местности в города носит интенсивный характер и оценивается на уровне 1 % населения в день. У китайцев существует система регистрации по месту жительства, которую они называют «хукоу». Она похожа на японскую систему «косэки» и не позволяет гражданам менять место жительства без специального разрешения. Если же вы переезжаете самовольно, то на новом месте не будете иметь доступ к медицинскому обслуживанию, жилью, школьному образованию и т. д. Но это не останавливает миграцию. Крестьяне все равно переезжают в города, соглашаясь на самую тяжелую и грязную работу без доступа к каким-либо социальным благам для себя или своих детей. Это неприемлемая ситуация. И в правительстве это знают. Но, если власти разрешат свободную миграцию, их города будут затоплены мигрантами. Поэтому они пытаются найти другие решения. Они стараются возложить на местную городскую власть ответственность за мигрантов, потому что города в любом случае не могут расти без рабочей силы. Насколько я знаю, они также планируют построить шесть городских кластеров в центральной части Китая, каждый из которых будет рассчитан на население в 40 млн человек и больше. Они надеются привлечь людей из сельской местности в эти города вместо побережья. Но это начинание потребует контроля, поскольку новые города не смогут предложить мигрантам таких же возможностей, какие существуют на побережье.

«Низко висящие фрукты» в китайской экономике подходят к концу. Чтобы обеспечить устойчивый рост на протяжении следующих нескольких десятилетий, китайцам необходимо внести корректировки в общую экономическую стратегию. Быстрый рост еще какое-то время может продолжаться благодаря дешевой рабочей силе. Резервов рабочей силы в западных провинциях Китая хватит на то, чтобы обеспечить темпы роста на уровне 7–9 % в течение следующих 15–20 лет. Но после этого рост будет зависеть от продуктивности — от того, смогут ли люди производить больше за то же количество рабочего времени. Другими словами, от того, насколько хорошо они будут обучены — в университетах, технических и других институтах — и

снабжены современными орудиями труда.

Еще один насущный вопрос, который нужно решить Китаю, — что делать со своими малоэффективными государственными предприятиями. Здесь они сталкиваются с фундаментальной проблемой личной мотивации. Власти пытаются заставить госслужащих действовать как частные предприниматели. Но из этого ничего не выйдет, потому что, если вы не владеете 20 % акций и не живете в постоянном страхе, что фондовый рынок может обрушить их в цене, вы не будете активно шевелиться. Неважно, хорошо или плохо идут дела в бизнесе, — вы получаете свою зарплату. Но, когда затронуто ваше личное благосостояние, ваш кусок хлеба, вы будете радеть о своем бизнесе 24 часа в сутки.

Готовы ли китайцы пойти на приватизацию? Пока они стараются внедрить эту концепцию косвенным образом — посредством того, что пытаются заставить чиновников управлять госкомпаниями с позиций бизнеса. Но разве можно превратить чиновника в собственника? Тем не менее я не думаю, что они намерены решительно действовать в этом направлении — разве что в том случае, если Китай столкнется с резким замедлением экономики, что вполне может произойти.

И, наконец, Китаю необходимо перейти от экспортно-ориентированной экономики к экономике, ориентированной на внутреннее потребление, как в США. Но для того чтобы это произошло, нужно изменить менталитет представителей среднего и низшего среднего класса, которые так долго были бедными, что теперь любые лишние деньги автоматически кладут в наволочку или в банк. Они тратят только тогда, когда абсолютно уверены в своем будущем. Американцы тратят — или занимают и тратят — в любом случае, даже если их будущее весьма неопределенно. В глубине души американцы уверены, что все будет хорошо. Тем самым они обеспечивают рост своей экономики — за счет внутреннего потребления. В конце концов Китай тоже должен пойти этим путем. Но как им произвести такой переход?

Бедные люди по-прежнему ведут себя как бедные, даже когда становятся богатыми. Они стремятся накопить как можно больше денег, потому что, когда вы очень долго жили в нужде, в вас живет страх вернуться к этому состоянию. Люди начинают тратить только тогда, когда у них появляется уверенность в том, что экономика и они лично будут продолжать процветать и дальше, поэтому глупо откладывать деньги на черный день, во всем себя ограничивая. Чтобы экономический рост стал устойчивым, китайцы должны достичь этой стадии. Но у них на это не так много времени. Им нужно совершить переход за одно-

два десятилетия.

Кроме того, Китаю необходимо добиться более равномерного распределения богатства. Разрыв в доходах является одним из факторов, сдерживающих внутреннее потребление, поскольку в настоящее время высокой покупательной способностью обладают только жители прибрежных провинций, тогда как у большей части сельского населения и населения внутренних провинций она остается крайне низкой. Как китайцы будут перераспределять рост и плоды роста? Как прилив поднимает все лодки, так и от экономического подъема должны выигрывать все, как богатые, так и бедные.

В: Сегодня мы видим совершенно другой Китай по сравнению с тем, каким он был в конце 1970-х гг. Как вы считаете, какие основные факторы способствовали такой невероятной трансформации китайской экономики?

О: В первую очередь это связано с резким изменением политического курса, предпринятым Дэн Сяопином. Раньше Китай был изолирован от внешнего мира. Дэн приехал в Сингапур, увидел, как, не имея обширных территорий и каких-либо природных ресурсов, мы добились процветания благодаря внешней торговле и инвестициям. Он создал особые экономические зоны, которые также стали процветать, тогда он создал еще больше таких экономических зон. Затем Чжу Жунцзи добился вступления Китая в ВТО, благодаря чему вся страна вошла в зону свободных инвестиций, и, пока у нее есть дешевая низко— и высококвалифицированная рабочая сила, она будет оставаться чрезвычайно привлекательной экспортной базой. Кроме того, по мере роста благосостояния увеличивается и внутреннее потребление.

В: Значит ли это, что мы наблюдаем повторение истории азиатских тигров — Южной Кореи, Гонконга, Сингапура, Тайваня?

О: Нет, здесь совершенно другой масштаб. Все четыре тигра могли бы уместиться в одной китайской провинции! Вследствие своего огромного размера через 20, 30, 40 лет китайская экономика будет оказывать заметное влияние на экономику всего мира. Возьмите сегодняшнюю проблемную ситуацию с евро. После посещения Вэнь Цзябао Европы Ангела Меркель немедленно нанесла ответный визит в Пекин, потому что у Китая есть $3,2 трлн валютных резервов. Вот как изменилось соотношение сил в глобальной экономике. Я думаю, что китайцы будут грамотно использовать свои $3,2 трлн. Они могут приобрести еврооблигации по низкой цене, согласившись на выгодную инвестицию, но никак не на благотворительность. В

интересах китайцев не допустить обвала евро, что повредило бы их экспорту в Европу, но им нет смысла раздавать деньги бесплатно.

В: На ваш взгляд, какие проблемы выходят в Китае на первый план в связи с его стремительной экономической трансформацией?

О: Я вижу две ключевые проблемные области. Во-первых, отсутствие верховенства институтов управления — у них все решают личные связи, а не должностные лица. Во-вторых, отсутствие верховенства права — у них правит конкретный лидер. В результате каждая смена лидера может означать смену состава нескольких эшелонов власти или управленческих слоев. Это серьезный дестабилизирующий фактор.

В: Смогут ли они решить эти проблемы?

О: Это нелегко. Такова их культура. И потом — насколько в интересах Коммунистической партии создавать такую систему, которая может лишить ее контроля над страной? Я думаю, что у них нет стимула менять систему.

В: Может ли случиться что-либо, что заставит китайцев пойти на перемены, скажем, в ближайшие 15–20 лет?

О: Не знаю — возможно, какой-нибудь кризис. Хотя маловероятно, чтобы они пытались разрешить кризис путем внедрения западной концепции верховенства права и институтов управления. Я думаю, что они будут создавать свою собственную систему.

В: Считаете ли вы, что отсутствие верховенства права может стать препятствием на пути к развитию культуры инноваций, которая гарантирует строгую защиту и соблюдение интеллектуальных прав?

О: Они начнут что-то делать только тогда, когда в Китае будет создаваться достаточно интеллектуальной собственности, нуждающейся в защите. Но пока китайцы не достигли этой стадии. Разумеется, это препятствует инновациям и патентованию. Ситуация может постепенно меняться по мере того, как у них появится достаточно предпринимательского потенциала, чтобы запускать такие инновационные проекты.

В: Но сегодня Китай все больше интегрируется в мировую экономику и все больше иностранных компаний хотят вести с ним бизнес. Не заставит ли это Китай придерживаться хотя бы некоторых аспектов верховенства права, в частности связанных с договорами, интеллектуальной собственностью?

О: Для этих целей они могут взять определенные сектора и ввести в них механизм арбитража. Но это будет отдельный, обособленный сегмент экономики. Я не думаю, что эта система

распространится на все общество. Вы думаете, жители деревни Вукан обратились бы в арбитраж? Китайцы решали и будут решать конфликты силой. Такова моя точка зрения. Я не думаю, что верховенство права может вдруг взять и появиться — из ниоткуда. Конечно, они изучают западные системы и стараются перенимать опыт, чтобы улучшить свою систему. Но они будут совершенствовать ее постепенно, внося корректировки по мере возникновения проблем.

В: Но Китай не прочь поучиться у Запада. В конце концов, марксизм пришел именно оттуда…

О: Нет-нет, это совершенно другое дело, и я не думаю, что они вообще верят в марксизм. Был период, когда они следовали за Советским Союзом, и это было проявлением теологической лояльности. Например, когда китайцы говорят о демократии, они подразумевают под этим совершенно не то, что подразумевают американцы, британцы или мы. Я имею в виду фундаментальное правило, истинный тест на демократию: можете ли вы сменить власть путем голосования? Когда китайцы приезжали в Сингапур, их интересовало: как мы остаемся у власти? У нас все решается на выборах — потеряем ли мы свои места в органах власти, сохраним свои позиции или получим больше новых мест. Другими словами, наш народ может сменить власть, проголосовав на выборах. Как хорошо выразил суть проблемы Гарольд Ласки, революции бывают двух видов — по согласию и путем насилия. Я не думаю, что китайцы готовы принять такую систему, когда смена власти и решение проблем будут осуществляться путем голосования.

В: В последнее время система «хукоу» стала в Китае предметом интенсивных споров, и многие считают, что она должна быть отменена. Считаете ли вы, что китайское правительство может изменить эту систему, возможно не в одночасье, но постепенно, обеспечив больше свободы и гибкости в сфере миграции из сельской местности в города?

О: Если они это сделают, то города и городские власти будут вынуждены принять всех этих людей. Но, если поток мигрантов не будет сопровождаться адекватным увеличением потока доходов, откуда они возьмут на это деньги?

В: В своем недавнем докладе Всемирный банк предупредил о том, что китайскую экономику ждет резкое замедление темпов роста, если Китай не предпримет фундаментальных экономических реформ. И в качестве одной из таких реформ называется приватизация госкомпаний.

О: Государственные предприятия очень неэффективны. У их менеджеров нет нужной мотивации. Да, они получают директивы

сверху: работайте лучше, повышайте эффективность. Но какой им смысл стараться, если они в любом случае получат свою зарплату? Если вы являетесь собственником — это совсем другое дело. Когда на карту поставлено ваше благосостояние, вы будете работать по 24 часа в день семь дней в неделю. В России в результате приватизации огромные предприятия и целые отрасли разошлись по рукам олигархов. Некоторые из них управляют ими довольно эффективно, потому что это их собственность.

В: Как вы думаете, Китай сделает то же самое?

О: Вопрос в том, как провести справедливую приватизацию. Кому и что следует продать?

В: Но, учитывая то, что вы сказали о традиции «гуаньси» и протекций, присущей китайской системе, это вписалось бы в их модель.

О: Если они начнут раздавать госсобственность, наверху начнется настоящая драка. И немедленно развяжется борьба за власть. В Советском Союзе это привело к краху государства. СССР распался на части, коммунистический режим рухнул. Никто не ожидал, что такое может произойти.

В: Если неэффективное управление госсектором будет продолжаться, что в результате приведет к замедлению темпов роста экономики, не будет ли это достаточной причиной для того, чтобы подтолкнуть китайцев к изменениям в этой сфере?

О: Не могу сказать. Если замедление будет значительным, это заставит их либо искать новые способы повысить мотивацию существующих менеджеров, либо постараться заменить их людьми с коммерческой жилкой, выделив им долю в собственности. Но как сделать так, чтобы у руля госкомпаний встали «правильные» люди, обладающие необходимыми деловыми навыками и качествами? Раздать эти должности своим друзьям и товарищам по партии — не выход. Лучший сценарий — создать условия для того, чтобы мелкие и средние предприниматели могли вырастить свои компании в крупный бизнес, а затем позволить этим крупным частным компаниям выкупить госкомпании. Эти предприниматели, добившиеся успеха в бизнесе, и будут теми самыми «правильными» людьми, обладающими необходимой деловой хваткой и умеющими работать в условиях рынка.

В: Такой сценарий вполне возможен, поскольку в Китае имеется достаточно малых предприятий, которые могут вырасти в крупный бизнес…

О: Да, но беда в том, что они не могут получить доступ к финансированию. Все выделяемые средства идут государственным предприятиям. Правительство должно

обеспечить малому и среднему бизнесу адекватные возможности финансирования и таким образом вырастить слой предпринимателей, которые в конечном итоге смогут взять на себя управление предприятиями госсектора. Я считаю, что это единственный выход.

В: По вашему мнению, политическое и экономическое устройство Китая препятствует творчеству и инновациям в сфере высоких технологий, которые мы видим в их лучшем проявлении в экономике США?

О: Да, конечно. Именно поэтому не китайцы изобрели iPad или iPhone. Это сделал Стив Джобс в Соединенных Штатах. Он изобрел это, запатентовал и стал мультимиллионером.

В: Не станет ли это барьером на пути дальнейшего развития Китая? Не повлияет ли это на его способность конкурировать с США?

О: Да, такая проблема существует. Возьмите Интернет, iPhone, iPad и другие изобретения последнего времени — все это создано не в Китае. Причина не в отсутствии талантов — им не хватает чего-то другого.

В: Могут ли талантливые китайские студенты, которые сегодня учатся в ведущих университетах США, вернуться в Китай и…

О: И изменить систему?

В: По крайней мере, в технологической сфере…

О: Когда они возвращаются, они занимают надлежащее место в средних слоях, а к тому времени, как они поднимаются наверх, система поглощает их, и они действуют точно так же, как их начальники. В этом их проблема. Если бы управленцам среднего звена после обучения в Америке позволили занимать более высокие посты, они смогли бы существенно модернизировать систему, но я не думаю, что китайское руководство захочет добровольно делиться властью. Это не в его интересах — уступить власть, а самому оказаться не у дел.

В: Будучи настолько инертной, сумеет ли эта система поддерживать высокие темпы роста или же китайскую экономику ждет резкое замедление, как прогнозирует Всемирный банк?

О: Я думаю, экономика Китая замедлится в любом случае. Когда дешевые трудовые ресурсы будут исчерпаны, замедление станет неизбежным.

В: Считаете ли вы, что через 15–20 лет юань может стать свободно конвертируемой валютой?

О: Я думаю, Китай к этому стремится. Но конвертируемость не означает справедливый курс. Вы можете недооценивать свою валюту, чтобы стимулировать экспорт. Юаню позволят

укрепляться, но очень медленно. Для китайцев важно преимущество дешевого экспорта, потому что их экономика ориентирована на экспорт, а не на внутреннее потребление, как экономика США. США хочет, чтобы Китай перешел к такой же экономической модели, и я думаю, что в конце концов он будет вынужден так и сделать, но для этого ему придется изменить менталитет среднего и низшего среднего класса. Люди должны начать потреблять, а не просто копить деньги. Я убежден, что внутреннее потребление является для Китая единственным источником устойчивого роста. Но для того чтобы это произошло, нужно эффективное перераспределение, поскольку сегодня внутренние провинции имеют крайне низкую покупательную способность. Надо сделать так, чтобы экономический прилив поднял все лодки.

В: Принимая во внимание описанный вами сценарий, китайскому правительству придется внести весьма значительные изменения в социальную систему, в частности в сфере образования и его доступности, чтобы, как вы выразились, прилив поднял все лодки. Значит ли это, что экономический императив станет двигателем социальных перемен?

О: Можно рассматривать это и таким образом. Если китайцы не предпримут этих шагов, в их экономике наступит застой. Но они боятся экономического застоя, поэтому будут вынуждены производить перемены.

2. США. Под гнетом проблем, но по-прежнему на вершине

Баланс сил в мире меняется. Со временем США столкнутся с тем, что им станет все труднее поддерживать свое влияние в азиатской части Тихого океана. Прежние условия игры изменятся. Географическая близость выйдет на первый план как ключевой фактор. У Китая есть это преимущество: он находится в этом регионе, и ему гораздо проще оказывать влияние на всю Азию. Американцам же, чтобы делать то же самое, нужно преодолеть расстояние в 8000–9000 миль. Разница в усилиях, логистической сложности и затратах весьма значительна. Кроме того, огромная численность населения Китая — 1,3 млрд по сравнению с 314 млн американцев — делает вызов, который он бросает Америке, еще более серьезным. Но смена власти произойдет не так быстро из-за превосходства американских технологий. Да, у китайцев есть авианосцы, но для того чтобы научиться строить такие же авианосцы, как у американцев, с их высокотехнологичным оснащением, атомными двигателями и 5000 военнослужащих на борту, им потребуется много времени. Но в конце концов географический фактор будет играть решающую роль, и США придется внести корректировки в свою политику в этом регионе.

В 2011 г. администрация Обамы объявила о том, что США собираются вновь сосредоточить свое внимание на Азиатско-Тихоокеанском регионе. Новую политику назвали «Тихоокеанским разворотом». Вот что написала по этому поводу госсекретарь США Хиллари Клинтон в журнале *Foreign Policy*: «Открытые рынки Азии дают США небывалые возможности для инвестиций, торговли, а также доступ к самым передовым технологиям… Стратегическая задача сохранения мира и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе становится ключевой для глобального прогресса — будь то обеспечение свободы судоходства в Южно-Китайском море, пресечение нарушения Северной Кореей режима нераспространения ОМУ или обеспечение прозрачности военной активности главных игроков региона». В апреле 2012 г. первый корпус из 200 морских пехотинцев США прибыл в австралийский город Дарвин в рамках усилий по увеличению американского присутствия в регионе.

Многие азиатские страны приветствовали заявления американцев. В течение многих лет присутствие Америки было важным стабилизирующим фактором в регионе, и оно позволит

сохранить эту стабильность и безопасность. Учитывая размеры Китая, только США — в партнерстве с Японией, Южной Кореей и странами АСЕАН — могут создать адекватный противовес.

Разумеется, нам еще предстоит увидеть, смогут ли американцы реализовать свое намерение в долгосрочной перспективе. Планы — это одно; реальные возможности — совсем другое. В настоящее время США имеют военные базы в Австралии, Японии, Южной Корее и на Гуаме. (Филиппинцы неразумно попросили американцев уйти из Субик-Бэй в 1992 г., не подумав о долгосрочных последствиях их ухода. Теперь они просят: «Пожалуйста, вернитесь обратно».) Американцы считают, что это позволяет им создать надежный противовес китайскому флоту. Кроме того, благодаря относительно мелководным акваториям региона они имеют возможность отслеживать перемещение китайских кораблей, в том числе и подводных лодок. Но как долго будет сохраняться это преимущество? Сто лет? Нет. Пятьдесят? Маловероятно. Двадцать? Возможно. В конечном итоге все будет зависеть от состояния американской экономики в ближайшие несколько десятилетий. Чтобы сохранять свое военное влияние по всему миру, нужна сильная экономика, дающая возможность строить военные корабли, самолеты и базы.

В то время как между США и Китаем разыгрывается борьба за доминирование в тихоокеанском регионе, другим, не столь крупным азиатским странам не остается ничего другого, как приспосабливаться. Как хорошо сказал древнегреческий историк Фукидид: «Сильные поступают так, как хотят, а слабые страдают так, как и должны». Возможно, мелкие азиатские страны и не хотели бы мириться с такой незавидной участью, но реалистичный взгляд на ослабление американского влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе заставит их внести коррективы в свою внешнеполитическую стратегию. Им придется уделять все больше внимания тому, что думают китайцы, наращивающие свою экономическую и военную мощь. Но не менее важно прилагать усилия к тому, чтобы они не обрели единоличного господства в регионе. В конце концов, я не думаю, что китайцам удастся полностью вытеснить американцев с западного побережья Тихого океана.

Например, Вьетнам — одна из стран в Азии, которая больше всего недовольна заметным усилением Китая. В 1979 г., когда у власти находился Дэн Сяопин, Китай напал на Вьетнам в ответ на его интервенцию в Камбоджу. Китайская армия разрушила несколько городов и деревень на севере страны и ушла, тем самым сделав вьетнамцам суровое предупреждение: «В следующий раз мы дойдем до Ханоя и оккупируем всю страну».

Этот урок вьетнамцы никогда не забудут. Можно предположить, что одна из стратегий, которая в настоящее время активно обсуждается во вьетнамском правительстве, — это установление долгосрочных отношений с американцами в сфере военной безопасности.

Я тоже испытываю некоторое чувство сожаления в связи с таким изменением расстановки сил, поскольку США, по большому счету, показали себя безобидной и благожелательной силой. Они не агрессивны и не заинтересованы в захвате новых территорий. Они воевали во Вьетнаме и Корее вовсе не потому, что хотели захватить эти страны. Это были войны за «правое дело», коим они считали антикоммунизм. Американцы хотели помешать распространению коммунизма в мире. Если бы они не вмешались и не продержались так долго во Вьетнаме, другим странам Юго-Восточной Азии могло бы не хватить воли сопротивляться распространению коммунизма, и они бы сдались одна за другой, как падающие костяшки домино, под напором красной волны. Никсон дал Южному Вьетнаму время, чтобы мобилизовать силы и начать собственную войну с коммунистическим режимом. Хотя в этой войне Южный Вьетнам потерпел поражение, это дало другим странам Юго-Восточной Азии время на то, чтобы объединить свои силы и выступить единым антикоммунистическим фронтом, а также заложило основы для создания АСЕАН.

Сингапур вполне устраивает присутствие американцев. Трудно сказать, насколько напористым и дерзким в будущем станет Китай. В 2009 г. в одном из своих выступлений я сказал, что мы должны «уравновесить» Китай, но на китайский язык это слово было переведено как «ограничить». Среди пользователей Интернета поднялась настоящая буря: меня спрашивали, как я, будучи китайцем по происхождению, могу говорить такое о Китае. Даже после того как я сказал им, что никогда не говорил слова «ограничить», они не успокоились. Это молодое поколение гиперчувствительно и незрело в своем мировосприятии, но через какое-то время оно придет к власти.

В этой меняющейся среде основная стратегия Сингапура заключается в том, чтобы, присоединяясь к волне китайского экономического роста, мы не оборвали связи с остальной частью мира, особенно с Соединенными Штатами. Сингапур не теряет своего значения для американцев. Мы занимаем хорошее стратегическое положение в центре архипелага — районе, который американцы не могут игнорировать, если хотят сохранить свое господство в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Наши укрепляющиеся связи с Китаем не могут и не должны

помешать нам поддерживать тесные экономические, социальные, культурные и военные связи с Соединенными Штатами. Китайцы понимают, что чем большее давление они будут оказывать на страны Юго-Восточной Азии, тем сильнее те будут сближаться с Америкой. Если китайцы захотят использовать Сингапур как порт захода для своих военных кораблей, как это делают американцы, что ж — добро пожаловать. Но мы не будем выбирать ту или другую сторону, привечая одних и отвергая других, — мы готовы дружить со всеми. И такую позицию мы можем занимать очень долгое время.

Еще один фактор, позволяющий нам поддерживать тесные связи со всем миром, — это язык. Нам повезло в том, что Сингапур в свое время находился под правлением британцев и те оставили нам в наследство английский язык. Если бы нами, как, например, Вьетнамом, правили французы, нам бы пришлось переучиваться с французского языка на английский, чтобы общаться с миром. Это было бы болезненным и трудным процессом. Когда в 1965 г. Сингапур получил независимость, ко мне пришла делегация от Китайской торговой палаты, чтобы пролоббировать выбор китайского языка в качестве государственного. Я сказал им: «Лично я против этого». С тех пор прошло почти пять десятилетий, и история показала, что умение говорить по-английски и общаться на одном языке с миром стало одним из ключевых факторов нашего невероятного роста. Английский язык — это язык международной коммуникации. Британская империя распространила свой язык по всей планете, поэтому, когда мировое лидерство перешло к Соединенным Штатам, для них стало огромным преимуществом то обстоятельство, что люди в разных частях света умеют говорить на их языке.

По мере того как будет продолжаться подъем Китая, Сингапур может расширить преподавание китайского языка в своих школах, чтобы дать преимущество тем студентам, которые хотят работать или вести бизнес в Китае. Но китайский все равно останется вторым по значимости после английского, поскольку, несмотря на то что по объему ВВП Китай обогнал США, он не способен обеспечить нам тот уровень жизни, который мы имеем сегодня. Его вклад в наш ВВП не превышает 20 %. Наше благосостояние и процветание зависят от всего остального мира — не только от США, но и от Великобритании, Германии, Франции, Нидерландов, Австралии и т. д. Эти страны говорят на английском языке, а не на китайском. С нашей стороны было бы глупо делать китайский одним из наших рабочих языков как сегодня, так и в будущем, поскольку сами китайцы интенсивно

изучают английский язык в университетах и даже детских садах.

Заключительная стадия международной конкуренции

Не нужно думать, что Америка идет к закату. Да, ее репутация пострадала из-за затяжных и не очень успешных военных кампаний в Ираке и Афганистане, а также из-за тяжелого финансового кризиса. Но, как проницательно замечают историки, какой бы ослабленной и изнуренной ни казалась Америка, она выходила из куда более сложных ситуаций. За последние 100 лет она столкнулась с такими серьезными испытаниями, как Великая депрессия, война во Вьетнаме, стремительный послевоенный рост промышленных тяжеловесов в лице Японии и Германии. Но каждый раз она находила волю и силы вернуть свое лидирующее положение в мире. Америка всегда выходила победителем. И она будет делать это снова и снова.

Успех Америки кроется в ее динамичной экономике, поддерживаемой ее экстраординарной способностью не только эффективно производить то, что есть, но и создавать непрерывный поток инноваций — ее умением постоянно изобретать совершенно новые товары и услуги, которые оказываются высоко востребованными во всем мире. Интернет, iPhone, iPad, Microsoft — все это было создано в Америке, а не где-то в другом месте. В Китае тоже есть много талантливых людей, но почему они не обеспечивают такого же потока инноваций? Очевидно, им не хватает той «искры», которая есть у американцев. А эта «искра» означает, что американцы будут и дальше создавать прорывные инновации, которые обеспечат им глобальное лидерство в технологической и во всех остальных сферах.

Даже если деклинисты[2] правы, и Америка действительно идет к закату, не нужно забывать, что это большая страна, у которой путь вниз займет немало времени. Если бы Сингапур был такой же большой страной, я бы не волновался так сильно из-за того, что мы можем взять неверный политический курс, поскольку его последствия проявлялись бы с задержкой. Но мы маленькая страна, и ошибочные действия очень быстро приводит к катастрофическим последствиям. Америку можно сравнить с огромным танкером. Перевернуть его куда сложнее, чем маленькую лодку. Но я считаю, что деклинисты все же не правы, Америку не стоит хоронить. Да, она может стать менее мощной по сравнению с Китаем. Ей придется поделиться своим военным влиянием в западной части Тихого океана, и она может уступать

Китаю в цифрах и общем объеме ВВП, но ключевое преимущество американцев — их динамизм — никуда не исчезнет. Америка во всех отношениях — гораздо более творческое общество. И тот факт, что американцы ведут внутренние дебаты о том, действительно ли они идут к упадку, — хороший знак. Это свидетельствует о том, что они не почивают на лаврах в опасном самодовольстве.

Почему я верю в долговременный успех США?

Во-первых, американское общество гораздо более привлекательно, чем то общество, которое когда-либо сможет построить Китай. Каждый год тысячи талантливых и неугомонных иммигрантов приезжают в Америку, обустраиваются и добиваются успеха в различных областях. Эти люди, как правило, обладают ярко выраженной предпринимательской жилкой и творческим умом, иначе они не покинули бы родные страны. Они играют роль своего рода фермента, закваски, заставляющей американское общество бурлить жизненной энергией и новыми идеями, чего вы не увидите в Китае. Без них Америка была бы куда менее успешной. В прошлые века она привлекала самых талантливых людей из Европы. Сегодня она привлекает их из Азии — Индии, Кореи, Японии, Китая и даже стран Юго-Восточной Азии. Благодаря тому что Америка принимает таких иммигрантов с распростертыми объятиями, помогает им интегрироваться в общество и предлагает равные шансы на реализацию американской мечты, она получает непрерывный приток талантов, которые, в свою очередь, обеспечивают ее непрерывным потоком инноваций, будь то новые продукты, новые технологии или новые виды бизнеса.

Китаю и другим странам в конечном счете тоже придется принять американскую модель привлечения талантов, чтобы развивать свои предприятия, технологии и экономику в целом. Они будут рыскать по всему миру в поисках талантов и конкурировать за них друг с другом. Это и станет заключительной стадией международной конкуренции. Военное соперничество между странами прекратится, потому что все будут знать, что здесь не может быть победителей, и враждующие страны попросту уничтожат друг друга. Останется только соперничество в экономической и технологической сферах, а здесь ключевым фактором успеха являются талантливые люди.

Америка — это общество, которое привлекает и удерживает людей. Она уже активно переманивает лучшие таланты из Азии. Посмотрите, сколько индийцев в американских банках и университетах — взять хотя бы Викрама Пандита, занимавшего пост генерального директора Citibank. Некоторые сингапурцы

после учебы также предпочитают остаться в США. Именно поэтому мы стараемся отправлять наших студентов на учебу в Великобританию — так мы уверены, что они вернутся домой. В Великобритании не привечают иммигрантов, поэтому они там не остаются. А из-за менее динамичной экономики там намного меньше доступных рабочих мест.

Одной из причин, по которой Китай всегда будет обладать меньшей притягательностью для иммигрантов, является язык. Китайский намного сложнее для изучения, чем английский. Им трудно овладеть, если вы не знаете его с раннего детства. Китайский язык является односложным и тональным, то есть каждое слово может произноситься с четырьмя-пятью разными интонациями, и от этого зависит значение слова. А без знания языка невозможно вписаться в общество. Это становится огромным барьером. О трудностях китайского языка я знаю не понаслышке: я лично изучал его 50 лет, и, хотя более или менее сносно говорю на китайском и умею писать на пиньине (в латинской транскрипции), я совершенно не понимаю их идиом. Для иностранца это темный лес. Даже если в будущем Китай станет ведущей мировой державой, он не сможет изменить тот факт, что китайский язык чрезвычайно труден для изучения. Сколько американцев или европейцев приехали в Китай и остались там жить и работать? Китайцы пытаются популяризировать свой язык среди иностранцев путем создания по всему миру институтов Конфуция, но результаты не впечатляют. Люди по-прежнему идут в Британский Совет и американские организации. Американское правительство даже не прилагает особых усилий к популяризации своего языка и страны. Одно время существовало Информационное агентство Соединенных Штатов, призванное улучшать имидж страны за рубежом, но потом оно было упразднено, поскольку в нем не было никакой необходимости. Эту функцию успешно выполняет огромное множество публикаций, фильмов и телепередач. Соответственно, в том, что касается мягкой силы, китайцы едва ли когда-нибудь превзойдут Америку.

Другой источник конкурентоспособности США — множество соревнующихся между собой научно-инновационных центров, расположенных по всей стране. На восточном побережье они сосредоточились в Бостоне, Нью-Йорке и Вашингтоне; на западном побережье — в Беркли и Сан-Франциско; внутри страны — в Чикаго и Техасе. Каждый центр бросает вызов другим, не желая плестись в хвосте. Например, когда техасцы нашли у себя богатые месторождения нефти, бывший госсекретарь США и техасец Джеймс Бейкер создал в Хьюстоне Институт

исследований государственной политики, который вырос в ведущий аналитический центр, способный конкурировать с Бостоном и Нью-Йорком. Еще один пример — Джон Хантсман, бывший посол США в Сингапуре и Китае и мой личный друг. В его семье существует проблема рака простаты. Поэтому, унаследовав от отца состояние, он создал в своем родном штате Юта Институт исследований рака и привлек туда лучших ученых.

Каждый такой научно-инновационный центр верит в свою миссию, и все, что ему нужно, — средства и таланты. Такой центр может создать любой человек, у которого есть деньги. Эти центры совершенно независимы и не считают себя обязанными подчиняться Вашингтону или Нью-Йорку. Это обеспечивает разнообразие и соревновательный дух, стимулирующие непрерывный поток инноваций во всех областях. Китай подходит к этому совершенно иначе. Китайцы верят, что сильная центральная власть — залог процветания страны. Их система и культура требуют подчинения единому центру. Все должны маршировать под один барабан. Даже в Англии и Франции нет такой системы, как в США. Во Франции все яркие умы оказываются в Высших школах (Grandes Ecoles). В Великобритании — в Оксфорде. Эти страны относительно невелики по размерам, компактны и, следовательно, более унифицированы.

В конце 1970-х — начале 1980-х гг. Америка уступила лидерство в промышленной сфере вновь возродившимся индустриальным державам в лице Японии и Германии. Ее оттеснили назад в таких важных промышленных секторах, как электроника, металлургия, нефтехимическая промышленность и автомобилестроение, в которых традиционно занято большое количество рабочей силы, особенно объединенных в профсоюзы синих воротничков. В некоторых европейских странах профсоюзы упорно сопротивлялись трудовым реформам, угрожая протестами и забастовками, чреватыми серьезными краткосрочными убытками. Но в Америке произошло обратное. Компании сумели осуществить жесткие, но необходимые изменения. Они сократили рабочую силу и значительно повысили продуктивность за счет внедрения современных технологий, в том числе ИТ. Американская экономика получила новый импульс и вернула утраченное лидерство. Появились новые виды бизнеса в сфере ИТ и новые глобальные корпорации, такие как Microsoft, Cisco и Oracle. После периода болезненных трансформаций компании начали создавать новые рабочие места с более высокой оплатой труда и более высокими профессиональными требованиями. Их не интересовало традиционное производство, которое могло быть

перенесено в Китай, Индию и Восточную Европу. Они считали, что в мире будущего благосостояние будет создаваться не производством автомобилей и прочих товаров, а производством интеллектуальной собственности. Америка вновь стала ключевым игроком, восстановив свой статус наиболее динамично растущей экономики в мире. Это позволяет в полной мере оценить предпринимательский дух американцев.

Он сохраняется и сегодня. Американцы создали самую конкурентоспособную и эффективную систему в мире. Они регистрируют больше всего патентов. Они постоянно стремятся придумать что-то новое или улучшить то, что есть. Разумеется, за это им приходится платить свою цену. Уровень безработицы в США скачет вверх-вниз, как игрушка йо-йо. В периоды экономического спада безработица в 8–10 % становится нормой. Это привело к образованию так называемого андеркласса[3]. На фоне царящего вокруг изобилия, роскошных нью-йоркских магазинов и корпоративных штаб-квартир вы можете увидеть множество бездомных американцев, живущих в картонных коробках и не имеющих ничего, кроме грязной одежды. Многие, в том числе лауреат Нобелевской премии, экономист Пол Кругман, осуждают это вопиющее неравенство в благосостоянии, присущее американскому обществу.

Насколько приемлемо такое положение дел? Не мне об этом судить. В США множество религиозных и благотворительных организаций, которые пытаются помочь этим людям: организуют бесплатные столовые, социальные центры и т. п. Дело в том, что невозможно усидеть на двух стульях сразу. Если вы хотите иметь такую же конкурентоспособность, как у Америки, вы не сможете избежать образования значительного разрыва между верхними и нижними слоями общества и формирования андеркласса. Если же вы выбираете государство всеобщего благосостояния, как это сделала Европа после Второй Мировой войны, то закономерно становитесь менее динамичным.

И, наконец, Америка имеет культуру, которая поощряет разного рода «выскочек». Когда такие люди добиваются успеха, ими восхищаются как талантливыми предпринимателями и вознаграждают социальным статусом и признанием, которого они по праву заслуживают. Неудача воспринимается как естественный промежуточный этап на пути к успеху, поэтому после падения люди поднимаются и начинают все заново. Эта культура выгодно отличает Америку от Великобритании с ее более статичным обществом, где каждый знает свое место. В этом отношении Великобритания — более «европейская» страна. В прошлом на счету британцев множество изобретений: паровые машины,

ткацкие станки, электродвигатели — и множество Нобелевских премий. Но очень немногие из их открытий привели к созданию коммерчески успешных предприятий. В чем причина? За многие столетия существования в Британской империи сформировалось общество, где в почете были потомственная аристократия и унаследованное богатство. К нуворишам всегда относились с пренебрежением. Талантливые молодые англичане стремились стать юристами, врачами и другими специалистами, поскольку зарабатывать на жизнь интеллектуальным трудом считалось гораздо почетнее, чем физическим трудом или коммерцией. В отличие от Великобритании, в Америке переселенцы начали с нуля создавать новое общество, в котором не было классовых барьеров. Все хотели разбогатеть, и те, кому это удавалось, получали всеобщее признание. И сегодня в американских компаниях молодежь, как правило, имеет бóльшее право голоса, и присущая ей кипучая энергия и энтузиазм, направляемые в нужное русло, становятся важными двигателями инновационного роста.

Проблема долга

Американская проблема долга и дефицита бюджета выглядит не столь пугающе по сравнению с некоторыми странами Еврозоны. США находятся в более выгодном положении отчасти потому, что их доллар является мировой резервной валютой, а это означает, что они имеют доступ к гораздо более дешевым заемным средствам, чем другие страны. Но у них нет повода для самоуспокоенности, поскольку расходная часть их госбюджета изменяется в неправильном направлении. Если не будет проведено адекватных реформ, в пределах 30 лет их расходы на социальное обеспечение и медицинское страхование (программу Medicare) достигнут колоссальных размеров. Это грозит выдавить из бюджета любую форму дискреционных расходов. Если американские лидеры будут и дальше сидеть сложа руки, доверие к доллару США в конце концов рухнет. Политический тупик в связи с повышением потолка госдолга и сокращения дефицита бюджета в 2011 г. серьезно встревожил многих внешних наблюдателей по всему миру. Америка не хотела признавать реальность, и Конгресс, и президент не могли прийти к соглашению о необходимости принять горькое лекарство. Все взгляды были обращены в сторону следующих выборов, и никто не хотел думать о долгосрочных последствиях этой ситуации для Америки.

Проблема вызывает беспокойство, но я не считаю ее неразрешимой. Все стороны признают, что, если не будет найдено решение, страна не сможет нормально развиваться и даже рискует прийти в упадок. Поэтому в какой-то момент произойдет прорыв. Американские избиратели достаточно рациональны, чтобы понять это и потребовать на выборах, чтобы их лидеры обратили должное внимание на ключевые проблемы финансовой устойчивости страны. Президент — нынешний или будущий — возьмет на себя ведущую роль, и конгрессмены в конечном итоге придут к какому-либо соглашению по поводу будущего Америки, вместо того чтобы подсчитывать свои политические баллы. Возможно, это произойдет, когда действующий президент вступит во второй срок правления и перестанет беспокоиться о переизбрании. В любом случае существующую ситуацию следует рассматривать как временную. Когда дело доходит до кризиса и под угрозой оказываются национальные интересы и безопасность, демократы и республиканцы сплачиваются вокруг флага и решают проблему. Поэтому я не придаю слишком большого значения нынешним политическим ссорам. Долго они не продлятся.

Между тем у Америки есть и другие серьезные проблемы с далеко идущими последствиями, которые в настоящее время остаются вне фокуса пристального внимания общественных и политических кругов. Одной из главных таких проблем является образование. Ежегодно в США стекаются тысячи студентов со всего мира, чтобы поступить в престижные американские высшие учебные заведения. Об учебе в Гарварде, Стэнфорде или Принстоне мечтают миллионы молодых людей по всей планете. Но Америке нужны не только высокообразованные ученые, исследователи, специалисты и бизнесмены. Она также нуждается в постоянном притоке людей со средним и средним профессиональным образованием, потому что именно они составляют основную часть рабочей силы в любой экономике. Иметь элитные университеты важно и нужно, но штамповать при этом армии малограмотных выпускников начальных и средних школ — опасная, недопустимая ошибка. Однако сегодня в Америке сфера среднего и среднего профессионального образования неразумно игнорируется, и ситуация в ней становится все хуже. Финансирование многих государственных школ, и без того весьма скудное, было еще больше урезано во время финансового кризиса и до сих пор не восстановлено. Некоторые эксперты говорят, что в условиях тяжелой финансовой ситуации в обозримом будущем финансирование образования вряд ли вернется к прежнему уровню. Последствия этих

сокращений станут видны уже через один-два избирательных цикла, и они будут иметь долгосрочное влияние на конкурентоспособность страны. Отчасти эта проблема связана с тем, что образование является сферой ответственности штатов, а не федерального правительства. Следовательно, чтобы улучшить ситуацию в этой области, нужно иметь дело с правительствами 50 штатов, которые не подчиняются указам из Вашингтона. Я понимаю, что в силу определенных исторических причин американцы с подозрением относятся к любым попыткам решать вопросы местного значения из центра. Но в случае образования эта особенность их политического устройства обернулась серьезным недостатком.

Другие проблемы, которые являются бичом США: потребность в инфраструктурной модернизации на общенациональном уровне, растущий разрыв между классами, сохраняющаяся расовая дискриминация, избирательный процесс, который слишком сильно зависит от денег и настолько изнурителен, что отпугивает достойных людей, которые могли бы послужить стране. Между тем не стоит забывать о том, что американцы склонны преувеличивать не только свои достоинства, но и трудности. Это повышает рейтинг телеканалов и увеличивает читательскую аудиторию печатных изданий. Кроме того, эффективный прием в политических дебатах — атаковать оппонента, взяв небольшую проблему и раздув ее до гигантских размеров. Непосвященные внешние наблюдатели поначалу могут верить этим апокалиптическим заявлениям, но вскоре учатся отделять риторику от реальности.

Если оставить риторику в стороне, в целом американцы оптимистично смотрят в будущее. Это объясняет их склонность не откладывать деньги на черный день, а тратить, занимать и тратить еще больше. В отличие от них, китайцы и японцы всегда боятся, что завтра может случиться землетрясение или какая-нибудь другая катастрофа, поэтому предпочитают не тратить, а копить. Я восхищаюсь оптимизмом американцев: их отношением к жизни «нам все по плечу», их убежденностью в том, что любая проблема может быть проанализирована и решена, если задействовать необходимые ресурсы. Но я, наверное, не хотел бы жить в Америке. Если бы мне пришлось стать беженцем, как бывшему премьер-министру Южного Вьетнама Као Ки, который поселился в Калифорнии, я бы выбрал Англию, где жизнь спокойнее.

Впервые я посетил Америку в 1962 г. В те годы экономика Европы с трудом оправлялась после войны, Британия перестала быть великой мировой державой, Китай был отсталой страной третьего мира. Америка пребывала «на коне», и все американцы, с которыми я встречался, отличались самоуверенностью. Британцы передали им мантию властителей мира. Поскольку обе нации говорили на одном языке, между ними не было никакого раздора. Британцы понимали, что они больше не в состоянии тягаться силами с американцами. Американцы спасли их от немцев, но за определенную цену, и этой ценой стало крушение империи и утрата земель: все британские земли и активы в Америке перешли в собственность США или были проданы, чтобы заплатить за оружие и старые корабли, которые были нужны британцам для сопровождения своих конвоев в Атлантическом океане. Таким образом, Британия смирилась со своим закатом и не пыталась оспаривать превосходство американцев.

Отличие нынешней ситуации в том, что американцы не будут так просто мириться с превосходством китайцев. Хотя, безусловно, они не могут не видеть в лице растущего Китая потенциального противника, сдерживать которого будет очень и очень непросто. К 2035 г. Китай обгонит США по размеру ВВП и нарастит достаточный военный потенциал, чтобы ограничить их доминирование в западной части Тихоокеанского региона. Это будет весьма значительным изменением в глобальной расстановке сил. Когда немцы бросили вызов мировому порядку, развязав войну в Европе, англичане вместе с американцами сумели остановить их. Смогут ли американцы каким-то образом остановить китайцев, возможно с помощью японцев? Я сомневаюсь в этом. Японцы не захотят участвовать в противостоянии с Китаем и превращать его в смертельного врага на всю жизнь. На месте страны с населением в 130 млн человек было бы неблагоразумно настраивать против себя гигантского соседа с населением в 1,3 млрд. Кроме того, японские и корейские бизнесмены активно инвестируют в китайскую экономику, которых она привлекает дешевыми средствами производства и огромным рынком. Таким образом, американцам, скорее всего, придется делиться: жить самим и давать жить другим. В то же время, несмотря на тесные экономические связи с Китаем, японцы и корейцы захотят сохранить военные связи с Америкой. Я прогнозирую, что отношения между США и Китаем станут самими важными двусторонними отношениями XXI века. Мир и сотрудничество между этими двумя гигантами принесут в Азию стабильность, а столкновение между ними крайне маловероятно, поскольку обе страны являются ядерными

державами. Конфликт, на каком бы уровне он ни начался, обречен на эскалацию, и проигравшая сторона в конце концов будет вынуждена прибегнуть к ядерному оружию. Это станет началом конца. Поэтому обе стороны будут делать все возможное для того, чтобы избежать даже мелких конфликтов. США, хотя и продолжая совершенствовать свои военные технологии, должны помочь Китаю интегрироваться в мировое сообщество и начать играть достойную роль в формировании международного порядка. Тогда Китай осознает себя гражданином мира и сочтет целесообразным признать не только свои права, но и обязанности.

Став мировым лидером, в первое время Соединенные Штаты были склонны действовать высокомерно и даже грубо. Британцы правили своей империей на протяжении более чем 200 лет и преуспели в этом. Один индийский госслужащий, работавший еще при англичанах, как-то признался мне, что его всегда удивляло, как 200 британским чиновникам и офицерам удавалось управлять 200 млн индийцев. Так было во времена расцвета Британской империи. После Второй мировой войны Британия уступила свое место Соединенным Штатам. Однако у американцев не было опыта поддержания мирового господства, поэтому они принялись агрессивно защищать свое новое положение в мире.

Дух проповедничества, свойственный американской внешней политике и сегодня, является в какой-то мере следствием этой неопытности. После терактов 11 сентября они неблагоразумно вошли в Афганистан и попытались построить там демократическое государство, игнорируя тот факт, что в этой стране на протяжении последних 30–40 лет не было государственности. С момента свержения в 1973 г. последнего правителя, короля Мухаммеда Захир-шаха, Афганистан представлял собой неуправляемое скопище множества враждующих племен. Как склеить эти мелкие осколки? Едва ли это возможно. Еще 100 лет назад Редьярд Киплинг в своем стихотворении «Британские рекруты» писал:

> Но коль ранен ты и ушла твоя часть, —
> Чем под бабьим афганским ножом пропасть,
> Ты дуло винтовки сунь себе в пасть,
> И к Богу иди-ка служить[4].

Я процитировал это стихотворение Хиллари Клинтон и мягко указал на то, что в сегодняшнем Афганистане со времен Киплинга мало что изменилось. Даже учитывая все ужасы 11

сентября, наземная операция в Афганистане стала большой ошибкой американцев. Будь я на их месте, я бы бомбил Афганистан, чтобы он больше не мог быть прибежищем террористов. Но зачем было вводить туда войска, которые понесли там потери и которые невозможно вывести, не уронив престижа? Президент Обама планирует вывести войска из Афганистана к концу 2014 г., и ему следует сделать это как можно быстрее, потому что пытаться навести порядок в этой стране — напрасный труд.

Что касается Ирака, то и там президент Джордж Буш начал военную кампанию с самыми благими намерениями. Саддам Хусейн был самовластным диктатором, чьи действия дестабилизировали регион и весь мир. Его свержение стало благом для многих. Но когда американцы объявили о своих планах создать в Ираке демократическое государство, я затаил дыхание. Они снова пошли на поводу у своего высокомерия. Я подумал про себя: «Этот народ имеет более чем 4000-летнюю историю. И они собираются насадить там общественное устройство, которому — если вести отсчет с "Мэйфлауэра" — от силы 400 лет?» Но неоконсерваторы убедили Буша в том, что демократический Ирак станет ключом к миру на Ближнем Востоке. Свои аргументы они основывали на мнении иракских эмигрантов, которое было поддержано профессором Бернардом Льюисом, авторитетным специалистом по исламу и Ближнему Востоку, и Натаном Щаранским, бывшим советским диссидентом и активным сторонником идеи демократии, который в то время был депутатом израильского парламента. Это было серьезной ошибкой. Американцы убрали Саддама — сильного лидера, который крепкой рукой удерживал разрозненные силы в стране и делал ее управляемой, но не нашли другого сильного лидера, который мог бы занять его место. Что еще хуже, они разогнали полицию и запретили правящую партию «Баас», вместо того чтобы поставить их на службу новому режиму.

Когда японская армия оккупировала Сингапур во время Второй мировой войны, японцы взяли в плен солдат, но не тронули полицию и администрацию, потому что хорошо понимали, что для управления страной на местах им нужна помощь. Они не уволили даже англичан, руководивших службами энерго-, водо— и газоснабжения. Американцы в Ираке захотели создать правительство с нуля и демократизировать древний народ, чьим традициям не одна тысяча лет. Первое близко к невозможному, второе невозможно в принципе.

В этом отношении внешнеполитический подход китайцев представляется мне более мудрым. Они не считают, что должны

что-то менять в других государствах. Они имеют дело с существующей системой и налаживают с ней выгодное сотрудничество, не осложняя себе жизнь. Проблема американцев в том, что они верят в свою способность изменить систему, но раз за разом жизнь показывает, что они неправы. Они не изменили мир и никогда не смогут сделать это. Возможно, им удалось в какой-то мере изменить Фиджи или Вануату с их молодыми цивилизациями без глубоко укорененной культуры, привив им христианство и другие ценности. Но как они смогут изменить Индию или Китай? Это страны с очень древними традициями.

В: Вы встречались со многими американскими президентами. Кто из них запомнился или впечатлил вас больше всего?

О: К сожалению, я не встречался с Джоном Кеннеди. Говорят, это был очень харизматичный человек. Но сегодня возникло мнение, что его политику нельзя назвать хорошо продуманной. Я считаю, что Линдон Джонсон был сильным президентом. Он необдуманно вмешался в ситуацию во Вьетнаме и потратил там слишком много времени и ресурсов, потому что не хотел показаться слабаком. Но внутри страны он был хорошим политиком из Техаса. Джеральд Форд был посредственным президентом, но у него были превосходные советники, такие как Генри Киссинджер и другие секретари Кабинета. Таким образом, у него была отличная команда, хотя сам он и не отличался блестящими способностями. Ричард Никсон был великим стратегом. Очень жаль, что его увлечение прослушиванием телефонных разговоров оппозиции привело к отставке. Он произвел на меня очень сильное впечатление. Он обладал независимым и глубоким умом. Еще до того как стать президентом, он приехал в Сингапур и полтора часа выспрашивал мое мнение по поводу различных проблем, шагая взад-вперед по моему кабинету и записывая мои идеи в блокнот. Чтобы наглядно проиллюстрировать свою главную идею, я сказал ему, что одни государства подобны деревьям — они растут высокими и прямыми и не нуждаются в поддержке. А другие подобны лианам — им нужно рядом крепкое дерево, чтобы расти вверх. К счастью для меня, он никогда не обнародовал мои мысли, хотя я думаю, что взял их на заметку.

В: Какие страны вы имели в виду?

О: Под деревьями я подразумевал такие страны, как Япония, Китай, Корея и даже Вьетнам.

В: Как вы думаете, если бы Никсон был президентом сегодня, как бы он подошел к построению американо-китайских отношений?

О: Я думаю, что Никсон постарался бы не сдерживать Китай,

а как можно шире привлекать его к сотрудничеству. Но он также предусмотрел бы и альтернативный вариант и принял все необходимые меры на тот случай, если бы Китай отказался играть по правилам как ответственный гражданин мира. Он позаботился бы о том, чтобы, если возникнет необходимость вставать на ту или другую сторону, перевес был бы на американской половине шахматной доски за счет таких союзников, как Япония, Корея, страны АСЕАН, Индия, Австралия, Новая Зеландия и Россия.

В: Что вы думаете о Билле Клинтоне, которого называют одним из самых харизматичных президентов?

О: Он был искусным оратором, умеющим убеждать.

В: А как насчет Рональда Рейгана, о котором вы очень положительно отзывались в прошлом?

О: Я испытываю к нему огромное уважение. Хотя он и не обладал гениальным умом, он был в высшей степени здравомыслящим человеком. Он окружил себя знающими людьми, отсюда и результат — грамотная, продуманная политика. Он знал, как правильно выбирать людей и заставить их на себя работать.

В: Когда президент Обама только вступил в должность, вы также сказали, что он собрал вокруг себя отличную команду.

О: Да, но потом некоторые лучшие умы ушли, потому что не были согласны с его политикой. Ни один президент не может знать всё и вся. Ему нужны хорошие советники. Тот факт, что из команды Обамы ушли опытные профессионалы, не очень хороший знак. Это показывает, что он не желал прислушиваться к их мнению.

В: Что вы думаете о двух Джорджах Бушах?

О: Джордж Буш старший — более вдумчивый человек. Буш-младший, вероятно под влиянием идеологии, привел Америку в Ирак и Афганистан. В конце концов американцам пришлось уйти из обеих этих стран, понеся огромные потери и получив серьезный удар по репутации. Тем не менее однажды я поспорил с одним европейским лидером, который сказал мне: «Нам, европейцам, не нравится, что Буш-младший постоянно ссылается на Бога». На что я ему ответил: «Когда вы сражаетесь с фанатиками, которые свято верят в то, что защищают своего Бога, искренняя вера в то, что ваш Бог поддерживает вас, придает вам спокойствия и уверенности». Когда Буш младший публично объявил, что он приказал атаковать Багдад по велению Бога, я никогда не видел его более собранным и спокойным. Он коротко сказал об этом в микрофон, повернулся и ушел с гордо поднятой головой, не сомневаясь в правильности своего решения. Я подумал про себя: «Так поступает настоящий командующий».

В: Сингапур поддержал военную кампанию, начатую Джорджем Бушем в Ираке. Сегодня вы не сожалеете о том, что мы заняли такую позицию?

О: Мы являемся партнером США в сфере обеспечения безопасности, благодаря чему имеем доступ к вооружению, которое не продается в другие страны. Поэтому мы были обязаны поддержать американцев.

В: На протяжении вот уже нескольких лет обсуждается возможность того, что США могут нанести удар по военным объектам в Иране, если Иран не начнет сотрудничать с международным сообществом в области контроля над его ядерной программой. Насколько вероятен такой сценарий?

О: Если Иран создаст бомбу, на Ближнем Востоке сложится крайне взрывоопасная ситуация, потому что саудовцы будут покупать бомбы у Пакистана, Египет создаст свою бомбу. А наличие в этом регионе бомб — верный путь к взаимоуничтожению. Это работает только с рациональными людьми. Я не уверен, что на Ближнем Востоке найдется достаточно рациональных людей, чтобы сдержать горячие головы, которых там гораздо больше. Что касается американцев, то маловероятно, чтобы они нанесли удар. Пожалуй, в наибольшей степени эта ситуация затрагивает израильтян. Именно они находятся под непосредственной угрозой на фоне заявлений Ирана о том, что Израиль должен быть уничтожен. Если американцы захотят нанести удар, скорее всего, они снабдят оружием израильтян, которые это сделают.

В: У нас еще остался Джимми Картер. Каково ваше мнение об этом президенте?

О: Он сказал американцам: «Меня зовут Джимми Картер, и я хочу стать вашим президентом». И стал им. Я думаю, этим все сказано.

В: Является ли это простым совпадением, что вы более высоко оцениваете президентов-республиканцев?

О: Вероятно, это объясняется тем, что они больше ориентированы на внешнюю политику. Дело не в том, что они республиканцы, а в том, что они лучше осознают, что значит быть мировым лидером, и выстраивают внешнюю политику в соответствии с этой ролью.

В: Вы упомянули о том, что способность Америки привлекать иммигрантов позволяет ей поддерживать высокую конкурентоспособность на мировом рынке. Но миграция также создает определенные проблемы. Например, в ближайшем будущем ожидается значительное увеличение доли латиноамериканцев в общей численности населения страны, что

может заметно изменить характер американского общества.

О: Да, вопрос в том, сумеют ли американцы привить латиноамериканцам свою англосаксонскую культуру или же латиноамериканцы привьют им свою. Если латиноамериканцы будут продолжать жить общинами, это станет серьезным испытанием для Америки.

В: По мере того как Китай наращивает свою экономическую мощь, не возникает ли опасность того, что страны Юго-Восточной Азии настолько тесно интегрируются с китайской экономикой, что мы будем остро воспринимать любую угрозу разорвать отношения со стороны китайцев и будем делать все, что они от нас потребуют? Я имею в виду, не произойдет ли у нас то же самое, что сегодня происходит на Тайване, который становится настолько экономически зависимым от Китая, что вряд ли сможет объявить себя независимым политически?

О: Мы находимся в разных ситуациях. Тайвань — это эмоциональный, национальный вопрос. Он является частью Китая. Это провинция, которую у них сначала отняли голландцы, потом португальцы, потом японцы. Китайцы всегда считали это национальным позором и хотели вернуть Тайвань обратно. Но нет никаких исторических причин, почему бы они хотели взять под свой контроль нас.

В: Тем не менее существует ли опасность того, что мы будет слишком тесно связаны с китайской экономикой?

О: Все зависит от нашего выбора. Как я уже говорил, я не думаю, что Сингапур сможет процветать благодаря одним только связям с Китаем. Если бы мы ориентировались только на Китай, мы бы не стали тем Сингапуром, каким являемся сегодня. Что изменится для нас, если Китай станет в десять раз сильнее? Это сделает нас в десять раз сильнее? Нет. Наше процветание обеспечивается нашими связями со всем миром.

В: Но так было в прошлом.

О: В будущем будет то же самое. Мы не остров Хайнань и не Гонконг, которым географическая близость и этническая идентичность фактически не оставляют выбора. Мы — страна с огромным разнообразием и находимся в центре архипелага, где сходятся многие пути со всего мира.

В: А что, если в какой-то момент китайцы начнут возражать против того, что Сингапур размещает у себя американский военно-логистический центр?

О: Как они могут возражать? У них нет на это права. Если они попросят нас закрыть американскую базу, наш ответ будет: «Если хотите, вы можете разместить у нас свою логистическую базу тоже».

В: Значит, Сингапур будет принимать у себя и китайцев, и американцев?

О: Почему бы и нет?

3. Европа. Противоречия и закат

Основная проблема с евро заключается в том, что монетарная интеграция невозможна без финансовой, особенно в регионе с такими разными традициями трудолюбия и финансовой дисциплины, как, скажем, в Германии и Греции. Эта несовместимость в конце концов разрушит систему. Вот почему евро нежизнеспособен — это заложено в самой его ДНК. Не стоит думать, что трудности, с которыми в последние годы сталкивается европейская валюта, следствие всего лишь неспособности одного или двух европейских государств жить по средствам и попустительского отношения к подобному расточительству со стороны остальных членов еврозоны. Другими словами, проблемы с евро не результат исторической случайности, которую можно было бы предотвратить, если бы стороны в свое время приняли правильные — более ответственные — решения. Они исторически неизбежны, и их следовало ожидать. Если бы кризис не наступил в 2010 или 2011 г., он бы наступил год спустя, под влиянием других обстоятельств.

Следовательно, я не уверен, что евро можно спасти, по крайней мере в его нынешнем виде, сохранив в еврозоне все 17 стран.

С самого начала проекта евровалюты ведущие мировые экономисты, в том числе профессор Гарвардского университета Мартин Фельдстейн, били тревогу по поводу заложенных в нем противоречий. Англичане не присоединились к еврозоне, потому что не были уверены в том, что система будет работать. Они сомневались в ее выгодах и хорошо осознавали все риски. Однако правительства и население 17 других европейских стран проголосовали за переход на единую валюту, несмотря на очевидную неготовность к финансовой интеграции, которая подразумевает определенную утрату суверенитета. Сделанный ими выбор отражал ошибочное убеждение в том, что Европа является особенным регионом, способным преодолеть любые противоречия. Другими словами, это было чисто политическое решение.

В Соединенных Штатах 50 штатов успешно используют единую валюту, потому что у них есть единая Федеральная резервная система и единое Казначейство, т. е. министерство финансов. Если какой-либо штат испытывает экономические трудности, он получает щедрую финансовую помощь из центра в форме государственных программ и дотаций на социальные

расходы. Федеральное правительство собирает налоги со всех штатов и грамотно распределяет собранные средства между всеми. Некоторые штаты имеют почти постоянный дефицит бюджета, но это не нарушает устойчивости системы, потому что никто не считает ее несправедливой. Люди, живущие в дотационных штатах, являются такими же гражданами Америки, как и люди, живущие в донорских штатах, и последние не ожидают никакой компенсации за финансовую поддержку, которую оказывают. Это подарок.

Противоположная система тоже работоспособна и стабильна — я имею в виду ту, что была в Европе до введения евро, когда каждая страна имела не только свое собственное министерство финансов, но и собственную валюту. В рамках этой системы, если в какой-либо стране начиналось замедление экономики, она могла внести необходимые коррективы в свою кредитно-денежную политику, чтобы исправить эту ситуацию, поскольку была свободна от оков единой валюты. Например, она могла увеличить количество денежной массы в обращении — то, что американцы называют «количественным смягчением», — и обесценить валюту, чтобы повысить привлекательность своего экспорта. Однако, объединившись в единое валютное сообщество, страны еврозоны были вынуждены отказаться от подобных инструментов. Кроме того, созданная ими система не предусматривает бюджетные трансферты такого рода и масштаба, какие предусмотрены финансовой системой Соединенных Штатов.

Еврозона напоминает собой разношерстную толпу, которую заставили маршировать под один барабан. Одни страны размашистыми шагами идут вперед, другие изо всех сил стараются за ними угнаться. В странах с более отсталой экономикой правительства под сильнейшим давлением электората вынуждены были сохранять на прежнем уровне или даже увеличивать государственные расходы, несмотря на сокращающиеся налоговые поступления. Дефицит бюджета покрывался за счет кредитов на денежных рынках. Тот факт, что эти кредиты могли быть получены по относительно низким ставкам, поскольку они брались в евро, а не, скажем, в драхмах, не препятствовал, а, наоборот, способствовал расточительности. Греки с их колоссальным внешним долгом нагляднее всего демонстрируют нам этот порочный круг. Говоря по справедливости, за сложившуюся ситуацию отчасти несет ответственность все сообщество еврозоны, поскольку Пакт стабильности и роста предусматривает применение санкций в отношении стран, повторно нарушающих его положения о

дефиците госбюджета. Но за все время существования Пакта эти санкции никогда ни к кому не применялись.

Одно время эксперты оптимистично выражали надежду на то, что эти страны сумеют сократить разрыв с более сильными соседями, такими как Германия, за счет урезания социальных программ, реформирования налоговой сферы, либерализации рынка труда и повышения пенсионного возраста. Но этого не произошло. С наступлением мирового финансового кризиса 2008 г. ситуация обострилась. Дешевые кредитные деньги иссякли, и падение доверия рынков к кредитоспособности таких стран, как Греция, привело к резкому повышению ставок заимствования. Германия и Европейский центральный банк были вынуждены вмешаться и спасти Грецию от неминуемого банкротства, чтобы остановить распространение долгового кризиса на другие страны еврозоны, находящиеся в ничуть не лучшем положении.

По состоянию на июнь 2013 г. евросообществу удалось избежать катастрофы благодаря огромным внешним вливаниям в экономику Греции. Но для того чтобы разрешить фундаментальные противоречия, лежащие в основе проекта евро, 17 европейским странам придется в конце концов решить куда более сложный и болезненный вопрос финансовой интеграции. Хотя у них в запасе есть немного времени, они хорошо понимают: если медлить, неизбежно наступит еще один, более тяжелый кризис, который потребует куда более серьезных мер по спасению, и оплачивать их из своего кармана придется Германии. На месте европейцев я бы не медлил, а действовал как можно быстрее, поскольку, по мере того как воспоминания о прошлом долговом кризисе с его паникой и страхами стираются из памяти избирателей, слабеет и политическая воля к решительным действиям.

К сожалению, ни один из существующих вариантов нельзя назвать легким. Очевидное решение для европейцев — пойти на финансовую интеграцию. Сделать Европейский центральный банк аналогом американской Федеральной резервной системы, а вместо отдельных министерств финансов создать единое Казначейство, управляющее бюджетами всех стран еврозоны. Это будет шагом к тому, что энтузиасты Евросоюза называют «еще более тесным союзом», который сделает еврозону во многом похожей на Соединенные Штаты. Случится ли это? Будет ли готово население этих стран отказаться от значительной части своих национальных бюджетных полномочий в пользу центральной власти и доверить ей право принимать решения о налогообложении и расходовании бюджетных средств, которые

одновременно будут справедливыми для каждой страны-участницы и целесообразными для Евросоюза в целом? Такое маловероятно, и я, честно говоря, не думаю, что это случится. Но если все же случится, это будет, вероятно, наилучшим исходом для всего остального мира.

А наиболее вероятный, но наименее желательный исход — возвращение к отдельным валютам. Оно будет болезненным и трудным для всех участвующих сторон. Если вы грек, португалец или испанец и позаимствовали деньги в евро, как теперь возвращать этот кредит, по какому обменному курсу? По старому, тому, что был до введения евро? Или по какому-либо произвольно установленному новому курсу? Распад единой валютной системы будет сложным и дорогостоящим. В преддверии такого события люди могут в массовом порядке кинуться забирать из банков свои сбережения в евро из опасений, что те могут быть принудительно конвертированы в новую и, вероятно, более дешевую валюту. Неопределенность также будет сдерживать поток частных инвестиций — еще одна причина, по которой промедление не играет на руку европейцам. Что касается стран, не входящих в еврозону, особенно тех, что в значительной степени зависят от экспорта в Европу, как, например, Китай, то распад еврозоны нанесет по ним тяжелейший удар. На какое-то время вся мировая экономика затормозится и замрет в ожидании, но в конце концов торговля возобновится и все урегулируется.

Существует и третий возможный исход — промежуточный вариант между полным распадом и полной интеграцией. Можно назвать это частичным распадом. Здесь возможно множество различных сценариев, начиная с того, что еврозона сохранится почти в прежнем виде и из нее выйдут одна-две страны, и заканчивая созданием того, что эксперты называют двухъярусной или трехъярусной системой, где каждый ярус имеет свой уровень и темпы экономического развития, и каждой стране придется выбирать — выйти из еврозоны или присоединиться к одному из двух или трех сообществ. Ключевой вопрос в том, существует ли в Европе относительно гомогенное с точки зрения экономической конкурентоспособности ядро, которое сможет сохранить свою целостность, несмотря на мощные центробежные силы. Я считаю, что такое ядро существует. Понятно, что его основой будет Германия, самая трудолюбивая из всех. Кроме того, в него могут войти Бельгия, Нидерланды и Люксембург. Не думаю, что Франция окажется такой же дисциплинированной, как Германия. Скорее всего, она образует ядро второго яруса.

Некоторые могут возразить, что Европейский Союз и введение единой евровалюты — успешный проект, поскольку

сегодня на территории Европы воцарился мир и сотрудничество, а войны навсегда канули в прошлое. Но такое положение дел может быть обусловлено совсем другими факторами. Распад СССР означает, что в обозримом будущем Россия едва ли будет заинтересована в военном противостоянии с Западом, поскольку все ее силы будут брошены на экономическое развитие. Кроме того, гарантии безопасности со стороны американцев в форме Североатлантического альянса (НАТО) надежно защищают Европу от любых военных посягательств со стороны стран, не входящих в НАТО. Самая сильная страна Евросоюза, Германия, за последние 100 лет потерпела поражение в двух мировых войнах, поэтому она никогда не начнет еще одну войну. С немцев достаточно — они хотят спокойной и комфортной жизни. Они будут лезть из кожи вон, чтобы примирить между собой всех вокруг.

Думаю, что в конце концов результаты введения единой валюты будут признаны неудачными и любые попытки приписать этому проекту какие-либо политические заслуги будут опровергаться суровой действительностью.

Пытаясь разобраться с проблемами, связанными с единой валютной системой, Европе нельзя игнорировать и другие фундаментальные причины своего низкого динамизма, такие как реализуемая ею модель социального государства и жесткое регулирование рынка труда. То, что казалось хорошими идеями в период после Второй мировой войны, когда они нашли широкую поддержку и начали реализовываться по всей Европе, в последние несколько десятилетий превратилось в непозволительную роскошь, особенно с выходом на мировой рынок развивающихся экономик Азии. Если Европа хочет избежать затянувшейся летаргии и вернуть себе былую энергию и предприимчивость, которыми она некогда славилась, ей нужно провести в жизнь смелые и болезненные реформы, чтобы сократить громоздкую систему социальных гарантий и либерализовать правила найма и увольнения для компаний.

Когда я учился в Англии в послевоенные годы, меня восхищали усилия правительства Клемента Эттли по созданию системы социальных гарантий «от рождения до смерти» для всех и каждого. Например, я был приятно удивлен, когда мне сказали, что мне не нужно платить за новые очки, выписанные мне врачом-офтальмологом. Оказывается, все оплачивала Национальная служба здравоохранения. «Вот что такое цивилизованное общество!» — подумал я. В то время я не понимал, но хорошо осознал позже, что такая всеобъемлющая опека со стороны государства ведет к неэффективности и

инертности.

Разумеется, все это делалось с самыми благими намерениями. Пережив две мировые войны, почти полностью уничтожившие их экономику, правительства и народы Европы хотели жить спокойной, мирной жизнью, поровну деля между всеми блага и бремя расходов. Поскольку в основном именно пролетариат сражался на полях войны и заплатил за победу своей кровью, европейская элита испытывала сильное чувство долга перед низшими классами. Поэтому, когда политики начали призывать к справедливости и воплощать в жизнь модель социального государства, направленную на защиту бедных и безработных, старых и больных, они получили широкую поддержку.

На протяжении многих лет Европа могла позволить себе такую политику. План Маршалла помог большинству западноевропейских стран довольно быстро оправиться после военной разрухи и встать на ноги. Зарплаты европейцев и доходы бизнеса начали расти, и собираемых налогов с лихвой хватало на то, чтобы финансировать государства всеобщего благосостояния. Но ничто не постоянно в этом мире. В конце концов правила игры для Европы изменились. С развитием глобализации низкоквалифицированные европейские рабочие столкнулись с тем, что отныне они были вынуждены конкурировать не только между собой, но и с рабочими из Японии, а затем и из Китая и Индии. Европейский экспорт существенно сократился, а отрасли начали постепенно перемещать свои производственные центры в Азию. Естественно, что зарплаты европейских рабочих заметно упали. Если бы Китай, Индия и Япония не вышли на глобальный рынок, государства всеобщего благосостояния могли бы оставаться жизнеспособными достаточно долгое время. Но с их появлением эта модель быстро показала свою несостоятельность.

Да, европейцы стараются двигаться в сторону развития производства товаров и услуг с более высокой добавленной стоимостью, но здесь существуют свои ограничения. Вы не можете повышать планку до бесконечности, поскольку значительные слои населения не смогут соответствовать постоянно растущим требованиям, так как это предполагает обучение новым навыкам, что требует времени, сил и, в первую очередь, мотивации. Кроме того, японцы, китайцы и индийцы также постоянно повышают свою планку. В этом неустанном состязании в самосовершенствовании преимущества перед конкурентами, которых вы можете добиться в любом отдельно взятом году, как правило, весьма незначительны. В конечном итоге все зависит от качества ваших человеческих ресурсов и от

того, как они организованы и как управляются. Если сравнивать Европу с Фиджи или Тонгой, то последним вряд ли когда-нибудь удастся ее догнать. Но если сравнивать Европу с Японией, Китаем или Индией, то это совершенно другая история.

К сожалению, законы и политика не меняются так же быстро, как глобальная среда. Однажды предоставленные социальные гарантии очень трудно отнять обратно. Электорат сурово накажет на выборах любое правительство, которое осмелится сделать это. В Великобритании Маргарет Тэтчер использовала весь свой политический капитал, чтобы попытаться изменить социальную политику. Но ей удалось сделать это только отчасти. Другие европейские лидеры, вероятно, наблюдали за ее усилиями и попытались повторить этот хотя бы частичный успех, однако столкнулись с сильнейшим противодействием электората, не желавшего отказываться от дарованных ему благ, которые за многие годы он привык считать чем-то само собой разумеющимся. Эта проблема существует во многих европейских странах.

Если бы расходы на социальную сферу не менялись, ситуация могла бы оставаться под контролем. Однако они имеют тенденцию расти, причем не только в абсолютном выражении, но и в относительном, как доля от общего дохода страны. Отчасти это происходит в результате расширения существующих схем под влиянием популистского давления. Но гораздо более важным фактором, на который обратил внимание ветеран шведской журналистки Ульф Нильсон, является уникальная способность системы всеобщего благосостояния «порождать свой собственный спрос». В 2007 г. он написал следующие прозорливые слова: «Система соцобеспечения увеличивает число иждивенцев, страхование от травм на рабочем месте увеличивает количество производственных травм, либеральная миграционная политика увеличивает приток мигрантов, возможность досрочного выхода на пенсию увеличивает количество людей, выходящих на пенсию раньше установленного возраста». Другими словами, люди в конце концов, умышленно или нет, начинают использовать систему в своих корыстных интересах. Например, они могут получать пособие по безработице, которое составляет до трех четвертей от их последней зарплаты, и при этом работать с неполной занятостью без официального трудоустройства. Это дает им два источника дохода, с которых они не платит никаких налогов.

Согласно статистическим данным ОЭСР, в 2007 г. средняя европейская страна выделяла на государственные социальные расходы более 23 % своего ВВП. В некоторых странах эта цифра

была еще выше — 25 % в Италии и 28 % во Франции. В то же время в неевропейских странах, входящих в ОЭСР, доля этих расходов в среднем составляла всего 17 % от ВВП, а в Соединенных Штатах и Австралии не превышала 16 %.

Главной отрицательной стороной государства всеобщего благосостояния является даже не его негибкость или непозволительная дороговизна, а тот пагубный эффект, который оно оказывает на мотивацию людей. Если система устроена так, что вы получаете одинаковые социальные блага независимо от того, трудитесь ли вы в поте лица или тунеядствуете, зачем напрягаться? У вас нет шпор, которые заставляли бы вас шевелиться. В Америке люди больше привыкли полагаться на себя, поскольку, хотя государство и протягивает безработным руку помощи, оно принимает все меры к тому, чтобы активно поощрять и даже заставлять находить работу. Это совсем другая философия, основанная на убежденности в том, что работа делает личность и общество лучше, а чрезмерно щедрая помощь в конце концов перевешивает все остальные стимулы и становится серьезным ограничительным фактором. Европейская модель породила класс людей, которые привыкли к разного рода социальным пособиям и льготам и напрочь лишились мотивации к успеху, да и просто к труду.

Вдобавок ко всему Европа ничего не делает для того, чтобы смягчить излишне жесткие правила, действующие на рынке труда, в частности регулирующие право компаний увольнять сотрудников и определять минимальную продолжительность ежегодного отпуска. Европейцы продолжают упираться, в то время как гибкость становится все более важным фактором конкурентоспособности в новом экономическом ландшафте. Профсоюзы и социалистические партии во Франции и соседних странах всячески поддерживают миф о том, что можно сохранить социальные гарантии на прежнем уровне без ущерба для экономики. Нынешняя молодежь требует такой же гарантии занятости, какая была у их родителей. Другими словами, они требуют стабильности и уверенности в будущем. Они не понимают, что эти меры в конечном итоге оборачиваются против них самих. Компании, подвергающиеся суровому наказанию за любое сокращение персонала, гораздо неохотнее нанимают новых сотрудников, даже когда экономика возобновляет рост. Или попросту переносят рабочие места в другие страны.

Это подтверждается статистическими данными. По состоянию на 2008 г. восемь из десяти европейских стран — членов ОЭСР, имеющих наиболее либеральное трудовое законодательство, входили в десятку стран с самым низким

уровнем безработицы в среднем за последние 10 лет. Верно и обратное: семь из десяти стран с самым строгим трудовым законодательством входили в десятку стран с самым высоким уровнем безработицы.

Но как изменить эту политику? Стоит лишь попытаться, и на улицы Парижа немедленно выйдут профсоюзы, которых не убедишь тем, что глобальная конкуренция делает французскую рабочую силу экономически неконкурентоспособной, поэтому им нужно отказаться от своих привилегий. Они скажут вам: «Мы не собираемся отказываться от своих привилегий, а вы ищите другие способы победить в глобальной конкуренции».

Что касается Сингапура, то я с самого начала постарался сделать так, чтобы мы не пошли по европейскому пути в сфере социальной политики и регулирования рынка труда. Наблюдая за некоторыми нововведениями в социальной сфере, предпринятыми британцами в 1950-е гг., я решил, что это верный путь к упадку. Чтобы не позволить профсоюзам ставить по угрозу нашу конкурентоспособность, мы выстроили эффективный механизм трехсторонних отношений — профсоюзы, правительство, бизнес, — основанный на неконфронтационных переговорах. Мы положили конец бесплатным лекарствам, постепенно придя к тому, что стоимость медицинского обслуживания стала приемлемой для населения. Мы предоставляем людям не субсидии и пособия, а возможность обеспечивать себя. Государство поможет вам купить дом и накопить средства на вашем счете в Центральном страховом фонде[5]. Если вы хотите потратить эти деньги — что ж, ваше право, но в этом случае вы можете остаться в старости без гроша в кармане. И наоборот, если вы регулярно пополняете свой счет, позволяя своим активам расти в стоимости и приносить процентный доход, вы пожнете щедрые плоды. Другими словами, люди берут на себя ответственность за собственную жизнь, а государство оказывает им в этом необходимую поддержку. Я считаю, что если бы мы приняли европейскую модель, то в значительной степени лишились бы того динамизма, который сегодня присущ нашей экономике. Это была бы слишком высокая цена.

Европу ждут трудные времена. Под влиянием уникальных исторических обстоятельств европейцы сделали выбор в пользу социальной защищенности и гарантий занятости. Никто не может отрицать, что этот выбор позволил им построить более дружественные к людям общества, где фактически отсутствует андеркласс и существует гораздо меньший, по сравнению с Америкой, разрыв между победителями и проигравшими. Но за

это европейцам приходится платить свою цену. Если бы они отказались от такой модели, это могло бы увеличить рост их ВВП на 1–3 % в год. Еще какое-то время многие европейцы смогут продолжать вести комфортную жизнь, к которой они привыкли, благодаря накопленным прежде резервам. Но, нравится им это или нет, уютный и надежный мир, построенный ими для себя в послевоенное время, в конце концов будет разрушен внешними силами. Им придется заключить новый социальный контракт.

Между тем группа государств Северной Европы не столь серьезно затронута вышеописанными проблемами. Я считаю, что скандинавские страны заслуживают отдельного анализа, поскольку ряд специфических особенностей делает их уникальными в своем роде.

Сторонники идеи государства всеобщего благосостояния обычно указывают на Швецию, Данию и Норвегию как на наглядный пример того, что развитая система социальных гарантий не обязательно должна вести к негативным побочным эффектам. Они делают вывод, что проблемы проистекают не из несостоятельности самой концепции государства всеобщего благосостояния, а из ошибок, совершенных правительствами Франции, Италии или Испании.

В качестве первого контраргумента можно привести данные по безработице, свидетельствующие о том, что даже скандинавским странам не удалось избежать негативных эффектов социалистической политики. Например, в 2011 г. уровень безработицы в Швеции составил 7,5 %, что ненамного ниже, чем в Италии (8,4 %), и значительно выше, чем в экономически развитых азиатских странах, таких как Япония (4,6 %), Южная Корея (3,4 %) и Сингапур (2 %).

Тем не менее следует признать, что с точки зрения экономического роста скандинавские страны действительно показывают намного лучшие результаты, чем их европейские соседи. Тогда как среднегодовой рост ВВП на душу населения (в долларовом выражении) за период между 2002 и 2011 гг. составил 5,3 % в Италии и 6,1 % во Франции, в Дании за тот же период он составил 6,4 %, в Швеции — 7,3 %, а в Норвегии — целых 8,9[6]. Причем добиться этого скандинавам удалось, сохранив высокий уровень социальных расходов, — феномен, который нуждается в дальнейшем объяснении.

Для начала следует отметить, что Швеция, Норвегия и Дания — значительно меньшие по размеру страны, чем Франция, Италия и Испания. В совокупности их население едва ли составляет одну десятую часть от населения последних трех

стран. В Норвегии живет всего 5 млн человек — меньше, чем в Сингапуре. Это отражается на масштабе проблем, разнообразии интересов и сложности управления.

Еще более значительную роль, чем размер, играет состав населения, и это является ключом к пониманию скандинавской уникальности. Население Швеции, Норвегии и Дании относительно однородно по своему составу, что дает этим странам внутреннюю сплоченность и чувство национального единства, невозможные в других частях Европы. Население каждой из этих стран в буквальном смысле слова считает себя одной большой семьей, где все готовы помогать друг другу. Они готовы усердно работать, потому что знают, что это способствует процветанию всей семьи. Несмотря на космические налоговые ставки, которые вынуждены вводить государства всеобщего благосостояния, чтобы сводить концы с концами, успешные бизнесмены и люди с высокими доходами менее склонны покидать такие общества «семейного типа», даже если у них есть возможность сделать это. В результате все таланты — те, кто умеет создавать богатство и возможности для себя и для других, — остаются «дома». Когда вы ощущаете себя одним народом, одной семьей, вы с большей готовностью платите налоги, чтобы поддержать своих менее обеспеченных и менее успешных сограждан, чем в том случае, когда среди вас живет масса чужаков, приехавших со всего земного шара, а закон требует справедливо распределять богатство между всеми. Это кардинально меняет отношение.

Когда я посетил Норвегию в 1970-е гг., абсолютное большинство населения составляли белые. Это прекрасная страна с великолепными фьордами и ледниками, холодная и спокойная. Я чувствовал, насколько сплочено ее общество. Не только работающие люди были готовы платить более высокие налоги, но и среди тех, кто не работал, попытки злоупотреблять щедростью системы были редкостью, потому что все считали себя членами одной большой семьи. Другими словами, там не было класса праздных людей, ведущих беззаботную жизнь на пособие по безработице.

Все это медленно, но верно менялось в течение последних лет в результате того, что скандинавские страны ввели очень либеральную политику приема беженцев и политических эмигрантов. Швеция ежегодно принимает 2000 беженцев, в основном из африканских стран, так что на сегодняшний день в стране живет более 80 000 эмигрантов. Как их приток изменит облик общества, еще предстоит увидеть, но если ситуация будет развиваться по тому же сценарию, что и в других странах, рано

или поздно это приведет к изменению национального самовосприятия и к тому, что люди уже не готовы будут с прежней щедростью поддерживать низшие слои общества. Но пока что Скандинавия остается наиболее этнически однородной, чем остальная Европа.

Сегодня облик людей и общественная атмосфера по всей Европе сильно отличаются от того, что было во времена моего студенчества сразу после Второй мировой войны. Когда мне нужно было арендовать квартиру в Лондоне, я звонил арендодателям по объявлениям в газете и говорил: «Меня зовут Ли, я китаец. Если вы не хотите сдавать квартиру китайцу, пожалуйста, скажите мне об этом сразу, чтобы я не тратил время на поездку к вам». Ли — довольно распространенная английская фамилия, и я хотел избежать недоразумений. И действительно некоторые арендодатели вежливо советовали мне поискать другую квартиру. Таким было британское общество в те времена — преимущественно белым и во многом дискриминационным по отношению к людям с другим цветом кожи.

На протяжении многих лет из-за снижения рождаемости и растущей потребности в рабочей силе европейские страны приветствовали мигрантов из Азии, Африки, Восточной Европы и с Ближнего Востока. Иммиграция помогала снять остроту экономических и демографических проблем, но вместе с тем порождала другие трудности.

В Германии живет по крайней мере 2,5 млн турок. Массовость этой этнической группы вызывает у немцев чувство дискомфорта, которое время от времени выливается во вспышки недовольства и даже вызывающие тревогу преступления на расовой почве, совершаемые экстремистски настроенными местными жителями. Во Франции возникновение вокруг крупных городов, особенно вокруг Парижа, пригородов, заселенных национальными меньшинствами, стало серьезным источником головной боли для правительства. В этих районах регулярно происходят бунты, потому что их жители чувствуют себя изолированными от общества. В 2005 г. беспорядки вышли из-под контроля, по всей стране было сожжено почти 9000 автомобилей, и на два месяца пришлось ввести чрезвычайное положение. Социальную отчужденность и дискриминацию ощущают даже те представители этнических меньшинств, которые закончили высшие учебные заведения. Согласно официальным данным, среди французских граждан африканского происхождения, получивших высшее образование, уровень безработицы в три раза выше, чем среди белых французов.

Население Великобритании также стало намного менее

однородным. Чтобы убедиться в этом, достаточно пройтись по центру любого крупного английского города. Однако теперь настороженно относятся не к китайцам, а к другим этническим группам, поскольку китайцы ведут себя тихо и создают меньше всего проблем. Среди первого поколения китайских мигрантов было много рестораторов, а их дети стали образованными специалистами. Сегодня внимание приковано к индийцам, пакистанцам и бангладешцам, которые предпочитают селиться вместе и буквально заполонили некоторые районы. Есть школы, где учатся одни только представители меньшинств. Эти группы иммигрантов практически не смешиваются с местным населением и не интегрируются в общество.

Сложность проблемы усугубляется религиозным фактором. Многие мигранты являются мусульманами, и в последние годы они начали все громче заявлять о своем желании строить мечети. Вид минаретов, возвышающихся посреди традиционного европейского архитектурного ландшафта, только усиливает среди местного населения страх того, что напористые чужаки в конце концов уничтожат их культуру и общество. Если бы мигранты были христианами, ситуация, вероятно, была бы не столь пугающей. Однако отчуждение неизбежно, поскольку большинство мигрантов принадлежат к мусульманской религии, а доминирующей религией в Европе является христианство — и неважно, как часто европейцы ходят в церковь.

Народы Европы не так открыты для иммигрантов, как американская нация. Они не преуспели в интеграции даже тех приезжих, которые живут среди них долгое время. Америка более радушна к иммигрантам, потому что изначально была создана переселенцами, прибывшими на американский континент всего 400 лет назад. Многие иммигранты поднялись на вершину американского общества, например предприниматель Джерри Янг, который родился на Тайване и стал одним из основателей интернет-компании Yahoo. В отличие от Америки, Европа населена старыми, сформировавшимися нациями, которые очень гордятся своей культурой, литературой и долгой историей.

В последние два-три года европейские лидеры — в том числе Дэвид Кэмерон, Николя Саркози и Ангела Меркель — были вынуждены признать, что в их странах мультикультурализм потерпел неудачу. Другими словами, турки, живущие в Германии, так и не стали немцам, а алжирцы и тунисцы, живущие во Франции, так и не стали французами. В Европе все чаще стали говорить о «неинтегрируемости» таких мигрантов. Главной причиной их неспособности ассимилироваться являются расовые различия, которые дополняются такими факторами, как религия,

культура и язык. Но Европа не может отказаться от притока иммигрантов из-за настоятельной потребности в рабочей силе. В результате мы можем видеть, как европейские правительства втихую впускают иммигрантов, когда это возможно, но резко нажимают на тормоза в преддверии выборов, когда существует опасность того, что крайне правые партии обойдут умеренных оппонентов при помощи гневной риторики. Ситуация в духе «уловки-22».

Оправившись после двух мировых войн, Европа решила избрать новый путь развития, и наиболее естественным казалось пойти по пути европейской интеграции. Между странами на этом континенте было много общего. Все они пережили эпоху Возрождения и Просвещения, сформировали единую европейскую культуру и развили очень схожий менталитет и мировосприятие. Христианство было господствующей религией на всем континенте. Если взять далекое историческое прошлое, то большинство этих стран разделяли общее наследие со времен Римской империи, которая придала им определенную однородность в способах организации общества. Тем не менее, несмотря на их общность, в первой половине XX века на передний план вышли острые разногласия и разобщенность, вылившиеся в конечном итоге в кровопролитные междоусобные войны, которые привели к гибели миллионов людей. Вот почему во второй половине XX века интеграция стала для европейских лидеров главной задачей. Она обещала принести в Европу прочный мир. Было очевидно, что, если отодвинуть в сторону различия, сфокусироваться на сходствах и тесно связать судьбы европейских народов, это приведет к всеобщему процветанию и станет надежной гарантией того, что европейцам больше не придется пережить те ужасы и страдания, на которые они, собственно говоря, сами себя обрекли.

Придя к согласию относительно важности интеграции, европейцы принялись создавать необходимые институты. В 1951 г. в Париже был подписан договор о создании первого европейского сообщества — Европейского объединения угля и стали. В 1957 г. был подписан Римский договор, предусматривавший создание общего рынка и проведение общей политики в области сельского хозяйства и транспорта. Эти структуры впоследствии легли в основу создания Европейского Союза, который после окончания холодной войны расширился и включил в себя 27 государств. А 17 из них ввели единую валюту, евро, образовав еврозону.

Интеграция несет с собой не только гарантию мира, но и

множество других возможностей. Объединив усилия и цели, Европа стала бы гораздо более мощной экономической, а главное политической силой на международной арене. Проще говоря, объединенная Европа намного мощнее, чем сумма ее отдельных частей. Если бы европейцы пошли по пути интеграции еще дальше и создали единое министерство финансов и даже единое министерство иностранных дел и министерство обороны, выигрыш в силе был бы поистине огромным. Посмотрите на американцев. В большинстве своем это бывшие европейцы, которые переехали на другой континент и отказались от прежней национальной идентичности. Если Европа интегрируется в той же степени, она превратится в своего рода Соединенные Штаты Европы и станет достойным конкурентом США. Европа значительно превосходит США по численности населения (500 млн человек по сравнению с 310 млн в США) и имеет экономику на одну шестую больше американской. Такая Европа, несомненно, стала бы ведущей мировой сверхдержавой.

К сожалению, все признаки указывают на невозможность такой интеграции. Из-за неготовности к финансовой интеграции европейцам не удалось создать жизнеспособную единую валюту, и очень маловероятно, чтобы они захотели прийти к полной интеграции во внешнеполитической или военной сфере. У каждой европейской страны своя индивидуальная история, насчитывающая много веков. Каждая страна гордится своими традициями. Они хотят сохранить живыми свои языки, потому что за ними стоит богатая культура и литература. Переселенцы в Америку были готовы начать все заново — создать новую культуру, литературу и историю, но Европа никогда на это не согласится. Несмотря на то что английский стал вторым языком во многих странах мира, континентальная Европа никогда не примет его в качестве основного рабочего языка.

Каково же тогда будет место Европы в мире? Европейские страны будут становиться все менее влиятельными игроками на международной арене. В условиях доминирования таких мощных держав, как США и Китай и, возможно, впоследствии Индия, они будут играть второстепенные роли. К большинству европейских стран будут относиться как к обычным мелким государствам, коими они и являются. Возможно, Германии удастся сохранить определенный вес в мире благодаря численности своего населения и экономическим успехам, но она не будет активно стремиться наверх из-за по-прежнему переполняющего ее чувства вины за то, что во время Холокоста немцы убили 6 млн евреев. Определенное влияние могут сохранить и британцы благодаря своим особым родственным отношениям с Соединенными

Штатами.

Однако Европе не стоит рассчитывать на многое за столом, где сидят США, Китай и Индия, даже если некоторые европейские лидеры не хотят признавать эту реальность из-за исторически сложившегося чувства собственной значимости и многолетней привычки верховодить в международных делах. В конце концов, как могут страны с населением 40, 50 или 80 млн человек тягаться со странами с населением в 1,2 млрд или 1,3 млрд (Индией и Китаем соответственно)? Китайцам особенно на руку фрагментированная Европа. Им выгоднее иметь дело с каждой страной по отдельности, а не с Евросоюзом в целом. Благодаря этому они придут к тому, что каждая страна будет зависеть от китайцев в гораздо большей степени, чем китайцы от нее. И эта зависимость будет усиливаться по мере переориентирования китайской экономики на внутреннее потребление.

Тем не менее ослабление позиций Европы на международной арене не приведет к пропорциональному снижению уровня жизни. Если она сумеет без больших потрясений пережить распад еврозоны, то вернется к своему прежнему состоянию. Она потеряет влияние в мире, но ее страны сохранят высокий уровень образования и высококвалифицированные человеческие ресурсы, что позволит им зарабатывать на хорошую жизнь. Разумеется, некоторый спад неизбежен, но в конце концов каждая страна достигнет устойчивого состояния экономики в соответствии со своим уровнем конкурентоспособности. Европейцы будут продолжать жить комфортной и обеспеченной жизнью, к которой они привыкли.

Я пишу о неизбежном закате Европы с печалью, а не злорадством. Я предпочел бы видеть Европу на вершине. Европейцы — высокоцивилизованные люди. Да, они были колонизаторами — французы, бельгийцы, англичане и испанцы. Но французы видели свою миссию в том, чтобы принести цивилизацию африканским народам. Англичане оставили после себя эффективные институты управления, в том числе и в Сингапуре. Благодаря ним сегодня мы имеем верховенство права и говорим на английском языке, на котором говорит весь мир. Нам хватило мудрости не отвергать это наследие. Их институты управления по-прежнему эффективно функционируют. Вместо того чтобы разрушать эти институты, мы укрепляем и совершенствуем их.

В отличие от англичан, бельгийцы оставили Конго в хаосе. Они добывали там природные ископаемые, и после их ухода страна погрузилась в кровопролитные межплеменные войны,

которые продолжаются по сей день. А в Гвинее непримиримый борец за свободу Ахмед Секу Туре, впоследствии ставший первым президентом этой страны, так разозлил Шарля де Голля, что тот приказал французам, покидая ее, обрезать все электрические и телефонные провода. Разумеется, французы не поступали так в других своих колониях. Но Секу Туре получил в наследство нефункционирующую систему, которую ему так никогда и не удалось восстановить.

От таких вещей зависит многое. Если бы англичане оставили нам такое же наследство, как французы или бельгийцы, я не уверен, что мы сумели бы построить тот процветающий Сингапур, который имеем сегодня. Но англичане оставили его в превосходном состоянии. Последний губернатор Сингапура Билл Гуд передал мне дворец Истана, где размещалась его резиденция, в нетронутом виде. Перед отъездом он провел меня по дворцу и представил дворецким и другому обслуживающему персоналу. Сам он отправился в Северное Борнео и через какое-то время вышел в отставку. Мы должны быть благодарны англичанам за созданную ими систему и за их благородный уход.

В: Как, по вашему мнению, отдельные европейские страны будут развиваться дальше? Например, у Германии в последние 10 лет дела в экономике шли особенно хорошо.

О: Да, потому что немцы зарабатывают больше, чем тратят, и у них очень высококвалифицированная рабочая сила. Они производят лучшую технику в мире и одни из лучших автомобилей — Mercedes, Volkswagen, BMW, Porsche. Немцы будут продолжать преуспевать благодаря своему национальному характеру. Они энергичны, трудолюбивы и дисциплинированны. Они умеют организовываться. Как сказал Уинстон Черчилль, если бы Гитлер не напал безрассудно на Советский Союз и если бы в войну не вступили американцы, он бы завоевал всю Европу, и сегодня бы она говорила по-немецки.

В: А что по поводу Великобритании? Станет ли она более или менее динамичной через 20 лет?

О: У Великобритании дела будут идти ни шатко, ни валко. Это страна, которая создала великую империю, но после Второй мировой войны была вынуждена отказаться от мировой короны в пользу американцев. Потеряв Индию, Пакистан и Бангладеш, она утратила влияние. Посмотрите на ее отношения с Австралией, Новой Зеландией и Канадой, некогда лояльными членами Содружества, — в настоящее время Содружество для них ничего не значит. В их глазах важны такие игроки, как США, НАТО и неофициальный эквивалент НАТО в Тихом океане. Они стараются присоединиться к новой мировой сверхдержаве, к которой они

наиболее близки с точки зрения культуры и геополитики.

В: Если предположить, что объединенной Европы не будет, а Китай продолжит расти и станет доминирующей силой в Азии, потеряет ли Европа свое былое значение для Юго-Восточной Азии, в том числе Сингапура?

О: Некоторые представляют дело так, будто она превратится в музей. Европа отличается утонченной культурой, и, если бы вы спросили меня, где бы я хотел провести отпуск, я бы сказал: «Во Франции». Почему? Потому что там вы найдете то, что французы называют «искусством жить». Французы умеют наслаждаться жизнью, даже если они не могут обеспечить такой же уровень жизни, как немцы. Когда я нахожусь в Европе, я люблю ездить на выходные во Францию, в ее прекрасную сельскую местность. Каждый более или менее состоятельный человек во Франции имеет свой виноградник, куда он ездит на выходные дни; обычно там работает один работник и один сторож. Это субсидируется в рамках Единой сельскохозяйственной политики Европейского союза. Это очень комфортная жизнь: хорошая еда, живописные пейзажи, послеобеденный отдых. Сегодня французам больше не нужны ни власть, ни слава. Немцы не умеют так жить. Каждая страна за столетия существования развивает свои уникальные черты и особенности.

В: Как европейцы сумели создать такую комфортную жизнь?

О: Они намного опередили в промышленном развитии другие страны, в том числе Китай, и колонизировали весь остальной мир. Англичане создали Британскую империю, французы — Французскую. Бельгийцы колонизировали Конго — огромное по территории африканское государство, где живет меньше 5 млн человек, но имеются богатейшие запасы минеральных ресурсов, которые и добывали бельгийцы. Но затем началась деколонизация, и европейские империи распались. Эпоха империй — тот способ, которым Европа доминировала в мире, — никогда больше не вернется, по крайней мере в былом виде. Возможно, это вернется в каком-либо другом виде, например в таком, как экономическое доминирование Китая в некоторых частях мира, но не в виде колонизации.

В: Будут ли русские играть более значимую роль в раздробленной Европе?

О: Я так не думаю. Русские считают себя великой страной, потому что они занимают огромную территорию, простирающуюся на девять часовых поясов, и обладают богатейшими природными ресурсами. Но если прежний Советский Союз представлял собой угрозу для безопасности в мире, то сегодняшней России вряд ли удастся удержать эти

позиции. Ее население сокращается, экономика зависит от нефти и газа, нет никакой социальной экономики. В стране царит пессимизм, о чем свидетельствует высокий уровень потребления алкоголя и низкая рождаемость.

В: После долгового кризиса некоторые европейские лидеры пришли к выводу, что одним из решений проблем Европы является жесткая экономия. Но в некоторых странах избиратели взбунтовались и изгнали лидеров, призывавших туже затянуть пояса, — например, во Франции Николя Саркози потерпел поражение на выборах 2012 г.

О: Бунт против мер жесткой экономии — естественная реакция в народных демократиях. Всегда найдется кто-то, кто встанет и скажет: «Мы можем обойтись без экономии». Избиратели решают дать ему шанс. Возможно, Саркози ошибается и можно наладить дела, не экономя на всем подряд? Если новому лидеру это не удастся, избирателям придется делать новый, более трудный выбор.

В: Считаете ли вы, что им действительно нужны меры жесткой экономии?

О: Я не думаю, что лидеры во Франции или Германии пошли бы на такой непопулярный шаг, особенно в преддверии выборов, если бы не были твердо убеждены в его необходимости. Французы решили сменить лидера, немцы нет. Немецкий народ горой стоит за Ангелу Меркель. Не думаю, что Франсуа Олланд заставит ее изменить свои взгляды. Просто французы выбрали более легкий путь.

В: Некоторые эксперты, особенно американские, утверждают, что жесткая экономия в период кризиса является наихудшим решением, и, хотя она может оказаться полезной в долгосрочной перспективе, в краткосрочной перспективе только рост способен стимулировать экономику. Какую позицию занимаете вы?

О: Посередине между этими двумя мнениями. Я думаю, что европейцы лучше знают собственные проблемы, чем американцы, которые всегда настроены оптимистично и считают, что завтра обязательно будет светить солнце.

В: И вы считаете, что европейцы должны придерживаться договоренностей — тех, на которых настаивали немцы? Вы верите, что это будет выходом для Европы?

О: Я думаю, это будет наилучшим выходом. Меркель и немецкий народ далеко не глупы. Германия — самая успешная страна в Европе, потому что немцы знают, что такое самодисциплина.

В: Не преследует ли Германия при этом только свои корыстные интересы?

О: Нет, немцы хотят, чтобы Франция и другие страны еврозоны процветали, потому что они хотят, чтобы процветал евро.

В: Переходя к социальным вопросам, может ли Сингапур чему-то научиться у Европы в области политики повышения рождаемости?

О: Образ жизни изменить не так-то просто. Шведы сохранили показатель рождаемости примерно два ребенка на одну семью, потому что они являются гомогенным обществом и имеют развитую систему социальной поддержки — отпуск по уходу за ребенком, детские сады и всевозможные льготы вплоть до совершеннолетия. Они считают себя членами одной большой семьи, обязанными поддерживать друг друга. Воспроизвести такую модель очень трудно. До некоторой степени это удалось сделать Франции.

В: Объясняя успех скандинавских стран, вы привели аргумент «одной семьи» — другими словами, высокая сплоченность этих народов и их готовность поддерживать государство всеобщего благосостояния объясняется их генетической общностью. Применим ли этот аргумент в отношении Японии и Китая, которые также относительно однородны по расовому составу?

О: В отношении японцев — да. Поэтому они так недоброжелательно относятся к иммигрантам. Но в отношении китайцев — нет. В Китае живет много народностей. Да, они говорят на одном языке и пользуются одинаковыми иероглифами, но там существует множество разных диалектов, и ни одно центральное правительство никогда не сможет проводить единую политику в масштабах всей страны. Именно поэтому у них в провинциях говорят: «Горы высоки, а император далеко». На местах каждый губернатор — император. Это огромная страна, где каждая провинция имеет свою специфику.

В: Отличается ли сегодня расовая напряженность в Европе от той, что вы видели там в конце 1940-х гг.?

О: Мне трудно судить об этом, потому что я не живу в Европе. Дочь Го Чок Тонга (почетного Старшего министра республики Сингапур) вышла замуж за англичанина и живет рядом с Брэдфордом. Он часто навещает своих внуков, которые больше похожи на белых, чем на китайцев. Он говорит, что они отлично ладят со своими соседями. Но я думаю, это объясняется тем, что они относятся к среднему классу.

В: Изменится ли это отношение в будущем, с подъемом Китая?

О: Нет, не думаю. Это никак не связано с подъемом Китая. До войны Япония была мощной военной державой, но это никак не

изменило мнение о ней европейцев. Европейцы верят в свое превосходство, китайцы верят в свое. Так что все квиты.

В: Одной из проблем иммигрантов, которые не интегрируются в европейское общество, является «доморощенный» терроризм. Мы уже видели несколько примеров этого…

О: Нет, это никак не связано с интеграцией. Даже если бы они интегрировались, они все равно были бы террористами, потому что стали радикалами под воздействием Интернета.

В: Вы не беспокоитесь о том, что приток мигрантов может вызвать взрыв недовольства в Европе и подъем крайне правых партий в европейской политике? Это может привести к недружелюбной, расколотой по расовому признаку Европе…

О: Расовый раскол существовал всегда. Его умело маскируют, но он есть. Он был даже тогда, когда иммигранты составляли всего 5–6 % населения. В мире есть четыре расы: белая, желтая, черная и коричневая, и интеграция может происходить только в пределах одной расы. Например, если китаец женится на японке или вьетнамке, их ребенок может стать китайцем, японцем или вьетнамцем.

В: Кто из европейских лидеров, с которыми вы встречались за последние 50 лет, произвел на вас самое сильное впечатление?

О: Трудно сказать. Самой выдающейся исторической фигурой, безусловно, был Уинстон Черчилль. Это великий политический лидер: если бы не его безоглядное мужество, с которым он, вопреки всему, бросил вызов гитлеровской Германии, сегодня мир мог быть бы совсем другим. «Мы будем драться на побережьях, мы будем драться в портах, на суше, мы будем драться в полях и на улицах, мы будем драться на холмах; мы никогда не сдадимся», — сказал он в своей знаменитой речи в Палате Общин. Несмотря на то что Черчилль от рождения немного заикался и шепелявил, у него была огромная сила духа, и он сумел повести за собой британский народ. У французов не было такого сильного лидера, и они уступили немцам. Они создали коллаборационистское правительство Виши, во главе которого поставили отставного маршала Петена. Уинстон Черчилль сыграл важнейшую роль в этот период истории. Без него и Королевских ВВС германские «Люфтваффе» сравняли бы Англию с землей. Но тот дух, который он вдохнул в британских пилотов, спас Британию. Потом японцы напали на Перл-Харбор, и в войну вмешались американцы. Это было большой удачей для Черчилля, но целый год он продержался своими силами.

4. Япония, Корея и Индия

Япония На пути в посредственность

Самой серьезной проблемой, стоящей сегодня перед Японией, является демография. Население страны быстро стареет, рождаемость падает. Все остальные проблемы — стагнация в экономике и слабое политическое руководство — меркнут по сравнению с этой. Если Япония не решит демографическую проблему, ее ждет весьма мрачное будущее.

Цифры показывают, насколько серьезна ситуация. Сегодня суммарный коэффициент рождаемости в Японии составляет 1,39 ребенка на одну женщину, что гораздо ниже показателя в 2,1, необходимого для простого воспроизводства населения. В результате снижения рождаемости количество людей трудоспособного возраста в расчете на одного пенсионера сократилось с 10 в 1950 г. до 2,8 в последние годы. И, по прогнозам, этот показатель продолжит снижаться — до 2 в 2022 г. и до 1,3 в 2060 г. В конце концов нагрузка на молодежь может стать непосильной, и молодые люди начнут покидать страну. Если за шесть с половиной десятилетий после Второй мировой войны население Японии выросло с 72 до 128 млн человек, то за последние три года оно уменьшилось до 127,5 млн. А за этим неизбежно последует и сокращение экономики. Ситуация крайне неустойчивая.

В прошлом японские женщины были довольны той ролью в семье и обществе, которая отводилась им японской культурой. Они сидели дома, рожали и растили детей, заботились о стариках, занимались домашним хозяйством. Но потом они начали путешествовать по миру и общаться с людьми из других культур. Они почувствовали вкус свободы, экономической независимости, и их отношение резко и необратимо изменилось. Например, некоторые японские женщины, работающие на Singapore Airlines, вышли замуж за сингапурцев. Они увидели, как живут женщины в Сингапуре — отдельно от родителей мужа, и их мужья не командуют ими, как хотят. Японское общество старалось как можно дольше препятствовать этим переменам и сохранить экономическую зависимость женщин от мужчин, но попытки держаться за прошлое потерпели неудачу. В течение одного-двух поколений японские женщины отказались от той роли, которую они играли в традиционном обществе. Они провели свои собственные расчеты и сочли, что прежние «условия

контракта» их больше не устраивают. Они не хотят всецело посвящать себя семье и детям. Многие из них предпочитают оставаться одинокими. Другие выходят замуж, но не рожают детей. К сожалению, многие японские работодатели отказываются идти в ногу со временем. В отличие от шведов, которые создали все условия для того, чтобы их женщины могли строить профессиональную карьеру и растить детей, японские компании по-прежнему переводят женщин, уходящих в декретный отпуск, с постоянной работы на временную. Для амбициозных женщин, желающих построить карьеру, а также для тех, кто нуждается в доходе, обеспечиваемом постоянной работой с полной занятостью, решение родить ребенка становится слишком дорогостоящим. Многие так и не решаются на этот шаг, даже если хотели бы иметь детей.

В Сингапуре также существует проблема низкого уровня рождаемости. Но есть одно ключевое отличие: мы частично решаем эту проблему за счет иммигрантов. Япония славится своим неприятием иностранцев. Идея поддержания чистоты японской расы так глубоко укоренилась в сознании японцев, что они даже не пытаются публично обсуждать альтернативы. Многорасовая Япония просто немыслима — ни для японской общественности, ни для политической элиты.

Я лично видел, как проявляется эта гордость расовой чистотой. Когда японцы оккупировали Сингапур, я работал в медиакорпорации Cathay редактором английского языка. Каждый год 8 декабря японцы проводили церемонию, во время которой японский солдат размахивал большим самурайским мечом и кричал: «Варе варе нихондзин ва Аматэрасу но сисон десу» («Мы, японцы, — потомки богини Солнца»). Другими словами, японцы — ее потомки, а все остальные народы — нет. Даже если сегодня они не повторяют эту фразу так же часто, их убежденность в этом не стала меньше. Они не считают «своими» даже таких людей, как Джорж Такемура, японец по происхождению, который родился в Америке и во время оккупации Сингапура работал в «Ходобу» (созданном японцами департаменте информации и пропаганды). Я работал под его началом новостным редактором, и это был очень интеллигентный и мягкий в обращении человек.

Такая приверженность расовой чистоте имеет серьезные последствия. Это означает, что многие разумные решения демографической проблемы даже не рассматриваются. Например, будь я японцем, я бы старался привлечь иммигрантов из числа этнических групп, которые внешне похожи на японцев, — китайцев, корейцев и, возможно, вьетнамцев — и помочь им интегрироваться в общество. На самом деле такие меньшинства в

Японии уже существуют: в стране проживает 566 000 этнических корейцев и 687 000 этнических китайцев. Они в совершенстве владеют японским, полностью ассимилировались, переняли японский образ жизни и традиции и официально стали полноправными натурализованными гражданами Японии. Многие из них родились и выросли в этой стране. И тем не менее японское общество упорно отказывается принимать их.

Чтобы понять всю глубину проблемы, приведу вам в пример еще одну отвергнутую группу: чистокровных этнических японцев из Латинской Америки, известных как никкейдзин. Начиная с 1980-х гг. десятки тысяч из них переехали в Японию, в основном из Бразилии, в рамках либеральной миграционной политики, которую правительство стало проводить в надежде смягчить проблему стареющего населения страны. В 1920-е гг. бабушки и дедушки никкейдзин уехали в другое полушарие в поисках работы на бразильских кофейных плантациях, и теперь их потомки вернулись обратно. Однако эксперимент провалился. Выросшие в совершенно другом обществе, никкейдзин были настолько культурно отчуждены от своих генетических сородичей в Японии, что к ним относились, как к иностранцам. Поэтому в 2009 г., в самый разгар экономического кризиса, правительство предложило безработным никкейдзин единовременную финансовую помощь, чтобы они вернулись в Бразилию. В другом обществе с другим отношением к иностранцам этот эксперимент мог бы оказаться успешным. И, скорее всего, японское правительство верило в его успех, раз решило пойти на такой шаг. Но даже оно недооценило уровень нетерпимости в японском обществе.

В настоящее время иностранцы составляют менее 1,2 % всех жителей Японии, по сравнению с 6 % в Великобритании, 8 % в Германии и 10 % в Испании. Япония настолько гомогенна, что даже те молодые японцы, которые какое-то время жили за границей, потому что их родители работали в других странах, испытывают трудности с адаптацией, хотя они и учились в японских школах. Например, в повседневной коммуникации многое не говорится напрямую: ожидается, что собеседник должен догадаться сам по интонациям голоса и языку тела. Должно произойти фундаментальное изменение в менталитете нации, чтобы можно было рассматривать привлечение мигрантов как один из способов решения демографической проблемы. Но есть ли у Японии время, чтобы ждать, когда произойдет такое изменение? Не думаю. Если они промедлят еще 10–15 лет, ситуация может ухудшиться настолько, что будет слишком поздно пытаться что-либо предпринять.

Япония пережила два «потерянных десятилетия» и теперь вступает в третье. В период с 1960 по 1990 г. ВВП страны рос в среднем на 6,2 % в год. Японцы победили послевоенную разруху и с помощью американцев создали вторую по величине экономику в мире. Когда японский бизнес принялся скупать недвижимость на Западе, обеспокоенные аналитики забили тревогу, предвещая, что вскоре ее корпорации поглотят развитый мир, экономика которого замедлила развитие. Сегодня то же самое они говорят о Китае. Но в 1991 г. японский «пузырь активов» лопнул, что ознаменовало собой начало длительного периода экономической депрессии. Среднегодовые темпы роста ВВП после 1991 г. упали до ничтожного 1 %. На момент написания этой книги началось третье десятилетие экономического спада. Если в ближайшее время не будет предпринято решительных действий, чтобы одолеть проблему убыли населения, никакие изменения в политике и экономике не помогут вернуть нации ничего похожего на ее послевоенный рост.

Демография определяет судьбу народа. Если у вас снижается численность населения, снижается и ваша мощь. Пожилые люди не меняют автомобили и телевизоры. Они не покупают новые костюмы и не вступают в новые гольф-клубы. Они не едят в дорогих ресторанах. У них есть все, что им нужно. Вот почему я очень пессимистично настроен относительно будущего Японии. В пределах десяти лет внутреннее потребление начнет падать, и этот процесс может иметь необратимый характер. Отчасти поэтому все пакеты мер по стимулированию экономики дают лишь незначительный эффект. Сегодня Япония по-прежнему остается второй страной в мире после Соединенных Штатов по количеству запатентованных изобретений. Но изобретения и открытия — удел молодых людей, а не стариков. В математике пик открытий приходится на возраст 20–21 год. Мало кто из математиков совершил великие открытия после этого возраста.

Я посетил Японию в мае 2012 г. для участия в конференции «Будущее Азии», организованной «Нихон Кэйдзай Симбун». Беседуя с представителями японских правящих кругов, которых я там встретил, я попытался выяснить, что они думают о проблеме старения населения. Но вместо того чтобы задавать вопрос: «Вы будете привлекать иммигрантов?», я спрашивал у них: «Как вы планируете решать демографическую проблему?» Все они отвечали: «Мы увеличим денежные выплаты при рождении ребенка и пособия по уходу за ребенком». Я был разочарован. Денежными выплатами не изменишь ситуацию. Во всех странах, которые пытались использовать такое государственное стимулирование, оно дало весьма ограниченный эффект,

поскольку проблема не в деньгах, а в изменении образа жизни и менталитета людей. Даже в тех странах, где такое стимулирование дает результаты, например во Франции и Швеции, процесс идет медленно и обходится очень дорого.

Японцы — потрясающие люди. Когда 11 марта 2011 г. произошло разрушительное землетрясение Тохоку, весь мир с восхищением смотрел, как отреагировал японский народ: ни паники, ни мародерства; люди держались стойко и с достоинством, помогали и поддерживали друг друга. Мало какие общества способны сохранять такое спокойствие, порядок и дисциплину перед лицом катастрофы подобного масштаба. Кроме того, японцы непревзойденны в своем стремлении к совершенству во всем, что они делают, — от бездефектного производства телевизоров и автомобилей до изготовления лучших в мире суши. Командный дух дает японской рабочей силе огромное преимущество перед рабочей силой других стран. Корейцы и китайцы могут сравниться с японцами на индивидуальном уровне. Но что касается командной работы, то в этом японцы не имеют себе равных. Возможно, именно эта сплоченность привела меня в свое время к убеждению в том, что японцы в конце концов сумеют выйти из летаргии и решить демографический вопрос, как только суровая реальность посмотрит им в лицо. Разве в духе этой выдающейся нации смотреть, как набирают мощь ее соседи, а самой постепенно приходить в упадок, никак не пытаясь с этим бороться?

Но сегодня я больше не уверен в неизбежности такого японского ответа. Идут годы, а я не вижу никакого движения. Ведомая своим консерватизмом, эта нация скатывается в посредственность. Разумеется, в обозримом будущем жизнь будет оставаться достаточно комфортной для ее среднего класса. В отличие от развитых стран Запада, Япония не накопила огромного внешнего долга. Это технологически развитая страна с высокообразованным населением. Но в конце концов проблемы Японии дадут о себе знать. Если бы я был молодым японцем и знал английский язык, я, вероятно, предпочел бы эмигрировать из страны.

В: Еще недавно мы наблюдали стремительный подъем Японии. Сегодня ситуация резко изменилась. Вас не удивляет такой поворот событий?

О: Да, я не ожидал столь резких перемен. Причина в том, что у японцев кардинально изменился образ жизни.

В: Однажды вы сказали, что, если японцев прижать к стене, они как народ соберутся и дадут отпор. Они будут бороться, потому что это заложено в их культуре. Почему вы думаете, что

они не решат свою демографическую проблему?

О: Это касается ситуаций, когда они сражаются с внешним врагом. А здесь им нужно перебороть самих себя. Их женщинам, да и мужчинам тоже, нужно изменить свое отношение к жизни и детям. Но женщины не хотят возвращаться к прежней роли домохозяек-служанок, когда они сидели дома и обслуживали мужей, детей и стариков. Они взбунтовались.

В: Не следует ли рассматривать это как провал руководства страны? Например, Сингапур также сталкивается с демографической проблемой, но здесь правительство взяло на себя активную роль. Оно пытается убеждать, предостерегать, увещевать.

О: Возможно, причина в том, что у них другая культура и не принято открыто говорить о таких вещах. Но даже если бы они говорили, не думаю, что это изменило бы менталитет японского народа.

В: Может быть, японское правительство хотело бы принять меры, но знает, что население воспримет их в штыки? Или же оно согласно с населением?

О: Правительство является частью населения. Если общество пребывает в летаргическом состоянии, у него не может быть динамичного руководства. Японцы осознают эту ситуацию, но ничего не делают, чтобы исправить ее. Они закрывают на нее глаза.

В: Но, как известно, не в характере японской нации закрывать глаза на что-либо…

О: К сожалению, в этом вопросе это так.

В: Значит, вы не думаете, что появление в Японии сильного лидера может кардинально изменить ситуацию?

О: Нет.

В: Но вы признаете, что политическая нестабильность в Японии с ее частой сменой правительств не способствует улучшению ситуации. Как вы можете объяснить эту нестабильность?

О: Их так называемые вожди-самураи просто-напросто жонглируют между собой политическим лидерством. Японский парламент разбит на фракции, возглавляемые такими самурайскими вождями, и тот, у кого во фракции больше воинов, получает кресло премьер-министра. Я не знаю, как они завоевывают поддержку. Возможно, через предложение мест в правительстве. Но в любом случае это не приводит к стабильности, и ни один из лидеров не имеет возможности оказать заметное влияние на политику страны.

В: Не могут ли японцы думать о демографической проблеме

так: да, наше население сокращается, экономика тоже, но, если мы сможем поддерживать ВВП на душу населения и уровень жизни на прежнем высоком уровне, у нас все будет хорошо?

О: Нет. Стареющее население не способно поддерживать ВВП на душу населения на высоком уровне. Молодежь — вот главный двигатель экономики, а им остро не хватает молодежи.

В: Каковы будут геополитические последствия такого ослабления Японии, особенно на фоне подъема Китая?

О: Даже если бы японцам удалось резко повысить рождаемость и добиться роста населения, их сосед настолько огромен и так стремительно набирает силу, что решение демографической проблемы никак не изменило бы ситуацию. Им не под силу соперничать с Китаем и никогда больше не удастся повторить то, что они сделали в 1930-е гг., когда вторглись в Китай и завоевали почти всю страну. Сегодня они нуждаются в США как в гаранте своей безопасности. Сами по себя японцы не способны остановить или сдержать китайцев — они могут сделать это только в союзе с американцами. Поэтому они будут держаться за этот союз, хотя постепенно будут становиться все более слабым партнером.

В: Значит, японцы будут изо всех сил держаться за свою дружбу с американцами?

О: Для них это наилучший вариант. Но в то же время они будут активно инвестировать в Китай и дружить с ним, делая на этом бизнес.

В: Еще один серьезный источник головной боли для японцев — это Окинава. На острове расположена самая большая военная база американцев в Азии, но окинавцы считают несправедливым, что все бремя по обеспечению безопасности страны ложится на их плечи. Как вы считаете, будут ли вынуждены американцы в конце концов уйти с Окинавы? И, если да, как это отразится на безопасности Японии?

О: Я не знаю, поддержит ли японский народ окинавцев или нет, но уход американцев не в интересах Японии. Если они уйдут, то уйдут на Гуам и Мидуэй, а это довольно далеко.

В: Как, по вашему мнению, будет выглядеть японо-американский альянс через 20 лет?

О: Все зависит от состояния американской экономики. Если США будет не по карману финансировать этот альянс, он постепенно сойдет на нет. В этом случае Японии придется перейти под крыло Китая. Она станет государством-сателлитом.

В: Что это значит?

О: Японцы не смогут противоречить Китаю. Будут вынуждены во всем его слушаться. А если японский патрульный корабль

наткнется на китайский рыболовецкий траулер в спорных водах у островов Сенкаку (по-китайски Дяоюйдао), японцы не будут арестовывать судно и его капитана — они тихо удалятся.

В: Как вы думаете, будет ли Япония развивать свои Силы самообороны?

О: Если влияние Соединенных Штатов в регионе ослабеет, японцам придется усиливать свою военную мощь, включая создание ядерного оружия в качестве последнего средства.

В: И это позволит ей противостоять Китаю?

О: Ее цель — не противостояние Китаю, а самооборона. Как она может противостоять Китаю? Чтобы уничтожить Японию, достаточно трех бомб. А Китай тремя бомбами не уничтожишь.

В: Будет ли Пекин противодействовать попыткам Японии нарастить свою военную мощь или создать ядерный потенциал?

О: Как он может противодействовать? Это право Японии — вооружаться. В ответ Китай может только наращивать свои вооружения.

В: Еще один вопрос, осложняющий японо-китайские отношения, касается событий Второй мировой войны. Как долго он будет оставаться камнем преткновения?

О: Тогда японцы оккупировали значительную территорию Китая, все крупные города. Если бы американцы не установили эмбарго на торговлю нефтью и сталью, Япония захватила бы весь Китай. Как долго память об этом будет довлеть над их отношениями, я не знаю. Китайцы вели ожесточенную партизанскую войну и не забыли об этих событиях.

В: Но японцы говорят, что уже много раз извинились за прошлое.

О: Да, извинились, но при этом продолжают посещать храм Ясукуни, где похоронены главные военные преступники Второй мировой войны.

В: Как-то вы процитировали слова одного японского лидера о том, что, в отличие от американцев и вьетнамцев, которые воевали, а вскоре после этого жали друг другу руки, Япония и Китай не смогут сделать этого и через сотню лет.

О: Да, так продолжается уже с 1931 г.

В: Вы можете это как-то объяснить?

О: Китай — огромная страна, а гораздо меньший по размеру сосед вторгся в нее и почти полностью захватил из-за ее раздробленности и междоусобиц.

В: Значит, между этими двумя народами существует глубоко укорененная вражда?

О: Я бы так не сказал. Торговля между этими странами растет феноменальными темпами. Японцы активно инвестируют в

Китай. Он обеспечивает японцев дешевой производственной базой в обмен на доступ к технологиям. Но память о Второй мировой войне остается тем знаменем, которым время от время можно поразмахивать.

В: Могут ли Сингапур и Юго-Восточная Азия в целом надеяться на то, что отношения между этими двумя странами будут укрепляться, и их экономики будут все теснее интегрироваться друг с другом?

О: Да, и в наших интересах, чтобы обе эти страны процветали.

Северная Корея Грандиозная мистификация

Я никогда не бывал в Северной Корее. И никогда не испытывал желания поехать туда. Это самая необычная страна в мире. Даже в Китае у людей есть определенные гражданские права. Население Северной Кореи полностью порабощено и изолировано от внешнего мира. Сказать, что семья Ким создала культ личности, было бы серьезным преуменьшением. Для загипнотизированного северокорейского народа члены этой семьи сродни полубожествам. Они трепещут перед своими божественными правителями, не понимая, что на самом деле стали жертвой грандиозной мистификации. Все эти марширующие в колоннах мужчины и женщины с суровыми лицами — послушные марионетки, участвующие в чудовищном фарсе. Вместо того чтобы быть воплощением социалистического рая на земле, Северная Корея является одной из самых плохо управляемых стран в мире, не способной справиться даже с такими элементарными задачами, как накормить свое население.

Ее способность поддерживать эту мистификацию даже в наш век коммуникации и Интернета сама по себе весьма примечательна. В стране нет айфонов и спутникового телевидения. Будь у корейцев то и другое, пелена мгновенно спала бы с их глаз. Те северные корейцы, которым удается выехать из страны, видят, как далеко вперед ушел мир, и в частности Южная Корея, и насколько отстала их страна. Но таких людей крайне мало. В конце концов они оказываются в числе тех, для кого жизнь в Северной Корее становится настолько невыносимой, что они готовы рискнуть жизнью, чтобы незаконно перебраться через границу в Китай или Южную Корею. Им приходится переплывать открытое море на деревянных лодках или красться тайными тропами, рискуя быть пойманными пограничниками. Некоторым это удается. Но большинству — нет.

Однако однажды наступит такой день, когда большинство северокорейцев осознают, что их страна застряла в средневековье, и это станет началом конца нынешнего режима.

К сожалению, северокорейскому режиму слишком поздно пытаться себя реформировать. Они прошли точку невозврата. Китайцы пытались убедить их в необходимости постепенных перемен: они устраивали северокорейским лидерам экскурсии в Шанхай, Гуанчжоу и Шэньчжэнь, чтобы показать, что можно модернизировать экономику, не теряя при этом политической власти. Но ситуация в Северной Корее кардинально отличается от китайской. Страна держится на культе личности, и, если разрушить этот культ, что неизбежно, когда она откроет двери миру и проведет рыночные реформы, рухнет весь режим. Северокорейский народ пробудится от сна и поймет, что на протяжении десятилетий его обманывали. Люди увидят, что семья Ким — вовсе не божественные правители, сделавшие их самой великой страной в мире. Они увидят своего богатого и процветающего южнокорейского соседа. Открытие страны миру разрушит ее.

Дело осложняется тем, что на кону стоит жизнь и свобода самих северокорейских лидеров, по приказу которых в прошлом было совершено множество международных преступлений, в том числе убийства южнокорейских политиков, взрыв пассажирского самолета над Андаманским морем и похищение иностранных граждан, особенно японцев. Некоторые из этих лидеров к тому моменту уже умрут, но те, кто останется в живых, скорее всего, будут привлечены к ответственности, поскольку все эти преступления должны были совершаться с согласия руководства Северной Кореи, если не по его непосредственному приказу.

Я думаю, что в обозримом будущем на Корейском полуострове будет сохраняться статус-кво. Причина проста: никому из заинтересованных сторон, включая Китай и Соединенные Штаты, не выгодно так или иначе менять существующую ситуацию. Никто не жаждет увидеть воссоединение северокорейцев и южнокорейцев ни военным, ни мирным путем, по крайней мере в краткосрочной перспективе. Ставки слишком высоки.

Северокорейцы не собираются повторять то, что они сделали в 1950 г., то есть нападать на своего южного соседа и пытаться захватить его. Они знают, что им не под силу справиться с американцами, которые по стратегическим соображениям мобилизуют все необходимые военные ресурсы и защитят Южную Корею от нападения. Но даже без американцев северокорейцы не выстоят в военном столкновении один на один с Южной Кореей.

Да, они создали одну из самых больших армий в мире, но их южный сосед имеет подавляющий перевес в экономической мощи. Считать, что в войне все решает вооружение, — большая ошибка. Такую ошибку совершили японцы во время Второй мировой войны. Они сочли, что если они уничтожат американский флот, то тем самым обеспечат себе решающее преимущество в войне. Но американская промышленность была способна быстро строить новые корабли, и даже в большем количестве, чем прежде. Американцам не потребовалось много времени, чтобы восстановить флот и наказать Японию. В конце концов именно промышленный потенциал определяет мощь страны, а не количество имеющихся у нее кораблей и пушек. Если вы накопили много оружия, но у вас нет прочного экономического фундамента, вы можете быть готовы к нападению, но не к войне, на ведение которой у вас попросту не хватит сил. Северокорейцы знают это. Они не дураки.

В последние годы северокорейцы провели ряд дерзких военных акций, таких как потопление южнокорейского военного корабля «Чхонан» и обстрел острова Ёнпхёндо. В результате этих двух инцидентов погибло 48 южнокорейцев. Эти провокационные действия отражают милитаристский настрой северокорейского режима, который проявляется также в его политике в области ядерного вооружения. Однако я считаю, что, несмотря на всю свою показную воинственность, северокорейцы четко осознают: есть черта, которую им нельзя переступать. Скорее всего, они действуют таким образом, чтобы подходить вплотную к этой черте, но не пересекать ее, иначе это повлечет за собой суровое возмездие. Такая стратегия позволяет им извлечь максимум дивидендов внутри страны. Как отмечают некоторые аналитики, это удобный способ укрепить веру в военные и политические таланты наследника престола Ким Чен Ына.

Южнокорейцы против любых резких движений в сторону объединения. Они не хотят войны, поскольку их столица Сеул находится в пределах досягаемости северокорейской артиллерии. Даже если южнокорейцы победят в войне, их столица будет полностью уничтожена. А в Сеуле живет пятая часть населения страны. Не жаждут они и скорого мирного воссоединения со своими северными собратьями. В будущем они хотели бы воссоединиться, и это является их конечной целью, но стоимость такого объединения, если оно произойдет в одночасье, по взаимной договоренности, будет для Южной Кореи настолько огромной, что она предпочитает подождать. Оно обойдется в два-три раза дороже, чем объединение Западной и Восточной Германии просто потому, что Северная Корея находится в гораздо

худшем состоянии, чем в свое время Восточная Германия. И следует отметить, что Германия до сих пор ощущает на себе последствия объединения. Одно дело сказать: «Давайте воссоединимся», и совсем другое — пообещать: «Мы будем кормить вас в течение нескольких десятилетий, пока вы не достигнете нашего уровня жизни». Южные корейцы предпочли бы, чтобы Северная Корея постепенно открыла себя миру и реформировала свою экономику и чтобы между началом этих реформ и фактическим слиянием прошло довольно много времени, по возможности несколько десятилетий.

Наконец, статус-кво на Корейском полуострове устраивает двух главных игроков — Китай и Соединенные Штаты, опосредованно участвовавших в войне в Корее в начале 1950-х гг. Военный конфликт не выгоден ни одной из сторон. Американцы совсем недавно завершили две дорогостоящие операции в Ираке и Афганистане и не испытывают желания начинать очередную войну. Хотя никто не сомневается в том, что в случае необходимости они встанут на защиту Южной Кореи, сами американцы надеются, что на полуострове будут царить мир и спокойствие.

Что касается Китая, то ему в принципе не выгодно воссоединение двух Корей ни военным, ни мирным путем. Для Китая Северная Корея играет роль буферного государства. Очевидно, что в объединенной Корее верховодить будут южане, в результате чего американские войска могут оказаться на берегу реки Ялу, по которой проходит китайско-корейская граница. Китайцев не радует перспектива увидеть американцев у своего порога, — собственно говоря, это и было главной причиной, заставившей их вмешаться в Корейскую войну. Но даже если американцы согласятся покинуть Корею после воссоединения, что еще стоит под большим вопросом, китайцы все равно сделают все возможное, чтобы воспрепятствовать воссоединению. Зачем им сильная Корея под боком? Гораздо спокойнее иметь раздробленных и слабых соседей.

Таким образом, при всей своей сложности ситуация на Корейском полуострове представляется довольно устойчивой. Все стороны будут действовать очень и очень осторожно. Я думаю, что и спустя 10–20 лет корейская проблема сохранится в ее нынешнем виде, почти без изменений. Рано или поздно северокорейский режим рухнет, поскольку такую систему нельзя поддерживать вечно. Но семейство Ким сделает все возможное для того, чтобы это случилось нескоро. Взрыв произойдет тогда, когда рядовые северокорейцы получат возможность общаться с внешним миром.

К сожалению, сегодня Северная Корея начинает представлять собой все бóльшую угрозу миру, активно трудясь над созданием ядерного арсенала. Китай — единственная страна в мире, имеющая рычаги воздействия на северокорейцев, но даже ему не удалось убедить своего воинственного соседа отказаться от этих планов. Северные корейцы убеждены, что наличие ядерного арсенала — залог выживания их режима. Они не доверяют китайцам в полной мере, потому что видели, как быстро те наладили отношения с южнокорейцами, когда им понадобились технологии и инвестиции. Возможно, северокорейцы согласятся поместить свое ядерное оружие под стеклянный колпак, чтобы разбить стекло только в случае крайней необходимости, — разумеется, при условии, что они будут получать международную помощь незамедлительно, как только об этом попросят. Но о том, чтобы отказаться от ядерного оружия, не может идти и речи. Будь я на месте северокорейцев, я бы размышлял так: да, китайцы пытаются оказывать на нас давление, но не в их интересах, чтобы наш режим рухнул. Так зачем нам слушать китайцев? События в Ливии как нельзя нагляднее убедили северокорейцев в том, что в их интересах сохранить свое ядерное оружие. После того как Муаммар Каддафи согласился на требования Запада и закрыл все программы по созданию оружия массового уничтожения, а затем в Ливии начались внутренние беспорядки, ничто не помешало Франции и Соединенным Штатам вмешаться и поддержать повстанцев. В октябре 2011 г. Каддафи был казнен мятежниками — это событие должно было бросить в дрожь членов семьи Ким.

В то время как Северная Корея будет погрязать в бедности и отсталости, ее южный сосед будет уверенно идти по пути роста. Эта страна процветала в прошлом и будет процветать в обозримом будущем. Она открыта для мира, и особенно для Китая, и в полной мере использует преимущества его гигантского рынка и дешевых рабочих ресурсов. Посетив Южную Корею несколько лет назад, я увидел, что почти все корейские бизнесмены имеют деловые интересы в Китае. Южнокорейцы также составляют самую многочисленную группу иностранных студентов, обучающихся в Поднебесной. Они изучают китайский язык и создают «гуаньси» — личные связи, которые пригодятся им в будущем. Готовность Южной Кореи присоединиться к самой великой истории экономического роста XXI века придает мощнейший импульс ее экономике.

Южная Корея уже является мировым лидером в производстве некоторых видов продукции, в частности светодиодных экранов. Ее «чеболи»[7] — Samsung, LG, Hyundai и другие — успешно конкурируют с ведущими глобальными корпорациями и очень

сильны в области исследований и разработок. Для страны с развивающейся экономикой и населением всего 50 млн человек это впечатляющие успехи.

Корейцы — один из самых стойких народов в своем регионе. В свое время монгольские орды захватили Корею, но из-за того что монголы не сумели пересечь море и добраться до Японии, многие из них осели на полуострове. Поэтому нынешние корейцы несут в себе кровь самого воинственного народа Центральной Азии. Их железная воля в полной мере проявляется и сегодня. Население Южной Кореи не только высокообразованно, но и чрезвычайно сознательно, дисциплинированно и трудолюбиво. И эти его лучшие качества сохранятся и в будущем.

Тем не менее прошлые достижения не являются гарантией будущих успехов. Южной Корее необходимо преодолеть серьезные препятствия, чтобы двигаться по пути дальнейшего роста.

Во-первых, ей нужно обратить пристальное внимание на демографическую ситуацию. В стране низкий уровень рождаемости, хотя Южная Корея гораздо более дружественна к иммигрантам, чем Япония, что дает ей важное преимущество. Ей нужно найти способы повысить рождаемость, чтобы обеспечить себя ресурсами для долгосрочного роста.

Во-вторых, ей надо прийти к консенсусу по поводу путей развития страны, поскольку к настоящему времени внутренние политические разногласия стали настоящим бичом Южной Кореи и наносят ей огромный вред. Например, ожесточенные споры между политическими партиями по поводу чеболей, в частности по поводу того, не должно ли правительство обременить их более высокими налогами, чтобы справедливее перераспределять богатство, заставляют некоторые из этих компаний задуматься над тем, не стоит ли перевести свою деятельность за рубеж. Эти распри истощают энергию и ресурсы общества. Южная Корея могла бы быть намного сильнее, если бы ее люди сказали: «Давайте лучше объединим свои силы и будем вместе штурмовать глобальный рынок».

В: Как вы считаете, может ли начаться в Северо-Восточной Азии гонка ядерных вооружений?

О: Возможно, Северная Корея уже имеет ядерное оружие. Так что теперь очередь за Южной Кореей — думаю, она вполне способна создать свою бомбу. Скорее всего, она начнет свою ядерную программу, если экономика США придет в упадок, и американцы больше не смогут поддерживать военное влияние в Азии. Если это случится, южнокорейцы и японцы лишатся американской гарантии безопасности и будут вынуждены

действовать самостоятельно.

В: Значит, Япония также захочет вступить в ядерный клуб?

О: Думаю, что Япония будет последней, кто начнет разрабатывать ядерное оружие, потому что японцы пережили Хиросиму и Нагасаки и хорошо знают, каковы последствия его применения: всего две маломощные бомбы унесли жизни десятков тысяч человек, и еще больше умерло впоследствии от лейкемии и других заболеваний. Они ненавидят ядерное оружие.

В: Но если Япония и Южная Корея создадут свое ядерное оружие, разве не будет это служить гарантией безопасности в Северо-Восточной Азии? Когда у всех есть ядерное оружие, никто не захочет воевать друг с другом.

О: Это зависит от многого. Существует несколько теорий относительно ядерного оружия. Если вы можете уничтожить противника одним ударом, то вашему противнику будет мало пользы от его ядерного арсенала, если только он не нанесет удар первым. Если же одного удара недостаточно и ваш противник может ответить, то угроза взаимного разрушения становится абсолютно реальной.

В: Как вы думаете, может ли в ближайшие несколько десятилетий начаться война на Корейском полуострове?

О: Сомневаюсь. Это никому не выгодно.

В: Северокорейское руководство может извлечь важные уроки из ливийского опыта. Но не должно ли оно извлечь уроки и из того, что случилось в Мьянме? Ведь там фактически произошла мирная смена режима.

О: Бирманские генералы решили, что их страна идет в никуда. Они видели, как прогрессируют тайцы. И поняли, что дальше так продолжаться не может, иначе страна придет к краху. Но у северокорейцев другая культура и национальный характер. Бирманские генералы в своих саронгах и шапочках вовсе не выглядят жестокими диктаторами. Это совершенно другой народ.

В: Сегодня Южная Корея отказалась от «политики солнечного тепла» в отношении Северной Кореи, которую проводил Ким Дэ Чжун. Новый президент Ли Мён Бак начал придерживаться очень жесткой линии. Как вы считаете, это мудрый подход?

О: Политика Ким Дэ Чжуна не дала результатов. Если бы она была успешной, южнокорейцы продолжили бы идти этим курсом, но северокорейцы использовали ее в своих интересах. Политика Ли Мён Бака более разумна. Бессмысленно предлагать хлеб людям, которые вместо благодарности кусают вас за руку.

В: Лет 10 назад вы сказали, что Южная Корея слишком быстро перешла от военной диктатуры к демократии, что чревато разного рода проблемами, в том числе с профсоюзами. Глядя на

Южную Корею сегодня, что бы вы сказали об этом переходе?

О: Думаю, что они могли бы проделать этот переход более плавно, не дав возможности появиться таким активным профсоюзам. Их профсоюзы и сегодня сохраняют чересчур воинственный дух. Посмотрите, как они собираются на забастовки и трясут над головой кулаками. Это стало частью их культуры.

В: Кто-то может сказать, что это свидетельствует о силе системы, сплоченности и энергичности людей.

О: Японцы тоже очень сильны, но их профсоюзы никогда не выходят на забастовки, а для выражения протеста используют красные повязки. Для них будущее их компании и страны в целом важнее их собственных трудностей. У южнокорейцев совсем другое отношение.

Индия В тисках каст

За многие годы я пришел к выводу, что нельзя сравнивать Индию и Китай. В отличие от Индии, китайцы сами сформировали свое государство, 90 % их составляют представители ханьских народностей (ханьцы) и почти все население говорит на одном языке. В Китае есть национальное единство и сплоченность, которых нет в Индии. Там насчитывается более 400 языков[8], и до прихода британских колонизаторов, которые объединили страну, построив сеть железных дорог, Индия представляла собой группу мелких враждующих между собой государств, каждым из которых правил свой махараджа, султан или наваб. Огромное разнообразие языков и сегодня существенно затрудняет коммуникацию внутри страны. Например, столица Дели находится в поясе хинди; согласно переписи 2011 г., носителями этого языка является 41 % населения. Но поскольку хинди — государственный язык, его знают многие носители других языков. Однако ряд существующих в Индии языков, например тамильский и панджаби, не являются родственными, поэтому те, кто говорят на них, совершенно не понимают друг друга. Если вы говорите по-английски, вас поймет 200 млн из 1,2 млрд человек. Если на хинди — 500 млн. А если вы говорите на тамильском, вас поймет всего 60 млн индийцев. Это серьезное препятствие для любого премьер-министра, потому что ни один премьер-министр не может говорить на всех языках.

Индия никогда не была единой гомогенной страной. Эта концепция была придумана и претворена в жизнь англичанами. И, несмотря на все усилия англичан и индийских националистов,

Индия как единая нация по-прежнему остается больше мечтой, чем реальностью.

Таким образом, сравнивать между собой две цивилизации, Индию и Китай, — все равно что сравнивать яблоки с апельсинами. И спрашивать, может ли Индия добиться того же, что и Китай, — все равно что спрашивать, может ли яблоко превратиться в апельсин. Результаты этих фундаментальных различий между Индией и Китаем как нельзя более очевидны. Китайцы берут и делают. Индийцы много говорят, но редко что-либо делают. Причина в том, что у Индии нет такой же воли и единства целей, которые есть у Китая.

Раздробленность находит свое отражение и в политической системе. Центральное правительство в Дели не может приказать главным министрам, возглавляющим правительства штатов, делать то, что хочет центр. Главные министры штатов выбираются путем народного голосования, и их пребывание в должности не зависит от центра. В Китае, если вы не будете следовать указаниям центра, то лишитесь своего места. Благодаря этому нация движется вперед как единое целое. Но в Индии из-за ее разнородности такая унитарная система попросту невозможна.

После того как в 2008 г. Китай успешно провел Олимпийские игры, министр финансов Индии Паланьяпан Чидамбарам поставил перед страной грандиозную задачу — провести у себя в Олимпийские игры в 2020 г. на уровне, сопоставимом с китайским. Смогут ли они это сделать? Как бы вы ни относились к политике «одна семья — один ребенок», китайцы успешно претворяют ее в жизнь, и подчас очень жестко. Например, в сентябре 2012 г. в новостях сообщалось о том, что в провинции Шэньси женщину по имени Фэн Цзянмей вынудили сделать аборт на седьмом месяце беременности, потому что она не получила официального разрешения на рождение ребенка. Так работает централизованная система. Если вы нарушаете правила, вас строго наказывают. Индийцы не пытаются даже вводить такие общенациональные правила, не говоря уже о том, чтобы обеспечивать их соблюдение.

Еще один ключевой фактор, сдерживающий развитие страны, — кастовая система. По ее законам, если вы вступаете в брак с представителем низшей касты, то автоматически исключаетесь из своей касты и лишаетесь всех соответствующих привилегий. Поэтому брахманы вступают в брак только с брахманами, вайшьи только с вайшьи, далиты (неприкасаемые) только с далитами и т. д. При этом представители высшей касты брахманов, древнего сословия священнослужителей, — одни из

самых образованных людей в мире; многие из них говорят на нескольких языках. Как повлияло наличие жесткой кастовой системы на Индию? Моя точка зрения непопулярна, но я считаю ее верной. На макроуровне кастовая система изолировала генофонды каст друг от друга. На протяжении многих веков она не позволяла лучшим генам распространяться среди всего народа, заморозив их в рамках высших каст. В древнем Китае представители знати, высокопоставленные военные и чиновники с их высоким уровнем интеллекта могли иметь по нескольку жен и распространяли свои гены по всей стране, получая назначения в новые места. После выхода в отставку многие из них селились в Сучжоу из-за его мягкого климата и также заводили несколько жен. В отличие от них, брахманы не могли брать в жены женщин из низших сословий, иначе бы они опустились вниз по социальной лестнице. Если бы кастовой системы не существовало, брахманы могли бы распространить свои лучшие гены по всей Индии, повысив общий интеллектуальный уровень всего общества. Представьте, что в вашей стране вдруг ввели закон, запрещающий людям с высшим образованием вступать в брак с теми, у кого нет высшего образования, без автоматической потери социального статуса. Каким в конце концов станет ваше общество?

Впервые я осознал всю силу кастовой системы в 1970-е гг. У меня был личный секретарь по имени А. Шанкаран, который происходил из касты брахманов. Его отец был жрецом в индуистском храме на Танк-роуд в Сингапуре. Однажды Шанкаран сопровождал меня в одной из моих поездок в Индию, и во время нашего посещения Радж Бхаван (Дома правительства) я наблюдал интересную ситуацию. Когда он обратился к работавшим там служащим, те беспрекословно ему повиновались. По его манере общения и внешности они немедленно поняли, что он принадлежит к высшей касте брахманов и, следовательно, наделен властью. Шанкаран давно умер, но этот случай стал для меня таким откровением, что я его никогда не забуду. Неизвестный брахман из Сингапура обращается к группе индийских служащих, и те с готовностью ему подчиняются из уважения к его касте.

Второй случай произошел относительно недавно, лет 20 назад, также во время моего визита в Индию. Я путешествовал на автомобиле из Дели в Агру. Меня сопровождал один высокопоставленный чиновник из Агры, и я воспользовался случаем, чтобы узнать о его отношении к кастовой системе. Я спросил у него: «Предположим, я скажу вам, что я брахман. Вы мне поверите?» Он ответил: «Если у вас есть положение в

обществе, богатство и манеры брахмана, я могу вам поверить. Но если вы хотите жениться на моей дочери, я проведу тщательное расследование». Я спросил, как можно что-то узнать о человеке в таком кишащем муравейнике, как Дели. Он ответил, что Дели — не масса безликих людей. Вы должны где-то жить, с кем-то общаться, а это позволяет многое узнать о человеке.

Эти два случая произошли несколько десятилетий назад, но с тех пор в Индии мало что изменилось. Межкастовые различия стали слабее в таких космополитических городах, как Мумбай. Но в целом по стране жесткое кастовое сознание продолжает сохраняться. Вероятно, потребуется много десятилетий и даже столетий постепенных изменений, прежде чем Индия сможет сказать, что она полностью свободна от кастовых оков.

Вследствие этих основных факторов разрыв между Индией и Китаем будет расти с каждым годом. В настоящее время ВВП на душу населения в Индии ($1500) составляет менее одной трети от аналогичного показателя в Китае ($5400). Темпы роста Индии не превышают 60–70 % роста Китая. Я не думаю, что Индия способна догнать Китай. Некоторые части страны развиваются намного быстрее остальных благодаря сравнительно динамичному частному сектору. Одним из ключевых центров роста является Мумбай. Еще один быстрорастущий город — это Бангалор, где работают такие компании, как Infosys, возглавляемая предпринимателем мирового класса Нараяной Мурти. Но сколько человек может работать на Infosys? Этот динамизм не распространяется на всю Индию.

Недостаток возможностей и разочарование из-за того, что их страна, обремененная массивной бюрократической машиной, не может в полной мере реализовать свой потенциал, заставляет многих талантливых индийцев покидать Индию и никогда не приезжать обратно. Это одно их ключевых различий между индийцами и китайцами. Китайцы также в массовом порядке едут в Америку, но многие из них возвращается на родину, чтобы начать свой бизнес. В Китае есть привлекательные возможности, которых нет в Индии. Другими словами, Китай гораздо меньше страдает от утечки мозгов. Из Индии уезжают лучшие люди. Некоторые из них становятся во главе крупнейших корпораций, таких как PepsiCo и Deutsche Bank.

Еще одна проблемная область индийской экономики — инфраструктура. Из-за отсутствия надлежащей инфраструктуры на местах эта страна чрезвычайно неудобна для ведения бизнеса: в ней нет контейнерных портов, хороших железных дорог, аэропортов, систем коммуникаций и комфортных для жизни городов. Многие японские инвесторы, которые уже вкладывают

средства в китайскую экономику, приезжали в Индию с планами построить завод или шахту, чтобы диверсифицировать свои инвестиции, но столкнулись с ужасающим состоянием инфраструктуры. Как ввозить в страну сырье? Как вывозить продукцию? В Китае протяженность скоростных автомагистралей увеличилась менее чем со 100 км в 1988 г. до 74 000 км в 2010 г. — это второе место в мире после Соединенных Штатов. Для сравнения: в Индии протяженность таких автомагистралей составляет всего 700 км. Индийское правительство планирует потратить на строительство инфраструктуры $1 трлн в ближайшие пять лет. Но кто будет строить? Если сами индийцы, это займет очень много времени. Гораздо лучше привлечь к этому японцев, корейцев и китайцев. В этом случае все может быть сделано за четыре-пять лет. Но пойдет ли Индия на такой шаг? Не уверен.

Все это я говорю с большой грустью. В молодости я был влюблен в Индию, потому что там была демократия, а в Китае — автократия. Но, став старше, я понял две вещи. Во-первых, демократия — не волшебное зелье. Это не панацея от всех бед для всех народов. Если бы в Китае была демократия, он никогда бы не достиг того, чего достиг сегодня. Во-вторых, во всех обществах, особенно в древних, имеющих многовековую историю, действуют определенные фундаментальные силы, которые не так-то легко изменить. Индия находится в тисках своей внутренней разнородности и исторически сложившейся кастовой системы.

В: Вы говорите о разрозненности индийцев. Но они сплотились вокруг Ганди и Неру, независимо от языков и каст…

О: На то были свои причины. Ганди начал соляной поход, а поскольку налог на соль затрагивал бóльшую часть населения, люди признали его лидером и последовали за ним. Неру был первым светским лидером, на которого, естественно, возлагали большие надежды. Он был великим оратором. Его речь в преддверии Дня независимости Индии 14 августа 1947 г. начиналась с потрясающей фразы: «В тот момент, когда пробьет полночный час и весь мир будет спать, Индия пробудится к жизни и свободе». Но его выступления на английском языке были понятны всего лишь шестой части населения страны. Он не очень хорошо говорил на хинди и, по его словам, очень сожалел об этом. Он получил образование в Хэрроу и Кембридже.

В: Но сегодня Неру стал в Индии культовой фигурой, даже среди тех пяти шестых жителей страны, которые его не понимали.

О: Да, но это объясняется ностальгией по прошлому и мыслью о том, что, если бы Неру правил дольше, он бы сумел изменить страну. В молодости я тоже так думал, но с возрастом

стал более пессимистичен. Я не думаю, что Неру, даже если бы он жил и правил страной до сих пор, сумел бы изменить Индию. Я не верю в это: как один лидер может изменить культуру народа с глубоко укорененными в ней предрассудками, такими как кастовая система?

В: В прошлом вы описывали Индиру Ганди как волевую женщину…

О: Да, это была женщина с очень твердым характером.

В: Ее правление страной в какой-то мере можно назвать авторитарным. Не думаете ли вы, что сегодня Индия нуждается в таком же жестком лидере?

О: Да, я считаю, что Индии нужны более сильные лидеры. В этой стране существует очень много разнонаправленных сил.

В: Есть ли в индийской системе сильные стороны, которыми вы восхищаетесь и которых нет у Китая?

О: Ее главная сила одновременно является и ее главной слабостью. Индия невероятно разнообразна. Тем не менее, какие бы «землетрясения» там ни происходили, камни каким-то образом двигаются, не распадаясь в разные стороны. Так что здание продолжает стоять. Я не хочу сказать, что в Китае здание может разрушиться. Но Индия удивительна тем, что ее правительства штатов и главные министры тянут в разные стороны, однако продолжают каким-то образом держаться вместе.

В: Что вы можете сказать о демографических дивидендах, о которых говорят индийцы? Может ли огромное количество молодежи в возрасте от 15 до 35 лет дать им экономическое преимущество?

О: Молодежь дает стране энергию и энтузиазм. Индия имеет показатель рождаемости на уровне 2,5, что значительно выше, чем в Китае. А Китай в один прекрасный день может пожалеть о том, что не отказался от политики «одна семья — один ребенок» раньше. Но в Индии существуют серьезные проблемы, связанные с обеспеченностью жильем, доступом к образованию и уровнем жизни молодежи. В некоторых частях страны вообще нет школ, и они учат детей под деревьями. В результате рост населения ведет к увеличению количества неграмотных людей.

В: Вы говорили о том, что Китай будет становиться все более мощной и доминирующей силой в Азии по сравнению с Соединенными Штатами. Какую роль будет играть Индия?

О: Она будет мощной силой в Индийском океане. Индийцы поддерживают высокий уровень боеспособности своей армии и флота, созданных в свое время англичанами, несмотря на внутреннюю разобщенность. Однажды я присутствовал на их военном параде по случаю Дня Республики. Это было в Дели в

январе 1996 г. Надо признать, это было впечатляющее зрелище. Там были раджпуты с высокими тюрбанами на головах и представители многих других народностей, но это была единая армия, возглавляемая одним главнокомандующим. То же самое можно сказать о военном флоте и военно-воздушных силах. Индия — далеко не слабый противник в Индийском океане.

В: Как им удалось создать такую сильную и сплоченную армию, если само индийское общество разобщено?

О: Армия — это всегда единообразие, и когда вы поступаете на военную службу, вы соглашаетесь подчиняться приказам. Совсем другое дело в гражданском обществе. Там правительства штатов могут не подчиняться центру. Кроме того, индийцы понимают, что национальная безопасность стоит на первом мете, поэтому прилагают все усилия, чтобы поддерживать обороноспособность страны на высоком уровне, включая даже защиту своих Андаманских островов, которые находятся за много тысяч миль от Дели.

В: Может ли Индия распространить свое военное влияние и на Тихий океан?

О: Нет, я не думаю, что индийский военный флот будет присутствовать в Тихом океане. Скорее всего, китайцы постараются получить порты в Мьянме и Пакистане. На самом деле они уже строят там порты для обеспечения безопасности своих судов, которые перевозят сырье из Африки в Китай. Но китайцы не будут доминировать в Индийском океане.

В: Как насчет отношений между Индией и США? На ваш взгляд, как они будут развиваться?

О: Эти отношения всегда будут сохранять свою значимость, поскольку США хотят создать противовес Китаю, а единственной страной в Азии, способной стать таким противовесом, остается Индия. Хотя общий объем ВВП у Индии намного меньше, чем у Китая, значительную часть этого ВВП она тратит на вооруженные силы. Тем не менее необходимо видеть ситуацию в перспективе. Китайцы запустили в космос первую женщину-астронавта. Индийцы — нет. Я не сомневаюсь, что они смогут сделать это, но это займет у них гораздо больше времени и потребует значительных ресурсов, которые они могли бы направить на рост. Китайцы готовы пойти на такие расходы, чтобы показать американцам, на что они способны.

В: Переходя на более личную ноту, что вам понравилось больше всего во время ваших визитов в Индию?

О: Я не был в Индии несколько лет. Во-первых, мне нравится то, что они говорят на английском языке, что существенно облегчает общение. Во-вторых, мне очень нравится индийская

кухня.

В: А как насчет любви индийцев к острым специям и карри?

О: Всегда можно сказать шеф-повару, чтобы он сделал блюдо менее острым. Что мне не нравится в Индии, так это самовольные поселения вокруг лучших отелей. Однажды я остановился в одном индийском городе в новом фешенебельном Sheraton, и через дорогу от отеля находилось такое незаконное поселение. Это была очень неприглядная картина. Но таковы издержки демократии. В Китае подобное невозможно. Я не знаю, что в Китае делают с бездомными, но им не позволяют загромождать города этими страшными лачугами.

5. Юго-восточная Азия

Малайзия Другой путь

Малайзия и Сингапур вышли из эпохи колониализма с сопоставимыми уровнями развития и почти одинаковым наследием, оставленным им британцами. Но едва ли можно было избрать более различающиеся пути, чем те, по которым эти страны пошли после 1965 г. Малайзия предпочла стать страной, где говорят на малайском, тогда как Сингапур сделал выбор в пользу английского языка и многонационального общества. Концепция «малайской Малайзии»» со временем будет утверждаться все больше, поскольку малайцы будут составлять все бóльшую часть населения.

На протяжении почти двух лет, когда Сингапур был частью Малайзии, я делал все возможное для разрешения вопроса о национальностях путем создания коалиции, выступающей за «Малайзийскую Малайзию» — страну с равным отношением ко всем населяющим Малайзию народам. Но оппозиция ожесточенно сопротивлялась нашим усилиям, подчас прибегая к насильственным действиям. Все закончилось тем, что 9 августа 1965 г. Сингапур был вынужден выйти из состава федерации.

Представители моего поколения всегда считали Сингапур и Малайю[9] одним целым. После войны англичане разделили нас на отдельные колонии, и мы боролись за воссоединение. Поначалу лидеры Малайзии не хотели объединяться с нами, потому что в Сингапуре проживало много китайцев, что существенно изменило бы общий этнический состав страны. Но в конце концов англичане убедили Тунку Абдул Рахмана, первого премьер-министра Малайзии, что среди нашего китайского населения крепнут левые настроения, и это создает вполне реальную угрозу установления в Сингапуре коммунистического режима. Он согласился включить нас в состав федерации вместе с Сабахом (Северным Борнео) и Сараваком, которые благодаря незначительной доле китайского населения могли бы нас уравновесить.

Однако после объединения Тунку сказал мне: «Ваша партия должна оставить Малайю в покое». У нас в Сингапуре было три избирательных округа, где преобладало малайское население, — Гейланг-Серай, Кампонг-Кембанган и Южные острова, но он не хотел, чтобы наша партия распространила свою деятельность на избирательные округа в Малайе, которую он считал малайской

территорией. Разумеется, мы не могли на это согласиться. Мы сказали, что в Конституции ничего не говорится о «малайской Малайзии» — там говорится о «малайзийской Малайзии». Мы начали действовать и сформировали Совет солидарности Малайзии, который выступал за подлинно многонациональную страну. Мы убедили вступить в Совет солидарности партии из Саравака, Пенанга и Ипоха. Там было довольно много малайцев. Когда наш политический блок набрал силу, Тунку забеспокоился, и нам открыто заявили, что Сингапур должен выйти из состава федерации, иначе все закончится кровопролитием. Кое-кто в моем кабинете был категорически против выхода из состава Малайзии, в первую очередь То Чин Чай, в то время заместитель премьер-министра. Он родился в Ипохе и, естественно, хотел видеть Сингапур и свою родину вместе. Он хотел встретиться с Тунку, и я ему разрешил. Однако Тунку отказался с ним встречаться, а вместо этого написал ему письмо, в котором сообщил, что он больше не может контролировать ситуацию. «У нас нет другого выхода», — написал Тунку.

В период с 1963 по 1965 г. я, как премьер-министр Сингапура, был обязан присутствовать на заседаниях Совета правителей Малайзии. Все члены этого совета были малайцами, все как один носили традиционную малайскую одежду и всегда находились в сопровождении оруженосцев. Я был единственным исключением. Это была не просто дань традициям прошлого. Тем самым они давали понять всем и каждому: «Это малайская страна. Не забывайте об этом».

Наш выход из федерации положил конец любым попыткам сформировать в Малайзии иное видение национального вопроса. Я оглядываюсь назад с огромным сожалением. Если бы Тунку хватило твердости заставить замолчать малайских ультрас и построить многонациональную Малайзию, обеспечив адекватное представительство китайцев и индийцев в органах власти, полиции, армии и т. д., сегодня это была бы гораздо более справедливая и процветающая страна. Малайзия могла бы достигнуть многого из того, чего достиг Сингапур, и от этого выиграли бы обе страны.

Вероятно, я был чересчур оптимистичен по поводу роли Тунку и его возможностей как малайского лидера. Сам он относился к тому поколению, которое выросло под британским правлением и рассматривало представителей всех национальностей как британских подданных. Среди его друзей было много китайцев. Его лучшим другом в Кембриджском университете был Чуа Син Ка, которому он часто звонил и говорил: «Приходи в гости. У меня есть отличный ростбиф и

бренди». Тунку также признавал, что Сингапур был более развитым, чем Малайзия, и считал, что Сингапур может стать экономическим центром страны, малайзийским Нью-Йорком, тогда как Куала-Лумпур — ее политическим центром, малайзийским Вашингтоном. К сожалении, поначалу я не осознавал, насколько сильны малайские ультранационалисты. Они не позволили Тунку сменить малайскую повестку дня. И настояли на присоединении Сабаха и Саравака, чтобы китайцы остались в численном меньшинстве. Малайцы полностью захватили власть в Малайзии и хотели, чтобы Малайзия и дальше оставалась малайской страной со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Демографические изменения в Малайзии способствуют дальнейшему укреплению положения малайцев. За последние 40 лет — с момента принятия Новой экономической политики — доля китайцев и индийцев в общей численности населения резко сократилась. Если в 1970 г. китайцы составляли 35,6 % всего населения, то к 2010 г. эта цифра снизилась до 24,6 %. За тот же период доля индийцев снизилась с 10,8 % до 7,3 %.

Такое изменение этнического состава населения произошло под действием ряда факторов. У малайцев более высокий уровень рождаемости. Значительную роль сыграла и интенсивная миграция. Огромное количество филиппинцев мигрировало в Сабах. Впоследствии малайзийское правительство даже было обвинено в предоставлении гражданства в массовом порядке, что стало предметом расследования. И наоборот, многие китайцы и индийцы предпочли покинуть страну. Молодые люди часто слышат от своих родителей: «Вот тебе деньги на обучение в иностранном университете. Учись и не возвращайся».

Из Малайзии приехали 40 % сингапурских мигрантов. Но те, у кого есть средства, уезжают еще дальше. Раньше самым популярным местом среди мигрантов китайского происхождения был Тайвань. В последние годы малайзийские китайцы и индийцы предпочитают переселяться в Европу, Америку и Австралию. Некоторые из них добиваются на новом месте впечатляющих успехов, например уроженка Малайзии Пенни Вонг стала министром финансов Австралии. В Малайзии остаются лишь те, у кого нет денег, чтобы уехать, либо те, кому удается создать успешный бизнес, несмотря на всю дискриминационную политику. Большинство таких бизнесменов вступают в партнерство с малайцами, у которых есть связи. В этом они похожи на «куконгов» в Индонезии — так называют китайцев, работающих вместе с индонезийцами, у которых есть лицензии, но которые не умеют управлять бизнесом. Китайские

«куконги» выполняют всю работу по управлению компанией и за это получают свою долю в прибыли. Но главное здесь то, что дети таких малайзийских бизнесменов получают образование за рубежом и никогда больше не возвращаются в страну.

Политика дискриминации по национальному признаку наносит Малайзии огромный вред. Тем самым страна добровольно сокращает свое кадровые резервы и лишает себя возможности построить передовое общество, привлекающее лучшие таланты со всего мира. Малайзия готова пожертвовать этими возможностями ради сохранения господства одной нации. В последние годы малайзийское правительство начало признавать проблему утечки мозгов и даже делает попытки заманить хотя бы какую-то часть мигрировавших малайзийцев обратно на родину. Но эти усилия либо слишком незначительны, либо запоздалы. В новом глобальном мире, где конкурентное преимущество стран все больше зависит от качества человеческих ресурсов, от их интеллектуальных способностей и энергии, Малайзия стремительно теряет свои позиции на международной арене, отставая от других стран.

Постепенно китайцы и индийцы оказывают все меньшее влияние на результаты малайзийских выборов, и однажды настанет день, когда их голоса станут столь малочисленны, что всякая надежда на построение справедливого и равноправного многонационального общества исчезнет окончательно.

После всеобщих выборов 2008 г. в некоторых малайзийских кругах появилась надежда на то, что страна стоит на пороге реальных перемен. Оппозиция, которая официально участвовала в выборах и, помимо прочего, обещала покончить со многими аспектами политики «позитивной дискриминации», удивила результатами даже своих сторонников. По количеству набранных голосов это были лучшие результаты начиная с 1969 г. А по числу полученных мест — лучшие результаты за всю историю. Правительство лишилось большинства в две трети голосов. Через год после выборов кресло премьер-министра занял Наджиб Тун Разак. Он запустил политическую кампанию под названием «1Малайзия», нацеленную на укрепление межнациональной гармонии и единства.

Кампания «1Малайзия» позволила Наджибу вернуть голоса китайских и индийских избирателей, которые его партия потеряла на выборах в 2008 г. Однако малайцы не приветствовали его программу бурными аплодисментами. Наджиб начал с амбициозных планов, но, судя по всему, политические реалии умерили его пыл. В конце концов он понял, что, если продолжать и дальше завоевывать поддержку

китайского и индийского электората, можно лишиться поддержки основных сторонников своей партии — малайцев.

Лозунг «1Малайзия» не оправдал первоначальных надежд. Вскоре после принятия этой политической программы я встретился с представителями малайзийской китайской прессы, и те сказали мне, что вначале лозунг трактовался как «единая многонациональная Малайзия», но потом трактовку изменили на «одну Малайзию». Другими словами, все они живут в одной Малайзии, но не являются единым народом, а по-прежнему остаются малайцами, китайцами и индийцами. Пока неизвестно, удастся ли посредством этой политики заметно выровнять положение всех проживающих в Малайзии национальностей помимо бумипутра[10].

На мой взгляд, рассчитывать на то, что политическая программа «1Малайзия» позволит стране вступить в новую эру межнациональных отношений, совершенно нереалистично, как нереалистично надеяться и на то, что когда-нибудь это удастся сделать оппозиции. Начать с того, что приход к власти оппозиционной коалиции в ближайшем будущем очень маловероятен. Но даже если такое случится, шансы на искоренение привилегированного положения малайцев близки к нулю. Чтобы понять почему, внимательно посмотрите на коалицию «Пакатан Ракьят». Это оппортунистический блок, сформированный не по идейным соображениям, — там и близко нет общей идейной базы, которая бы хоть как-то скрепляла партии между собой, — а с единственной целью взять верх над нынешним правящим блоком. До тех пор пока коалиция не получила в свои руки бразды федерального правления и, следовательно, не встала перед необходимостью претворять свою многонациональную политику в жизнь, ей удается сохранять некое подобие единства. Но как только она получит власть в свои руки, и дело дойдет до конкретных действий, она будет либо разрушена изнутри, либо парализована из-за своей нерешительности. Если она попытается предпринять какие-либо решительные шаги по ограничению малайского приоритета, лидер оппозиции Всемалайзийская исламская партия (ПАС), объединяющая малайских мусульман, которая получит значительное количество, если не большинство мест в Палате представителей, дающее ей право вето, немедленно их заблокирует. При этом ПАС будет действовать под тем же давлением со стороны малайского электората, с которым сегодня сталкивается находящаяся у власти партия ОМНО (Объединенная малайская национальная организация).

Следовательно, если понимать, насколько сильны в обществе

позиции малайцев, вопрос, удастся ли ОМНО или «Народному фронту» («Барисан Насиональ») удержаться у власти, перестает быть критическим. Вместо того чтобы думать о конкретных партиях, я думаю о «малайском блоке», который всегда будет контролировать большинство мест. Любая партия, которая займет место ОМНО и станет основной, представляющей интересы малайского электората, будет действовать точно так же, как ОМНО.

Есть и другие вопросы, помимо этнического, в которых между Сингапуром и Малайзией существуют значительные расхождения, но за эти годы мы научились жить по принципу «живи сам и давай жить другим». Мы признаем, что мы разные. Когда в 1965 г. мы отделились от Малайзии, в обеих странах английский был государственным языком. Но через несколько лет после этого Малайзия решила отказаться от английского и ввела обучение полностью на малайском. Китайцам пришлось создать собственные школы, финансируемые из частных источников. К 2003 г. правительство пришло к выводу, что утрата английского языка невыгодна для страны, и попыталось снова ввести преподавание научных дисциплин и математики на английском языке. Но противодействие со стороны малайцев, особенно из сельской местности, было настолько сильно, что в 2009 г. правительству пришлось вернуть преподавание всех предметов на малайском. Решение отказаться от английского языка оказалось необратимым. В Сингапуре мы сохранили еще одно наследие, оставленное нам англичанами, а именно независимость судебной системы. В Малайзии в 1988 г. правительство отреагировало на ряд неблагоприятных судебных решений серией мер, включавших отставку председателя Верховного суда и других старших судей, а также внесение в Конституцию поправки, предусматривающей ослабление судебной власти. Через 20 лет правительство во главе с премьер-министром Абдуллой Бадави добровольно выплатило денежные компенсации уволенным судьям или их семьям. По собственному признанию Бадави, события 1988 г. ознаменовали собой «кризис, оправиться от которого стране не удалось до сих пор».

Сингапур и Малайзия выбрали два совершенно разных пути — два разных способа организации своих обществ. Но каждый из нас пришел к пониманию того, что нет смысла пытаться навязывать другому свою точку зрения. Мы не можем изменить их. Они не могут изменить нас. Мы просто сосуществуем — отдельно друг от друга, но мирно.

Тем не менее Сингапуру важно развивать и укреплять свою военную мощь, чтобы быть способным защитить суверенитет. До

тех пор пока у нас есть Вооруженные силы Сингапура, способные дать отпор агрессорам, мы будем жить в мире.

В: Оглядываясь в прошлое, не считаете ли вы, что перегнули палку в своей борьбе за «малайзийскую Малайзию»?

О: Нет, если бы я тогда не перегнул палку, сегодня мы были бы узниками.

В: Вы когда-то говорили, что в вашем окружении тогда были люди, которые предупреждали вас о невозможности объединения с Малайзией, в том числе г-жа Ли. Вот ваши слова: «Она сказала мне, что из этого ничего не получится, потому что у малайских лидеров ОМНО совершенно другие взгляды, а их политика основана на национальном и религиозном признаках. Я ответил, что нам нужно попытаться, потому что для нас это наилучший вариант. Но она оказалась права. Не прошло и двух лет, как нас попросили уйти из Малайзии».

О: Да, меня предупреждали. Но я должен был дать этому союзу шанс.

В: Какие еще альтернативы были у Сингапура в то время?

О: Остаться независимым Сингапуром с бурлящей китайской молодежью, которая желала взять власть в свои руки. Они вполне могли бы победить. Но когда мы вошли в малайзийскую федерацию, молодые китайцы поняли, что находятся в малайском регионе, поэтому китайский Сингапур невозможен. Что было возможным, так это построение многонационального Сингапура.

В: Значит, это было одной из причин, подтолкнувшей вас к объединению?

О: Нет, это была не причина, а следствие. Нашей главной целью было воссоединение, поскольку Сингапур и Малайя исторически были одним целым.

В: То есть вы присоединились к Малайзии не для того, чтобы нейтрализовать китайскую коммунистическую угрозу в Сингапуре?

О: Нет, это была бы слишком высокая цена за предотвращение такой угрозы. Представьте, что мы бы вошли в состав федерации и не стали бы бороться за многонациональную Малайзию, создавать Совет солидарности Малайзии и т. д. Сегодня мы бы находились в таком же положении, как Пенанг, Кучинг или Джесселтон, ныне известный как Кота-Кинабалу. Это не малайские территории; там проживают такие народности, как дусуны, даяки и кадазаны.

В: Существует мнение, что вы и ваша Партия народного действия (ПНД) вошли в состав Малайзии, преследуя скрытую цель взять в конечном итоге в свои руки бразды правления всей страной.

О: Это было бы попросту невозможно в силу демографических причин. Делалось все возможное для того, чтобы немалайцы оставались на второстепенных ролях. Правящая партия выступала единым блоком с Китайской ассоциацией Малайзии и Индийским конгрессом Малайзии, чтобы сохранить лояльность местных общественных лидеров в Малайе. Лидерами Сабаха и Саравака они могли манипулировать, потому что те были молоды и неопытны. В самый разгар борьбы Тунку предложил мне стать представителем Малайзии в Организации Объединенных Наций, чтобы убрать меня с пути.

В: Когда было принято решение о выходе из состава Малайзии, газеты писали, что многие сингапурцы приветствовали это событие. Если спросить об этом сингапурцев сегодня, вероятно, они скажут, что это лучшее, что могло произойти со страной, поскольку дало возможность Сингапуру взять свою судьбу в собственные руки. Вы также рассматриваете это разъединение только в положительном свете, особенно учитывая достигнутые Сингапуром успехи?

О: Нет. Но нам пришлось смириться с произошедшим и постараться использовать сложившееся положение с максимальной пользой для себя. Однако все было против нас. Малайзийцы рассчитывали на то, что мы приползем обратно и согласимся на все их условия, отказавшись от тех условий, которые были разработаны совместно с англичанами и давали нам определенные права и привилегии, в том числе в сфере образования и занятости. Согласно этим условиям, мы не были обычным штатом Малайзии, а имели особый статус.

В: Некоторые эксперты высказывают мнение, что стремление защищать приоритет малайской общины проистекает из отсутствия чувства безопасности, и это связано с большой долей китайцев и индийцев в населении страны. В соответствии с такой точкой зрения, если Малайзия станет более однородной и малайцы будут составлять подавляющее большинство, они перестанут чувствовать угрозу и с большей вероятностью откажутся от своих привилегий.

О: Вы верите, что большинство населения поддержит лидеров, которые собираются лишить их прежних привилегий?

В: Есть много стран, где малочисленные этнические меньшинства не дискриминируются, а, наоборот, находятся в привилегированном положении. Например, в Китае представители таких меньшинств имеют преимущества при поступлении в университеты.

О: Посмотрите на их историю, на их эволюцию. Китайцы — это огромный, уверенный в себе народ, который хочет завоевать

лояльность этнических меньшинств. Именно поэтому они готовы не распространять на них политику «одна семья — один ребенок» и даже предоставили им автономные регионы, такие как Синьцзян и Тибет. Разве можно сравнивать их исторический контекст и исторический контекст Малайзии?

В: В отношении других стран вы утверждали, что там, где доминирует одна этническая группа и говорят на одном языке, общество, как правило, отличается большей сплоченностью. Произойдет ли то же самое с Малайзией по мере того, как она будет становиться все более малайской страной? Возможно, так будет лучше для нее?

О: А будет ли так лучше для проживающих в Малайзии китайцев и индийцев?

В: Вряд ли. Но, возможно, так будет лучше для страны и общества в целом?

О: В этом случае возникает ключевой вопрос: где вы будете брать таланты?

В: Значит, вы считаете, что такой путь развития не позволит стране в полной мере реализовать свой потенциал?

О: Да, я так считаю.

В: Изменение этнического состава, которое мы наблюдаем в последние годы в Малайзии, также сопровождается исламизацией страны…

О: Отчасти это происходит под влиянием Ближнего Востока.

В: Не может ли Малайзия стать прогрессивной мусульманской страной?

О: Вы верите в это? Что вы имеете в виду под прогрессивной мусульманской страной?

В: Общество, открытое миру и новым идеям.

О: То есть они не будут носить хиджабы, мужчины и женщины будут здороваться за руку и мусульмане будут сидеть бок о бок в кафе с не-мусульманами, пьющими пиво?

В: Возможно, Малайзия сможет стать больше похожей на Турцию, чем на Саудовскую Аравию? То есть быть относительно открытой, принять некоторые западные ценности?

О: Нет, она станет малайской мусульманской страной. Было время, когда их религиозность немного ослабла. Но теперь под влиянием Ближнего Востока они стали гораздо более ортодоксальными. Раньше за ужином они подавали спиртные напитки и пили вместе с вами. Когда мы были в составе Малайзии, Тунку часто приглашал меня и своих друзей пропустить с ним стаканчик виски или бренди. Теперь они говорят тосты со стаканами лимонада в руках.

В: Помимо национального и религиозного вопроса многих

тревожит проблема продажных политиков и коррумпированности системы. Например, от политики предоставления контрактов малайским компаниям выигрывает очень мало малайцев. Как вы думаете, сумеет ли Малайзия когда-нибудь решить эту проблему?

О: Не могу сказать. Возможно, это случится, если у них во власти появится группа молодых, высокообразованных малайцев, которые решат привести систему в порядок и будут готовы к непримиримой борьбе с корыстными интересами. Однако во всех отделениях партии ОМНО лидеры держатся за власть, поскольку она дает им привилегии. Так что я не уверен, что систему удастся изменить, если только не будет запущен глубокий процесс трансформации в масштабах всей страны.

В: Что касается отношений между Малайзией и Сингапуром, видите ли вы потенциал для тесного экономического сотрудничества? Одним из примеров может быть экономический регион Искандар в Малайзии — тут действуют чисто прагматические интересы, и есть основа для совместного ведения бизнеса.

О: Давайте подождем и посмотрим, как будет развиваться Искандар. Да, это поле для экономического сотрудничества, однако не нужно забывать о том, что мы инвестируем на малайзийской территории. Одним росчерком пера они могут отнять у нас все. Едва ли они пойдут на это, потому что хотят привлечь еще больше инвестиций. Но, инвестируя в том же Искандаре, мы должны понимать, что любая недвижимость или завод, которые вы строите на чужой земле, принадлежит владельцу этой земли.

Индонезия Власть регионам

Самое значимое событие в индонезийской политике, произошедшее после окончания эпохи Сухарто, носило удивительно недраматичный характер. Оно не сопровождалось ни шумными уличными демонстрациями, призывающими к радикальным переменам, ни грандиозными правительственными планами по преобразованию экономики страны. Оно вряд ли могло бы лечь в основу сценария голливудского блокбастера. Тем не менее я убежден, что в будущем историки признают его знаковый характер. Под этим событием я имею в виду регионализацию, или, другими словами, децентрализацию, страны.

В 1999 г. преемник Сухарто на посту президента Бухаруддин Юсуф Хабиби без лишнего шума подписал пакет законов о

передаче властных полномочий из центра примерно 300 округам, входящим в состав этой раскинувшейся на островах страны. Вступив в силу в 2001 г., эти законы привели к впечатляющим результатам. Каждый регион получил право самостоятельно управлять своими делами посредством выборных органов местного самоуправления, и это вдохнуло в страну новую жизнь. Ее экономическое развитие стало гораздо более равномерным. Местная автономия также значительно снизила сепаратистское давление и помогла стране сохранить свою целостность. Децентрализованная Индонезия сегодня живет гораздо лучше, чем раньше, и перед ней открываются куда более радужные перспективы.

До начала процесса регионализации Индонезия имела одну из самых централизованных политических систем в мире. Все более или менее значимые экономические решения принимались в столице президентом и его кабинетом и реализовывались по всей стране государственными чиновниками и представителями центрального правительства. Все должно было согласовываться с Джакартой. Иностранные инвесторы, в том числе из Сингапура, были вынуждены соблюдать правила игры. Они знали, что за возможность инвестировать даже в самых отдаленных районах страны им нужно заплатить «вступительный взнос» в Джакарте. Естественно, что все налоговые доходы и прибыли, получавшиеся в результате освоения богатых природных ресурсов страны, текли обратно в Джакарту, которая перераспределяла их по своему усмотрению.

Эта система работала достаточно хорошо на протяжении многих лет под руководством Сухарто. Генерал Сухарто сменил своего предшественника Сукарно на посту президента в 1968 г. и возглавлял страну в течение следующих трех десятилетий. Его достижения можно назвать поистине экстраординарными. Сухарто унаследовал страну с отсталой экономикой и свирепствующей гиперинфляцией и, сосредоточив все силы нации на развитии, преобразил ее. В отличие от Сукарно, который тратил всю энергию на то, чтобы стучать кулаком по столу на международных конференциях и пытаться превратить Индонезию — и, разумеется, самого себя — в вождя развивающегося мира, Сухарто понимал, что Индонезия не будет иметь голоса на международной арене, пока не решит внутренние проблемы. Когда была создана независимая Малайзия, Сукарно выдвинул лозунг «Ганьянг Малайзия», что означает «Сокрушим Малайзию». Сухарто, понимавший всю важность хороших международных отношений, немедленно отказался от этого лозунга, принял Малайзию как соседа и признал включение в ее состав Сабаха и

Саравака.

За 30 лет пребывания у власти Сухарто, который привлек для управления страной высококвалифицированных управленцев и экономистов, Индонезия добилась реального прогресса. Чтобы понять всю значимость вклада Сухарто, достаточно сравнить Индонезию и Мьянму. Обе страны начинали, имея одинаковый уровень развития. Обе были богаты природными ресурсами, и в обеих у руля стояли военные лидеры. Но генерал Не Вин в Мьянме (или Бирме, как она в то время называлась) решил пойти по пути социализма. Если бы не здравомыслящая политика Сухарто, сосредоточившего все силы страны на развитии, сегодня Индонезия могла бы быть похожа на Мьянму. Сухарто не удалось преодолеть коррупцию и кумовство, но результаты, которых он достиг, говорят сами за себя: он дал образование народу, обеспечил рост экономики, построил дороги и инфраструктуру.

Тем не менее централизованная система, на которую опирался Сухарто, плохо подходила для такой разнообразной страны, как Индонезия. Она состоит из 17 500 островов, протянувшихся с запада на восток на расстояние более 5000 км и населенных более чем 200 различными этническими группами. В 1960-х гг. Го Кенг Сви заявлял, что распад Индонезии практически неизбежен. Он признавал, что в этой рассредоточенной по архипелагу стране действуют иные силы, чем те которые могли бы проистекать из чувства единства, обусловленного общей культурой или историей.

Одним из факторов, позволивших предотвратить распад, стал язык, и в этом вопросе Сукарно, несмотря на все свои недостатки и эксцентричные выходки, сумел проявить дальновидность. В качестве государственного языка он выбрал малайский (который здесь называют индонезийским), а не яванский. При этом для выбора яванского языка имелось множество веских причин. Яванцы составляют самую многочисленную этническую группу в Индонезии. У них очень развитый язык, на котором написана самая древняя и богатая литература в стране. Сам Сукарно был яванцем по происхождению, и столица страны Джакарта, которая является не только ее политическим, но и ее экономическим и культурным центром, расположена на острове Ява. Но Сукарно понимал, что яванский не объединит нацию, поскольку для населения многих регионов Индонезии это чужой язык. Оно сочло бы это дискриминацией, и страна распалась бы на части. В то же время малайский уже был широко распространен как второй язык, так как это был язык моряков и коммерсантов, путешествовавших не только по стране, но и по всей Юго-Восточной Азии. Сукарно выбрал малайский государственным

языком и постановил, что отныне во всех школах обучение будет вестись на малайском, а местный язык или диалект будет преподаваться в качестве второго языка. В результате сегодня люди во всей стране понимают друг друга. Это было гениальное решение и величайший дар Сукарно Индонезии.

Однако одного только общего языка было недостаточно. Сухарто сохранял единство страны при помощи жесткой военной силы, беспощадно подавляя любые мятежи, как, например, в провинции Ачех. Но силовые методы работали только до поры до времени. Постепенно ситуация изменилась. В последние дни своего президентства Сухарто попытался приказать командующему армией, генералу Виранто, подавить восстание студентов и рабочих. Но Виранто отказался, поскольку хорошо понимал ограниченные возможности силовых акций. Когда Хабиби сменил Сухарто на посту президента, возникла реальная опасность того, что сепаратистские движения постараются воспользоваться изменением политической ситуации и начнут рвать страну на части.

Правительство Хабиби видело один выход: пойти по пути регионализации. Но вместо того чтобы передать власть 30 или около того провинциям, которые со временем могли бы почувствовать силу и потребовать независимости, Джакарта переиграла местные элиты, объявив, что основными единицами управления становятся 300 округов и муниципалитетов. Позже, в 2004 г., правительство признало недостатки такого подхода и приняло законы, восстанавливающие иерархические отношения между провинциями и округами. Тем не менее после 2001 г. каждый регион получил широчайшие полномочия по решению вопросов местного значения в таких сферах, как здравоохранение, образование, гражданское строительство, сельское хозяйство, транспорт, торговля, окружающая среда, труд и т. д. Полномочия по лицензированию инвестиционной деятельности также были делегированы местным органам власти, за исключением таких секторов, как нефть, газ и радиоактивные материалы. Вероятно, свою роль сыграл и тот факт, что президент Хабиби был не яванцем, а уроженцем провинции Южный Сулавеси. Если бы на смену Сухарто также пришел яванец, он бы, скорее всего, сохранил существующую централизованную систему по крайней мере еще на какое-то время. Но Хабиби 20 лет учился и работал в Германии — стране с федеральной, а не унитарной формой устройства — и был впечатлен ее успехами. К счастью, Абдуррахман Вахид, ставший президентом Индонезии в конце 1999 г., был согласен с курсом, выбранным его предшественником, и сделал все возможное для того, чтобы

претворить эти законы в жизнь. В докладе Всемирного банка о процессе регионализации Индонезии говорится, что начиная с 2001 г. две трети всех государственных служащих, ранее подчинявшихся напрямую центральному правительству, перешли в подчинение местных органов власти, и в ведение местных властей было передано более 16 000 объектов, включая школы и больницы.

Этот шаг был очень рискованным, но оказался успешным. Сегодня каждый регион сам управляет своими ресурсами и напрямую имеет дело с иностранными инвесторами. «Масло» стало распределяться по всей стране более равномерно, что изменило облик архипелага. Некоторые процессы заметно ускорились, потому что иностранным компаниям не приходится решать вопросы на нескольких уровнях. Местные власти лучше знают ситуацию в своем регионе и гораздо эффективнее реагируют на изменяющиеся обстоятельства. Как показывают опросы, многие рядовые индонезийцы считают, что после 2001 г. произошло заметное улучшение в сфере государственных услуг. Несомненно, во многом это следствие того, что теперь лица, принимающие решения, отчитываются не перед Джакартой, а непосредственно перед своими избирателями и местными законодательными органами.

Острова Риау — один из примеров провинции, которой отмена централизации пошла на пользу. Теперь она сама решает все вопросы с инвесторами из Сингапура и Малайзии, что имеет смысл, поскольку ее самый крупный город Батам расположен гораздо ближе к Сингапуру, чем Джакарта. В результате потоки иностранных инвестиций значительно выросли, а с ними и количество рабочих мест для местных жителей.

Но самое главное то, что децентрализация помогла сохранить Индонезию как единую страну. Ни один регион не может утверждать, что центр его угнетает или несправедливо с ним обходится, поскольку отныне судьба каждого региона находится в руках его населения. Доходы от использования природных ресурсов поступают в распоряжение местных властей. При Сухарто попытки решить проблему сепаратизма военными силами создавали внутри страны огромную напряженность. Индонезия была похожа на скороварку, где отношения между центром и провинциями так бурлили, что приходилось плотно удерживать крышку, чтобы не произошел взрыв. Приняв решение о предоставлении местной автономии, президент Хабиби выпустил из скороварки лишний пар и сделал ситуацию в стране устойчивой в долгосрочной перспективе.

Регионализация необратима. После того как регионы

получили право самостоятельно управлять своими делами, они никогда больше от него не откажутся. Разумеется, в систему будут вноситься корректировки, по мере того как страна будет находить все более совершенный баланс между центральной властью и провинциальной автономией, но Индонезия никогда больше не вернется к централизованной системе эпохи Сухарто.

Тем не менее было бы ошибкой считать, что благодаря вышеописанным положительным переменам Индонезия встала на путь развития, свободный от всяких трудностей и проблем. Регионализация стала для страны огромным благом, но она не панацея от всех бед. Старые и новые проблемы, в том числе такие, как неэффективная политическая система в центре, плохая инфраструктура и разгул коррупции, по-прежнему угрожают сбить Индонезию с правильного курса. От того, каким образом и когда Индонезия решит эти серьезные проблемы, будет зависеть судьба ее народа.

Сингапур непосредственно столкнулся с проявлением этой политической неэффективности, когда мы подписывали с Индонезией Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности вместе с Договором об экстрадиции. Их президент считал, что этот пакт отвечает интересам страны, иначе он не стал бы его подписывать. Однако индонезийский парламент — Совет народных представителей — заблокировал его под тем предлогом, что этот пакт ставит под угрозу суверенитет Индонезии. Любой политолог назвал бы вам истинную причину, почему они не пропустили этот пакет соглашений: в 2009 г. должны были состояться выборы, и члены парламента, большинство из которых не принадлежали к партии президента, просто-напросто хотели усилить позиции собственных партий через ослабление позиций президента. Разве мог действующий президент, который был генералом армии, вместе со своей командой в лице министра обороны, министра иностранных дел и генерального прокурора не знать суверенных прав Индонезии? Во времена Сухарто сингапурские войска проводили учения вместе с индонезийскими на протяжении более чем 20 лет без всякого ущерба для ее суверенитета. Но потом военное сотрудничество превратилось в часть «ваянг-кулит», политического театра, который стал настоящим бичом Индонезии из-за системы организации ее центральных институтов власти.

Дело в том, что в 2002 г. в конституцию Индонезии были внесены изменения, согласно которым президент должен избираться путем прямого народного голосования. Раньше в стране действовала непрямая система выборов, при которой он избирался членами парламента, благодаря этому автоматически

получал поддержку законодательного собрания и мог не беспокоиться о том, что его решения будут блокироваться. Но по новой системе президент может принадлежать к партии, не имеющей парламентского большинства, что приводит к риску тупиковых политических ситуаций. Если бы при внесении поправок в Конституцию индонезийцы изучили французскую систему, они бы дали президенту право инициировать досрочные парламентские выборы вскоре после своего прихода к власти или в любое другое время в будущем, чтобы получить от электората подтвержденный мандат на правление.

Таким образом, созданная в 2002 г. система затрудняет принятие решений центральной властью. Мало того, ее реформирование маловероятно, поскольку любой законопроект должен пройти через Совет народных представителей, члены которого нисколько не заинтересованы в том, чтобы отказываться от своих полномочий. Их устраивает возможность держать президента в ежовых рукавицах. С этой точки зрения децентрализация стала для страны спасением, поскольку позволила регионам самостоятельно решать многие важные вопросы.

Второй серьезный источник трудностей для Индонезии — инфраструктура. Когда страна состоит из 17 500 островов, возможность сообщения между ними жизненно важна для роста экономики, чтобы развитие одного региона могло стимулировать развитие других. Для этого необходимо создание системы паромных переправ и внутренних авиаперевозок, а также строительство мостов между островами. Но ничего из этого до сих пор не сделано. О необходимости постройки моста через Зондский пролив, который стал бы самым протяженным в стране и связал бы между собой важнейшие индонезийские острова Суматру и Яву, говорят уже много лет. Если бы эти два острова соединились, их экономический потенциал значительно возрос бы. Но к сожалению, планы пока так и остаются планами.

Индонезийские аналитики отмечают, что, по сравнению с эпохой Сухарто, сейчас развитие инфраструктуры значительно замедлилось. Нынешнее правительство провело ряд саммитов, посвященных инфраструктурным вопросам, и разработало грандиозные планы по модернизации дорог и других средств сообщения, но до реальных проектов дело так и не дошло. Разочарование тем сильнее, что индонезийская элита любит проводить выходные дни в Сингапуре, и после таких уикендов удручающее состояние индонезийских дорог и аэропортов становится как нельзя более очевидным.

И, наконец, стране необходимо обуздать коррупцию.

Децентрализация не решила эту проблему, поскольку местные власти, как и раньше, требуют свою долю пирога. Коррупция приводит к огромным утечкам средств. Из каждого инвестированного доллара 10 центов забирается здесь, 20 центов забирается там, так что иностранному инвестору или местному предпринимателю, желающему построить прибыльный бизнес, мало что остается. Президент Юдойоно понимает, как трудно победить коррупцию, которая так глубоко укоренилась в системе. Здесь требуются очень решительные и последовательные действия, и начинать необходимо с центра. Но если индонезийцам удастся значительно снизить ее уровень, перед страной откроется многообещающее будущее.

В последнее десятилетие Индонезия показывала неплохие результаты, стабильно увеличивая свой ВВП на 4–6 % в год. Ее почти не затронул мировой финансовый кризис. Благодаря своим богатым природным ресурсам она успешно привлекает крупные инвестиции из Китая и Японии. Но я не думаю, что в ближайшие 20–30 лет мы увидим в стране серьезные перемены. Малайзия достигнет гораздо больших успехов. Ее территория компактнее, транспортная инфраструктура лучше, а качество рабочей силы выше.

Несмотря на все положительные изменения, Индонезия по-прежнему сохраняет ресурсозависимую экономику с соответствующим менталитетом, когда люди считают, что зарабатывать на жизнь надо не руками или головой, а продажей того, что дает земля. Они считают, что их природных ресурсов хватит надолго. Возможно, они и правы. У них есть огромные, до сих пор не освоенные территории. И у них в изобилии имеются нефть и газ, которые могут исчерпаться, и пальмовое масло и древесина, которые можно продолжать производить сколько угодно. К сожалению, наличие богатых природных ресурсов обычно порождает иждивенческую культуру, в которой люди говорят: «Это наша земля. Хотите получить то, что в ней находится? Заплатите нам за это». Со временем такая культура лишает нацию предпринимательского духа, и это становится серьезной проблемой.

В: Индонезия по-прежнему имеет амбиции крупной державы, а благодаря своему росту в течение последних нескольких лет она улучшила свой международный имидж. Принимая во внимание эти амбиции, которые распространяются на АСЕАН, что делать ее небольшим соседям, таким как Сингапур?

О: Индонезия ожидает, что Сингапур будет поддерживать ее на международной арене. И я думаю, что такая поддержка не идет вразрез с нашими интересами. В АСЕАН Индонезия по-

прежнему де-факто является лидером. Это страна с населением 240 млн человек. Конечно, если бы эти 240 млн жили на одном большом острове, было бы совсем другое дело. Тем не менее это самая крупная страна в нашем регионе.

В: Говорят, что в прошлом Индонезия способствовала росту АСЕАН, позволяя другим странам, таким как Сингапур и Малайзия, греться в лучах ее славы. Но она не пыталась командовать другими, как Индия в рамках СААРК (Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии). Не захочет ли более уверенная в себе Индонезия занять руководящие позиции в АСЕАН?

О: Время покажет. Но даже если это произойдет, я не представляю, как это может помешать нам быть тем, чем мы уже стали — мировым коммуникационным, логистическим, инвестиционным и торговым узлом.

В: Когда вы были премьер-министром, одним из факторов, определявших характер отношений между Сингапуром и Индонезией, были ваши тесные связи с Сухарто. Это способствовало хорошему взаимопониманию между двумя странами. Не думаете ли вы, что теперь, когда таких отношений между лидерами стран больше нет, могут возникнуть проблемы и трудности?

О: Да, сегодня между лидерами нет такой близкой дружбы, но наш премьер-министр Ли Сяньлун по-прежнему регулярно встречается с президентом Юдойоно. Деловые контакты в основном поддерживаются через индонезийцев китайского происхождения. Но это также подчеркивает необходимость того, чтобы в Сингапуре появилась группа немалайцев, умеющих свободно говорить на малайском языке, чтобы мы могли поддерживать эти связи. Это имеет большое значение для развития взаимопонимания как с Индонезией, так и с Малайзией.

В: На фоне растущего доминирования Китая в этой части земного шара как, по вашему мнению, будут складываться отношения между Индонезией и Китаем?

О: Китайцы будут относиться к индонезийцам с большим уважением и пиететом. Им нужны их природные ресурсы, и я думаю, что отношения будут развиваться. Индонезийцы отменили введенный Сухарто запрет на преподавание китайского языка и празднование китайских праздников. Таким образом, они нацелены на расширение взаимодействия с Китаем. Они поощряют своих китайцев ездить в Китай и налаживать там деловые связи.

В: Одна из проблем, с которой сталкиваются в Индонезии иностранные инвесторы, в том числе из Сингапура, — ее

растущий экономический национализм. На компании оказывается давление, вынуждающее их увеличивать долю местных собственников. На ваш взгляд, эта тенденция будет усиливаться или ослабевать?

О: Я думаю, она будет усиливаться. Они хотят получать все бóльший кусок пирога.

В: Будет ли Индонезия по-прежнему оставаться благодатной почвой для терроризма? И не может ли подъем исламского движения поставить под угрозу стабильность страны?

О: Если вы читаете сообщения, то знаете, что «Джемаа Исламия» удается вербовать в Индонезии добровольцев, которые с ее подачи организуют теракты, такие как взрывы на Бали и у отеля «Мариотт» в Джакарте. Но я считаю, что ситуация в Индонезии отличается от ситуации в Малайзии. Малайзия открыто взяла курс на исламизацию. В Индонезии могут быть небольшие изменения под влиянием саудитов. Их разновидность ислама сегодня воспринимается как эталон, потому что они организуют и оплачивают встречи мусульман со всего мира. Это привело к росту групп исламских активистов в Индонезии. Но такие изменения не происходят в одночасье, особенно если они не заложены в культуре народа.

Таиланд Низы не хотят жить по-старому

Приход к власти Таксина Чинавата стал поворотным моментом для внутренней политики Таиланда. До того как он встал у штурвала, во всех сферах политической власти доминировала бангкокская элита, которая управляла страной исключительно в интересах столицы. Если в ее среде и были какие-то разногласия, по степени своей ожесточенности и глубине порождаемого ими раскола они и близко не могли сравниться с теми, что ознаменовали собой времена правления Таксина и период после его ухода. Таксин нарушил устоявшийся статус-кво, перенаправив в беднейшие части страны ресурсы, которые раньше полностью прибирались к рукам Бангкоком и его средним и высшим классом. Таксин сделал ставку на объединяющую политику, дававшую возможность крестьянам на севере и северо-востоке принять участие в экономическом росте страны. К моменту его прихода к власти уже существовал огромный разрыв в уровне жизни, созданный ориентированной на центр политикой его предшественников. Таксин открыл людям глаза на существующий разрыв и его вопиющую несправедливость и предложил политические решения для его

преодоления. Если бы он этого не сделал, я уверен, что пришел бы кто-то другой и сделал бы то же самое.

Когда в 2001 г. Таксин Чинават занял пост премьер-министра, он уже был успешным бизнесменом и миллиардером. Но богатые тайцы, рассчитывавшие на его классовую солидарность, очень скоро были разочарованы. Его политика была ориентирована на интересы сельской бедноты, причем в беспрецедентных масштабах. Он расширил кредитование фермеров, предоставил стипендии для обучения за рубежом студентам из сельской местности и субсидируемое государством жилье представителям городской бедноты, многие из которых мигрировали в города в поисках работы и могли позволить себе жить только в трущобах. В сфере здравоохранения он запустил программу бесплатного медицинского страхования для тех, кто не мог заплатить за визит к врачу даже мизерную сумму в 30 бат (около $1).

Противники Таксина считали, что он переворачивает страну с ног на голову, и не могли с этим смириться. Его называли популистом и пророчили, что его политика окажется разорительной. (Примечательно, что ожесточенное противодействие не заставило его отказаться от избранного курса и не помешало провести в жизнь множество других инициатив за время пребывания у власти с декабря 2008 г. по август 2011 г.) Его обвиняли в коррупции и покровительстве семейному бизнесу, но он отрицал все обвинения. Недовольство вызывало и его жесткое — некоторые называли его «диктаторским» — обращение со средствами массовой информации, а также начатая им на юге страны война с наркотиками, во время которой бывали случаи нарушений прав человека. Тем не менее подавляющее большинство крестьян проигнорировали всю обрушиваемую на Таксина критику и в 2005 г. переизбрали его на пост премьер-министра. Однако для бангкокской элиты этот человек был как кость в горле, и в 2006 г. его свергли в результате военного переворота.

После этого в столице Таиланда началась эпоха народных волнений. На улицах Бангкока стали регулярно вспыхивать массовые протесты с участием либо «желтых рубашек» — противников Таксина и приверженцев монархии, либо «красных рубашек» — ярых сторонников свергнутого премьер-министра. На последних всеобщих выборах, состоявшихся в 2011 г., тайские избиратели четко выразили свои предпочтения: отдав кресло премьер-министра сестре бывшего премьера Йинглак Чинават, они высказались в поддержку нового пути, выбранного для Таиланда Таксином. Крестьяне на севере и северо-востоке страны почувствовали, что значит иметь доступ к потокам капитала, и не

собирались отказываться от таких возможностей. К настоящему моменту Таксин и его союзники выиграли пять всеобщих выборов подряд: в 2001, 2005, 2006, 2007 и 2011 гг. Все попытки противников Таксина сдержать этот прилив оказались тщетны.

Несмотря на брожения в тайском обществе, в долгосрочной перспективе есть повод для оптимизма. «Красные рубашки» по-прежнему будет превосходить численностью «желтые», поскольку последние опираются на сокращающуюся группу населения. Молодому поколению уже не свойственно столь трепетное отношение к монархии и королевской семье. Кроме того, хотя нынешний король Пхумипон Адульядет пользуется высочайшим уважением и даже заслужил в народе титул «Великий», с его смертью таиландская монархия потеряет значительную часть своего авторитета.

Армия всегда играла важнейшую роль в политике Таиланда и была гарантом того, что ни одно движение против монархии не могло поднять голову. Но и армии в конце концов придется смириться с изменениями и адаптироваться к ним, поскольку она не сможет вечно сопротивляться воле народа. Постепенно ее ряды будут пополняться молодыми солдатами, не столь одержимыми идеями монархизма. И хотя военачальники будут продолжать настаивать на своих привилегиях и сопротивляться низведению до положения обычной армии, но им придется научиться сосуществовать с правительством, состоящим из союзников Таксина. Возможно, военные даже согласятся с возвращением Таксина Чинавата в Таиланд, если он пообещает отказаться от любых попыток отомстить.

Таиланд никогда больше не вернется к прежней политической парадигме, когда монополия на власть находилась в руках бангкокской элиты. Он продолжит двигаться по пути, который выбрал для него Таксин Чинавата. Разрыв в уровне жизни по стране постепенно будет сокращаться. Многие крестьяне сумеют перейти в средний класс, что позволит увеличить внутреннее потребление. Таиланд ждут хорошие времена.

В: Некоторые тайские аналитики придерживаются менее оптимистичного взгляда на изменения во внутренней политике Таиланда, произошедшие после прихода к власти Таксина Чинавата. Они указывают на то, что в 1990-е гг. премьер-министры могли развивать экономику страны на основе долгосрочных стратегических планов, тогда как после 2001 г. правительство начало прибегать к краткосрочным популистским мерам и разного рода подачкам бедным.

О: Нет, это очень однобокий взгляд. Таксин намного умнее и

дальновиднее, чем его критики. Именно поэтому, чтобы преодолеть их сопротивление, он стал опираться на северо-восток.

В: Но в стране есть обеспокоенность по поводу «гонки по нисходящей», направленной на то, чтобы завоевать как можно больше голосов сельских избирателей.

О: Ключевой вопрос в том, где брать деньги на эти меры поддержки.

В: Это проблема…

О: Чтобы иметь возможность оказывать поддержку, у вас должны быть ресурсы. А ресурсы могут быть получены только из доходов в бюджет. Следовательно, если вы хотите увеличить поддержку, а доходы бюджета уже полностью распределены, у вас есть один выход: увеличить налогообложение.

В: Или занять.

О: Кто даст вам деньги? Под какие активы?

В: Значит, вы не думаете, что Таиланд обречен на долгосрочный паралич вследствие того, что страна скатывается в популистскую политику?

О: Я сомневаюсь в этом. Они не будут потворствовать бедным больше, чем нужно.

В: Каковы ваши впечатления от Таксина Чинавата?

О: Это лидер практического склада ума, который умеет упорно работать и быстро добиваться результатов. Он гораздо больше доверяет своему деловому опыту и чутью, чем экономическим теориям. Однажды он сказал мне, что специально приехал из Бангкока в Сингапур на обычном автобусе, чтобы узнать, чем живут сингапурцы. И таким же образом собирался вернуться обратно. Я не знаю, удалось ли ему за одну поездку понять, что находится внутри нашего «черного ящика», включая такие важнейшие аспекты, как образование, качество человеческих ресурсов, сплоченность общества с его равными шансами для всех. Не нужно забывать, что у них на северо-востоке живет гораздо больше этнических лаосцев, чем тайцев.

В: Примерно 10 лет назад сингапурские лидеры заговорили о Таиланде как о серьезном конкуренте Сингапура в таких областях, как транспорт, промышленное производство и медицинский туризм. Это действительно так?

О: Посмотрите на их географическое положение. Если вы плывете на корабле, вы можете обойти стороной Бангкок, но вам не удастся проплыть мимо Сингапура.

В: А по воздуху?

О: Посмотрите на их уровень образования и квалификации. Чтобы составить нам конкуренцию, они должны стать лучше нас.

В: Есть ли у них потенциал, чтобы стать лучше нас?

О: Во-первых, у нас есть огромное преимущество в виде английского языка. Во-вторых, у нас есть образовательная инфраструктура, включающая систему политехнических университетов и институтов технического образования, которые обеспечивают нас высококвалифицированными кадрами. Все сингапурцы получают какое-либо профессиональное образование. Сможет ли Таиланд с его 60 млн жителей, рассредоточенных по сельской местности, добиться такого же уровня, что и мы?

В: А что по поводу геополитики в регионе? Таиланд всегда был союзником США. Во время войны во Вьетнаме американцы использовали его как военную базу. Сохранится ли их военный альянс и в будущем?

О: Это не имеет значения. Настоящий вопрос заключается в том, будут ли совпадать их интересы? Любой военный альянс жизнеспособен только в том случае, если интересы его членов совпадают. Возьмите НАТО. Члена альянса объединились, чтобы противостоять Советскому Союзу. Когда Советский Союз распался, НАТО стала бесполезна.

В: Существует мнение, что поворотный момент настал в 1997 г., когда Таиланд столкнулся с тяжелыми последствиями азиатского финансового кризиса и понял, что США не придет ему на помощь. С тех пор тайцы решили, что Китай может быть гораздо более надежным другом.

О: Так произошло потому, что после окончания войны во Вьетнаме Таиланд во многом потерял свое значение для США.

В: Как, на ваш взгляд, тайцы реагируют на растущее влияние и доминирование Китая в этой части мира?

О: Вы знаете историю Таиланда. Когда Япония была на пике своего могущества и решила напасть на Юго-Восточную Азию, тайцы позволили японским войскам беспрепятственно пройти через свою территорию, чтобы добраться до Малайзии и Сингапура. Они всегда смотрят, кто сильнее, кто может выйти победителем, и присоединяются к этой стороне.

Вьетнам. В оковах социалистического менталитета

Многие возлагали большие надежды на Вьетнам, когда в 1980-х гг., вслед за Китаем, страна решила встать на путь рыночных реформ. Политика обновления Вьетнама, или «Дой Мой», как называли ее вьетнамцы, началась на обнадеживающей ноте. Среди первых шагов, ознаменовавших собой отход от социализма, была передача коллективизированных земель в

длительное пользование частным фермерам. За нескольких лет это привело к резкому росту сельскохозяйственного производства. Многие внешние и внутренние наблюдатели считали, что Вьетнам стоит на правильном пути. Мир видел, как открытие Китая привело к его невероятному экономическому подъему, и логично предполагал, что Вьетнам с его программой реформ будет двигаться по тому же маршруту.

Но затем первоначальный оптимизм сменился более скептической оценкой. Во время моих первых визитов во Вьетнам в 1990-х гг. я сам был воодушевлен их реформами, однако с тех пор мое мнение изменилось. Теперь я думаю, что старшее поколение коммунистических лидеров не в состоянии вырваться из оков социалистического менталитета. Поначалу они договорились взять курс на реформы, потому что видели, что страна идет в никуда. Но они и близко не проявили той решимости модернизировать систему, какую показали китайцы. Руководители из «старой гвардии» не позволят Вьетнаму выбраться из застоя. И пока они не уйдут, страна вряд ли сможет совершить прорыв в своем стремлении к модернизации.

Во время одного из моих недавних визитов во Вьетнам со мной произошел случай, показывающий, какие проблемы стоят перед страной. Мне организовали встречу с несколькими высшими гражданскими и военными руководителями, и я рассказал им о том, что одна сингапурская компания столкнулась с проблемами при строительстве отеля на Западном озере в Ханое. Когда компания начала забивать сваи, тысячи местных жителей стали требовать у нее компенсацию за шумовое загрязнение. Чтобы избежать дополнительных расходов, компания решила изменить способ монтажа фундамента: вместо забивания свай применить завинчивание, что можно было делать почти бесшумно. Однако на этот раз в компанию явился чиновник, утвердивший проект строительства, и заявил: «Я не давал вам на это разрешения». Было ясно, что чиновник находится в сговоре с местными жителями. Я объяснил вьетнамским лидерам, что такое отношение контрпродуктивно. Если вы хотите открыть свою страну, относитесь к этому серьезно, сказал я. Они ответили покашливанием и невнятным бормотанием, что ясно показало, что они находят такое положение дел вполне нормальным. Они не понимали, что один довольный инвестор привлечет к ним еще больше инвесторов. У них был другой подход: загнать инвестора в угол и выжать из него как можно больше.

Представители «старой гвардии», которые в настоящее время занимают все руководящие посты в стране, заслужили свои

«погоны» в партийной иерархии во время войны. Они получили эти посты вовсе не потому, что показали себя превосходными управленцами и экономистами, а потому что в течение более чем 30 лет рыли подземные ходы с севера на юг для ведения партизанской войны. С китайскими «коллегами» их роднит такой неприглядный факт, как высокий уровень коррупции. Заслуженные партийцы, которые раньше свято верили в то, что система позаботится о них, вдруг увидели, как быстро богатеют люди вне партии. Разочаровавшись в системе, они принялись «брать», например, руководители таможенной службы начали незаконно ввозить автомобили, чтобы получить свою долю богатства. К сожалению, в отличие от Китая, у них нет такой легендарной фигуры, как Дэн Сяопин, который обладал непререкаемым авторитетом среди партийных кадров и непоколебимой верой в то, что выйти из тупика можно, только успешно реформировав страну. Причина, по которой у них нет такого лидера и хорошей команды управленцев, кроется в их длительном военном прошлом. Тогда как китайские коммунисты имели возможность на протяжении нескольких десятилетий накапливать управленческий опыт, проверяя на практике, что работает, а что нет, и в процессе этого обновлять свои принципы и идеологию, вьетнамские коммунисты занимались тем, что вели ожесточенную партизанскую войну с американцами. У них попросту не было возможности научиться тому, что значит управлять страной. Кроме того, большинство успешных южновьетнамских бизнесменов, знавших, как работают капиталистические механизмы, в 1970-е гг. бежали из Вьетнама.

Вьетнамский народ — один из самых способных и энергичных в Юго-Восточной Азии. Студенты-вьетнамцы, приезжающие учиться в Сингапур на стипендии от АСЕАН, относятся к учебе предельно серьезно и добиваются впечатляющих успехов. Очень жаль, что такой умный народ до сих пор не может реализовать свой потенциал. Будем надеяться, что, когда военное поколение уйдет со сцены и у руля страны встанут молодые вьетнамцы, они посмотрят на успехи Таиланда и, убедившись в преимуществах свободного рынка, изберут правильный курс.

В: У Вьетнама имеются серьезные разногласия с Китаем по поводу территорий в Южно-Китайском море. И на встрече министров стран АСЕАН в 2012 г., когда региональная группа впервые за 45 лет не сумела договориться о совместном коммюнике, главным зачинщиком раздора был Вьетнам.

О: Вьетнамцы не смогли добиться консенсуса среди членов АСЕАН в поддержку своей позиции по Южно-Китайскому морю,

потому что, как выяснилось впоследствии, китайцы сумели договориться отдельно с Брунеем и Малайзией по их претензиям. Но Бруней и Малайзия претендуют на гораздо меньшие территории, тогда как вопрос по основным территориальным претензиям со стороны Вьетнама так и остается неразрешенным.

В: Не значит ли это, что Китай способен расколоть АСЕАН по этому вопросу?

О: Это говорит о том, насколько искусны китайцы в международных делах. У них имеется тысячелетний опыт взаимодействия с другими странами — иностранными варварами, как они их называют, и они знают, как разделить их и помешать им объединиться. Они просто покупают страны одну за другой.

В: Вьетнам стремится расширить свои связи с США, чтобы иметь возможность противостоять Китаю…

О: Да, это так. В 2012 г. министр обороны США Леон Панетта посетил залив Камрань. Это может означать, что вьетнамцы собираются открыть его для американцев. Возможно, они считают, что полезно иметь под боком американскую военную базу на тот случай, если вдруг снова возникнет конфликт по поводу Парасельских островов, но я не думаю, что американцы будут участвовать в прямом столкновении с китайцами. Лучшее, на что могут надеяться вьетнамцы, — это на урегулирование спора на основе Конвенции ООН по морскому праву.

В: Поговаривают, что вьетнамцы собираются покупать американское оружие…

О: Это неудивительно. Сегодня с американцами у них более дружеские отношения, чем с китайцами. И американское оружие намного лучше китайского.

В: Как вы считаете, не следует ли АСЕАН держаться подальше от споров о Южно-Китайском море на будущих саммитах?

О: Об этом уже поздно говорить. Раньше в АСЕАН существовал негласный кодекс поведения, но теперь он не соблюдается.

Мьянма. Генералы меняют курс

Если вы оказались в тупике, существует только один разумный план действий — развернуться и выйти из него. Эта аналогия во многом позволяет понять причины, которые заставили военную хунту, правившую Мьянмой на протяжении нескольких десятилетий, к 2011 г. радикально пересмотреть свои убеждения и направить страну по другому пути. Столь резкая

перемена была вызвана не глубоким самоанализом или внезапным озарением. Не было это и отчаянной попыткой самосохранения со стороны военной диктатуры, осознавшей, что она находится на грани краха. Причина была куда более прозаична. Генералы увидели, что их страна зашла в тупик, и у них попросту не осталось другого выхода, кроме как кардинально сменить курс.

Соседство с процветающим Таиландом могло ускорить это прозрение. С точки зрения природных ресурсов Мьянма богата так же, как Таиланд. Но если вы сравните, например, помело, выращенные в той и другой стране, то увидите, что тайские фрукты намного крупнее и слаще благодаря применению передовых сельскохозяйственных технологий. Таиланд стал крупнейшим в регионе экспортером орхидей и других растений и плодов. Теоретически Мьянма, одаренная таким же благодатным климатом и землями, могла бы делать то же самое. Но на практике ничего подобного не происходило. И, пожалуй, самым удручающим в этом сравнении двух стран был тот факт, что бирманцам приходилось ездить в Таиланд и обменивать там драгоценные камни на медикаменты и другие медицинские товары. Страна все больше и больше отставала от остального мира.

Циклон «Наргис» стал еще одним звонком к пробуждению как для правящего режима, так и для всего народа Мьянмы. Это стихийное бедствие, обрушившееся на страну в 2008 г., стерло с лица Земли многие населенные пункты и оставило миллионы людей без крыши над головой, однако бирманское правительство не только не сумело оперативно оказать помощь своим бедствующим гражданам, но и отказалось принять помощь от иностранных государств, таких как США и Франция. Это резко контрастирует с реакцией китайского правительства на разрушительное землетрясение в провинции Сычуань, где к спасательным работам немедленно привлекли армию, ситуацию взял под контроль лично премьер-министром Вэнь Цзябао, и весь народ помогал преодолеть последствия катастрофы. Некоторые эксперты считают, что циклон «Наргис» в Мьянме стал переломным моментом, заставившим все слои бирманского общества задуматься о необходимости реформ. Возможно, они недалеки от истины.

Так в 2011 г., без громких фанфар, страна всерьез взялась за свое преобразование. Были освобождены все политические заключенные, которых насчитывались сотни, и в их числе лауреат Нобелевской премии мира Аун Сан Су Чжи. Более того, Аун Сан Су Чжи дали возможность баллотироваться на промежуточных

выборах в парламент в 2012 г., где она, естественно, победила. Одним из мотивов, заставивших правящий режим поторопиться с освобождением политзаключенных и выборами, было его желание убедить Запад отменить санкции в надежде на то, что это стимулирует экономику страны. Поначалу Запад отреагировал крайне осторожно, но потом все-таки признал усилия бирманских властей, и реабилитация Мьянмы на международной арене была окончательно подтверждена визитом в страну президента США Барака Обамы в ноябре 2012 г. В 2015 г. в стране должны пройти свободные и справедливые всеобщие выборы — первые после печально известных выборов 1990 г., когда победу одержала Аун Сан Су Чжи, но военная хунта отказалась признать их результаты. Медленно, но верно Мьянма возвращается к тому, чтобы снова стать нормальной страной.

Решение пойти по пути социализма было принято в 1960-е гг. бирманским лидером генералом Не Вином. Он депортировал индийских предпринимателей, которые были привлечены в страну еще британцами, чтобы обеспечить функционирование ее экономики, и закрыл Бирму от внешнего мира. На долгие 40 лет в стране воцарился застой.

Одно время, примерно лет 10 назад, мне довелось тесно контактировать с генералом Кхин Ньюном, человеком блестящего ума, единственным среди всех генералов, кто понимал необходимость реформ. Я посоветовал ему поучиться у Сухарто: снять военную форму, сформировать политическую партию и победить на выборах. Тогда вы получите поддержку народа и сможете открыть страну, сказал я. Но вскоре после этого Кхин Ньюн был помещен под домашний арест. Я потерял контакт с режимом, но не считал нужным ехать в Мьянму и пытаться убедить их в необходимости перемен — это никак не затрагивало интересы Сингапура, и к тому же многие пытались сделать это и потерпели неудачу. Короче говоря, это было не наше дело.

За последние два года Мьянма сделала важные шаги навстречу остальному миру. Я не думаю, что на этот раз генералы свернут с пути реформ. Единственный вопрос: как быстро они будут двигаться вперед?

Одной из знаковых политических фигур в Мьянме, на которую многие возлагают большие надежды, остается Аун Сан Су Чжи. Эта женщина сплотила вокруг себя большинство противников военной диктатуры. Некоторые считают, что в будущем она может встать у руля страны. Но я сомневаюсь в этом. Она была замужем за англичанином, ее дети наполовину британцы, поэтому, хотя она и является дочерью Аун Сана, освободителя Бирмы, некоторые люди в стране не считают ее в

полной мере бирманкой. В действующей Конституции есть положения, запрещающие ей стать президентом Мьянмы. К тому же она уже в годах — недавно ей исполнилось 68 лет. Но даже если Аун Сан Су Чжи действительно сумеет прийти к власти, ей придется бороться с затянувшимися этническими мятежами, охватившими разные части страны. Сумеет ли она подавить эти сепаратистские движения?

Бирманцы, живущие за границей, — еще одна группа, заинтересованная в том, чтобы страна стала открытой. Это одни из лучших представителей своего народа, которые в свое время были вынуждены покинуть родину. Их дети уже не будут чувствовать каких-либо обязательств перед этой страной, но те, кто покинул Мьянму в молодости или во взрослом возрасте, сохраняют глубокую эмоциональную связь с ней. Если политическая ситуация кардинально изменится и хотя бы часть этих людей удастся убедить вернуться, чтобы начать свой бизнес, это может придать импульс развитию бирманской экономики.

В: В одной из своих предыдущих книг «Горькая правда о пути развития Сингапура» (Hard Truths To Keep Singapore Going) вы описали бирманских генералов как людей с крайне ограниченным мышлением, не понимающих очевидных вещей.

О: Да, бескомпромиссность затмевала их разум. Но даже эти люди в конце концов опомнились и признали, что они наткнулись на кирпичную стену.

В: Сегодня ведется дискуссия по поводу того, что именно стало решающим фактором, подтолкнувшим бирманцев к началу реформирования. Одни говорят, что это было так называемое конструктивное вовлечение со стороны АСЕАН; другие утверждают, что здесь сыграли роль западные санкции. Каково ваше мнение?

О: Не так важно, что именно сыграло решающую роль. Важно, что они решили выбрать другое будущее.

В: Если реформы будут продолжаться и Мьянма откроется миру, увидим ли мы дальнейшее усиление китайского влияния и доминирования в этой стране?

О: Безусловно. Китайцы уже построили скоростную автомагистраль к границе с Мьянмой. К тому же они помогали бирманцам на протяжении многих лет их изоляции. Они стали друзьями, и обе стороны будут держаться за эту дружбу. Индийцы также пытаются наладить дружеские отношения с Мьянмой, предлагая помощь, но я не думаю, что они смогут конкурировать с Китаем.

В: А как насчет американцев? Смогут ли они закрепиться в Мьянме, чтобы конкурировать за влияние в регионе?

О: Американцы находятся слишком далеко, чтобы оказывать серьезное влияние. А у Китая с Мьянмой общая граница в провинции Юньнань.

6. Сингапур. Страна на перекрестке дорог

Политика

В мае 2011 г. в Сингапуре состоялись очередные всеобщие выборы, которые привели к вполне предсказуемым результатам. Партия народного действия (ПНД) набрала в среднем 60,1 % голосов по всей стране и потеряла шесть мандатов, что стало худшим результатом с момента обретения Сингапуром независимости в 1965 г. Ясно, что эпоха почти полного доминирования ПНД не могла длиться вечно. Раньше это было возможным благодаря тому, что поколение, пережившее обретение страной независимости, видело, как быстро повышался уровень жизнь после 1965 г. Но в конце концов прогресс замедлился и стал менее заметным. К тому же молодое поколение выросло в новых условиях и, как следствие, руководствуется совершенно иными соображениями, нежели их родители и деды. Кроме того, свою роль сыграли и отдельные краткосрочные факторы, сделавшие ситуацию в мае 2011 г. менее благоприятной для ПНД, в частности такие как решение лидера оппозиционной Рабочей партии Лоу Тиа Кьяна выйти за пределы своего основного избирательного округа Хуган и баллотироваться в избирательном округе Альджуниед, а также общее недовольство некоторыми аспектами политики правительства. В конце концов потеря одного округа группового представительства[11] в пользу оппозиции стала неизбежной.

Более важный вопрос звучит так: куда мы пойдем дальше? Ответ зависит как от выбора ПНД — ее реакции на изменяющиеся обстоятельства, так и от выбора электората. Здесь играют роль множество непредсказуемых факторов. Тем не менее я уверен в одном: если Сингапур в конце концов решит перейти к двухпартийной системе, мы обречены скатиться в посредственность. Мы утратим весь наш блеск и станем обычной маленькой точкой на карте, если однажды скажем себе: «Какая разница? Давайте станем обычным городом. Зачем нам стараться стать лучше, чем другие города или страны?» Если когда-нибудь Сингапур решит пойти по этому пути, его ждет печальная участь.

22 августа 2012 г. я получил благодарственную открытку от одного сингапурца по имени Джеймс Оу-Ён Кин Хой. Поскольку открытка была написана от руки изящным почерком, можно

предположить, что ее автор не моложе 50 лет. Сегодня молодые люди предпочитают печатать письма, а если и пишут их от руки, то вовсе не так красиво. Он написал следующее: «Моя семья выражает глубокую благодарность Вам за Ваше великолепное руководство страной, которое позволило нашей нации достичь высочайшего прогресса и процветания и жить в мире, счастье, солидарности и безопасности на протяжении всех этих лет. Огромное Вам спасибо! Позвольте нам искренне пожелать Вам мира и радости, мудрости и долголетия и всего наилучшего на будущие годы. И пусть наша любимая страна будет благословенна и милостиво хранима ныне и во веки веков. Да благословит нас Господь».

Я цитирую это послание, чтобы показать, сколь сильно отличается мышление старшего поколения, представителем которого является этот автор, от мышления молодежи, которая принимает благополучие Сингапура как данность. Люди, подобные г-ну Оу-Ён, помнят Сингапур в тяжелые 1960-е гг., когда в стране царили страшнейшая нищета и беззаконие, и видят, каким он стал сегодня — динамичным космополитичным городом-государством с высокообразованным населением и хорошо оплачиваемыми рабочими местами. Многие пожилые сингапурцы, когда-то обитавшие в трущобах, сегодня живут в современных высотках, в благоустроенных безопасных районах. Они хорошо понимают важнейшие задачи, стоящие перед нацией, — что нам потребовалось для того, чтобы добиться таких успехов, и что нам потребуется, чтобы сохранить эти завоевания и добиться еще большего, — а также знают наши уязвимые места. У молодых избирателей нет такой глубины понимания. Родившись в уже процветающем Сингапуре, они смотрят вокруг, видят хорошо отлаженную систему, стабильность и благосостояние, и спрашивают: «Где же чудо?»

На протяжении нескольких десятилетий ПНД получала все или почти все места в парламенте благодаря тому, что основную массу избирателей составляли представители старшего поколения. За время моего пребывания на посту премьер-министра, с 1959 по 1990 г., страна добилась беспрецедентного экономического подъема, и этот прилив поднял все лодки. В результате сингапурцы вновь и вновь подавляющим большинством голосов давали ПНД мандат на управление страной. То же самое происходило и в период с 1990 по 2004 г., после того как на посту премьер-министра меня сменил Го Чок Тонг. Но в конце концов прилив достиг своего пика, и теперь очень трудно превзойти этот пик, чтобы впечатлить избирателей. Подавляющее большинство пожилых сингапурцев по-прежнему

поддерживают нашу партию, потому что хорошо помнят прошлое и понимают, что после того, как экономика достигла расцвета, ей по-прежнему и даже в еще большей степени требуется грамотное управление. А молодые избиратели не понимают этого и уверены в том, что наше процветание никуда не денется.

Демографическое давление неумолимо. На всеобщих выборах 2001 г., последних при правлении Го Чок Тонга, ПНД одержала убедительную победу, получив 75 % голосов и потеряв всего два парламентских места. По состоянию на тот год количество избирателей, рожденных до обретения страной независимости, в два раза превышало количество избирателей, родившихся после этого. В 2011 г. соотношение изменилось и составило 51:49 в пользу избирателей, родившихся после 1965 г. Соответственно, доля голосов, отданных за ПНД, снизилась до 60 %, а оппозиция получила шесть мест.

Разумеется, необходимо принимать во внимание и конкретные обстоятельства, сопровождающие каждые выборы. Например, на двух последних выборах важную роль сыграли следующие краткосрочные факторы: в 2001 г. произошедшие в Америке теракты создали в мире атмосферу неопределенности, которая подтолкнула некоторых избирателей проголосовать за надежную, проверенную в деле партию. А в 2011 г., наоборот, по крайней мере два фактора сработали против ПНД. Первым стало то, что лидер Рабочей партии Лоу Тиа Кьян сумел выставить на выборы яркого кандидата — юриста в области международного корпоративного права по имени Чен Шоу Мао. Тот казался весьма перспективным политиком. Лоу решил баллотироваться в округе группового представительства Альджуниед вместе с Ченом и председателем партии Сильвией Лим. Тем самым он сказал избирателям: «Мы кладем все яйца в одну корзину. Помогите нам выиграть в этом округе». И они выиграли.

Однако Чен не оправдал надежд. В парламенте он произносил по бумажке хорошо подготовленные речи, но в остальном был крайне непоследователен и сумбурен. Политическое поприще оказалось не для него. Если он и обладал глубоким аналитическим умом, то тщательно это скрывал. И это не только мое мнение. Это замечали и политические обозреватели, и избиратели. Впечатляющее резюме этого человека и те общественные ожидания, которые на него возлагались, только усугубляли разочарование.

Еще одним фактором, оказавшим значительное влияние на результаты выборов 2011 г., стало недовольство электората наплывом мигрантов. К сожалению, у нас фактически не было другого выбора, поскольку наше население перестало

воспроизводить само себя. Если мы не будем привлекать иммигрантов и иностранных рабочих, страна придет в упадок. Правительство старается сократить их приток до уровня, вызывающего наименьший дискомфорт. Но недовольство какое-то время будет сохраняться, поскольку связанные с этим последствия невозможно преодолеть в одночасье. Например, хотя транспортные компании интенсивно наращивают автобусные и железнодорожные перевозки, сингапурцам ежедневно приходится ездить на работу и с работы в переполненном транспорте, что становится для них серьезным источником раздражения.

Между тем, чтобы понять фундаментальные тенденции, необходимо отбросить эти краткосрочные факторы. Мы должны спросить: если исключить эти факторы из уравнения на следующих выборах и дальше, вернется ли ситуация к той, что существовала до 2011 г.? Я считаю, что ответ — однозначно нет. Проблема не в одном конкретном кандидате или непопулярной политике правительства в какой-либо конкретной сфере. Причина — в подспудном желании молодых избирателей усилить политическую конкуренцию.

Дальнейшее будет отчасти зависеть от действий ПНД и оппозиции. Сможет ли последняя удовлетворить те ожидания, которые она так упорно создает среди сингапурских избирателей, и стать настоящей работоспособной оппозицией? Сумеет ли она убедить присоединиться к ней достаточное количество талантливых людей — равноценных нынешним министрам ПНД? Я сомневаюсь в этом. Мало кто из успешных бизнесменов, академиков или профессионалов согласится сидеть на скамьях оппозиции четыре-пять сроков, прежде чем у них появится возможность сформировать правительство. Те, кто хотят пойти в политику, предпочитают присоединяться к ПНД. Эта партия уже находится у власти и имеет надежную репутацию.

Между тем ПНД также не будет стоять на месте. Она продолжит продвигать талантливых и серьезных молодых людей, которые будут обращаться к новому поколению избирателей и стараться завоевать их доверие. В 2011 г. мы выдвинули нескольких замечательных молодых кандидатов, которые не только одержали победу на выборах, но и получили посты в правительстве. Хен Сви Кит, ныне министр образования и науки, был лучшим из моих главных личных секретарей. Жаль только, что природа не наградила его крупным телосложением, потому что это имеет значение на массовых митингах. У него один из самых блестящих умов среди всех министров, с которыми мне доводилось работать. Среди других наших кандидатов, победивших на выборах и получивших министерские посты, —

Чань Чунь Син, Тан Чуан-Цзин и Лоуренс Вонг. Мы говорим избирателям: «Мы делаем ставку на высокое качество наших кадров. Мы не собираемся держаться за власть ради власти». Сможет ли оппозиция сформировать что-то сопоставимое с нашей командой молодых министров, не говоря уже о том, чтобы найти равноценную замену премьер-министру Ли Сяньлуну или вице-премьерам Тео Чи Хину и Тарману Шанмугаратнаму?

Тем не менее может случиться так, что, несмотря на все усилия ПНД, молодые сингапурцы захотят не просто усиления политической конкуренции, но полноценную двухпартийную систему. Они имеют право на такой выбор. В конце концов, каждое поколение сингапурцев вправе решать, какую страну оно хочет построить и как организовать общество. Но я надеюсь, что молодые люди не будут принимать это решение легкомысленно и подумают о том, что они могут потерять. Именно им придется испытать на себе все последствия своего выбора, а не мне и другим представителям моего поколения. К тому моменту нас уже не будет в живых.

Самая большая проблема с двухпартийной системой заключается в том, что, когда она существует, лучшие люди предпочитают не идти в политику. Изберут вас или нет, становится непредсказуемым делом. Предвыборные кампании зачастую приобретают нецивилизованный и даже порочный характер. Если вы талантливы и преуспеваете в бизнесе или на профессиональном поприще, зачем вам рисковать своим бизнесом, карьерой и даже семьей, решая принять участие в выборах? Любой нормальный человек предпочтет остаться в стороне от этой грязной кухни и продолжить жить своей комфортной жизнью.

Уже сейчас перед каждыми всеобщими выборами мы сталкиваемся с огромной проблемой, пытаясь убедить лучших людей выдвинуть свои кандидатуры на выборы. Поскольку страна процветает, становится все труднее найти тех, кто готов отказаться от успешной карьеры ради политики. Только представьте, насколько труднее это будет делать при наличии двухпартийной системы! Это не просто будет означать, что наша лучшая команда A разделится на две команды — A и B, которые будут править страной по очереди. Нет, в действительности все будет гораздо хуже: в конце концов проигравшая команда A или B может решить отойти от политики и заняться другими делами, и ей на смену придут менее качественные команды C, D или E.

Если бы, например, имелись серьезные сомнения в том, что Лим Ким Сан сможет получить депутатский мандат, мне вряд ли удалось бы уговорить его прийти в политику. Когда результат

непредсказуем и существуют равные шансы победить или проиграть, нормальная реакция человека — отказаться. Но в случае Лим Ким Сана мы могли с уверенностью сказать, что депутатское кресло ему гарантировано. И как много потерял бы Сингапур, если бы он отказался! Это человек создал Управление жилья и городского развития, отвечающее за государственное жилищное строительство, без которого облик Сингапура сегодня был бы совсем другим. Если же Сингапуром будут управлять посредственные люди, мы быстро растеряем все достигнутое и превратимся в посредственный город.

Если вы посмотрите на страны со сложившейся двухпартийной системой, вы придете к такому же выводу, что и я. В Великобритании, если взять списки лучших выпускников Оксфорда или Кембриджа и отследить их карьеры, можно увидеть, что подавляющее большинство из них стали успешными банкирами, финансистами, другими профессионалами, но никак не политиками. На передних скамьях в британском парламенте сидят вовсе не лучшие из лучших — бизнесмены, юристы или врачи. Аналогичную ситуацию мы видим и в Соединенных Штатах. За пост генерального директора компании из списка *Fortune 500* соперничают гораздо более талантливые кандидаты, чем за пост президента Соединенных Штатов. Ключевое различие между Сингапуром и этими странами заключается в том, что и Америка, и Великобритания будут продолжать процветать даже с посредственными правительствами, а мы — нет. Сингапур — крошечная страна без каких-либо природных ресурсов, к тому же находящаяся в центре исторически нестабильного региона. Чтобы выжить, нам необходимо гениальное правительство.

В настоящее время мы совершаем неразумный — даже в наших условиях — шаг, отходя от политики привлечения лучших через сокращение министерских зарплат. Будь я членом кабинета министров, я выступал бы категорически против этого. Но молодое поколение министров решило последовать модной тенденции. Это верно, что ни одна страна в мире не платит своим министрам так щедро, как мы. Но верно и то, что мало какая страна может сравниться с Сингапуром: нашим уровнем благосостояния, чистотой на улицах, отсутствием коррупции, безопасностью и низким уровнем преступности. У нас вы можете спокойно гулять по ночным улицам. Вас никто не ограбит. Даже женщины чувствуют себя в полной безопасности. Полицейские не берут взяток, и даже за предложение взятки предусмотрено суровое наказание. Ни одно из этих благ не появилось само собой. Такая экосистема была построена под руководством высокооплачиваемых министров.

Каждое сокращение министерских зарплат будет делать все весомее ту жертву, которую должен принести человек, отказываясь от успешной банковской или любой другой профессиональной карьеры в пользу поста министра. В конечном итоге некоторые скажут: «Хорошо, я готов выполнить свой долг перед родиной, прослужив на посту министра половину срока — два с половиной года. Но не больше. Потом я займусь своими делами». В результате мы получим вереницу быстро сменяющих друг друга министров, которым неизбежно будет недоставать глубокого понимания вопросов и стимула к долгосрочному стратегическому мышлению.

Будет ли существовать Сингапур через 100 лет? Я не знаю. Америка, Китай, Великобритания, Австралия — эти страны останутся на карте мира и через 100 лет, и после этого срока. Но такого государства, как Сингапур, совсем недавно не было и в помине. Старшее поколение сингапурцев построило эту страну с нуля — и, надо сказать, сделало это превосходно! Когда я возглавлял страну, я делал все возможное для того, чтобы закрепить наши успехи. То же самое делал и Го Чок Тонг. Под руководством Ли Сяньлуна и его команды, я уверен, страна будет процветать по крайней мере еще ближайшие 10–15 лет. Но потом все будет зависеть от выбора, который сделает молодое поколение сингапурцев. И, что бы они ни выбрали, я абсолютно уверен в одном: если у Сингапура будет посредственное правительство, мы обречены. Страна канет в небытие.

В: Значит, после выборов 2011 г. мы видим у власти более популистское правительство?

О: Нет, я так не считаю. Мы проиграли всего в одном округе группового представительства, то есть потеряли шесть мест в парламенте. Это не катастрофа.

В: Вы говорите, что ПНД выставляет на выборы достойных кандидатов, которые затем получают портфели министров, например таких как Хен Сви Кит. Но, судя по всему, молодое поколение хочет видеть больше оппозиционных депутатов, независимо от их достоинств…

О: Я не могу предсказать, какой выбор в конце концов сделают молодые сингапурцы, как и не могу отвергать их право на этот выбор.

В: Но вас не тревожит эта тенденция?

О: Нет, я выполнил свою работу. Сейчас мне 89 лет. Стоит ли мне волноваться, что может наступить конец света? Я сделал все, что мог. Я создал прозрачную, меритократическую и открытую систему.

В: Но вы уверены, что решение создать двухпартийную

систему неизбежно приведет Сингапур к посредственности?

О: Да, неизбежно. Это произойдет и в том случае, если молодое поколение сингапурцев решит, что мы можем быть обычным городом или страной.

В: Будет ли к тому времени ПНД по-прежнему находиться у власти?

О: Я не знаю, будет ли ПНД находиться у власти даже через три, четыре или пять следующих выборов.

В: Но если ПНД будет способна меняться и идти в ногу с народными ожиданиями…

О: Скажите мне, как она должна измениться и каковы эти народные ожидания?

В: Например, многие люди хотели бы, чтобы основные ценности ПНД оставались прежними, но стали более «человечными».

О: Более человечными? Что это значит?

В: Во-первых, министры должны быть менее начальственными. Во-вторых, необходимо увеличить расходы на социальную сферу. Разумеется, это повлечет за собой налоговые последствия. По сути, это два основных требования, которые выдвигают люди.

О: Что вы имеете в виду под «менее начальственными» министрами?

О: Стать менее нравоучительными. Больше консультироваться с общественностью при разработке политики.

О: Посмотрите на наших вице-премьеров Тео Чи Хина и Тармана Шанмугаратнама — они полностью соответствуют этим требованиям.

В: Во время и после последних всеобщих выборов звучало мнение, что ПНД должна кардинально измениться.

О: Я не слышал. Кто об этом говорил?

В: Например, Джордж Ео.

О: Джордж Ео проиграл на выборах. А каждое поражение должно сопровождаться тщательным анализом причин. Но это не означает, что оно должно становиться поводом для пересмотра фундаментальных ценностей и подходов.

В: По поводу зарплат министров… Вы убеждены, что в этом вопросе правительство необдуманно идет на поводу у общественных настроений?

О: Нет, я не говорю, что оно идет на поводу. Оно пытается соответствовать изменениям в ожиданиях нашего народа.

В: Но, на ваш взгляд, это чревато негативными последствиями.

О: Несомненно.

В: Тем не менее, даже несмотря на высокие министерские зарплаты, многие руководящие кадры от ПНД приходили из государственного, а не частного сектора.

О: Это не так. Возьмите Лим Ким Сана. И многих других.

В: Но это была другая эпоха, когда к денежной стороне вопроса относились иначе, чем сегодня.

О: Нет, зарплата все равно имела значение. Если бы Лим Ким Сану приходилось жертвовать слишком многим, он бы ушел после первого срока. Но он вошел во вкус, создал Управление жилья и городского развития и обеспечил жильем всех наших граждан. Проработав один срок, он понял, что игра стоит свеч.

В: Что вас больше всего тревожит в будущем Сингапура?

О: Меня больше ничего не тревожит. Я сделал свою работу. Я нашел преемника и передал страну следующему поколению. Дальше от меня ничего не зависит. Я больше не тот энергичный молодой человек, полный сил и стремлений, каким я был когда-то, и я не буду жить вечно.

В: Но, когда вы думаете о том, что ждет Сингапур впереди, это не вызывает у вас грусть?

О: Честно говоря, я смирился с тем, что произойдет. Какой смысл печалиться? Судьба Сингапура находится в руках нынешнего молодого поколения. Все зависит от того, что они будут делать, насколько они разделяют ценности своих родителей.

В: А не можем ли мы достичь некоего равновесия между доминированием ПНД, как это было в прошлом, и полноценной двухпартийной системой? Например, две трети мест правящей партии, одна треть — оппозиции…

О: Как такое возможно? Если у вас трое детей, вы убедите двоих голосовать за ПНД и одного за оппозицию?

Население

Если бы я управлял Сингапуром сегодня, я бы ввел пособие по рождению ребенка в размере средней сингапурской зарплаты за два года. Этой суммы достаточно, чтобы вырастить ребенка с рождения, как минимум, до школьного возраста. Рассчитывал бы я на то, что эта мера приведет к значительному приросту рождаемости? Нет. Я убежден, что даже огромные денежные стимулы способны оказать лишь очень незначительное влияние на повышение этого показателя. Но я бы все-таки пошел на такой шаг и ввел пособие по крайней мере сроком на год, чтобы устранить всякие сомнения в том, что наш низкий уровень

рождаемости не обусловлен экономическими или финансовыми факторами, такими как высокая стоимость жизни или отсутствие государственной помощи родителям, а является результатом изменения образа жизни и менталитета. Кроме того, когда станет очевидно, что никакими стимулами невозможно побудить сингапурцев иметь больше детей, мы будем вынуждены реалистично оценить ситуацию и спросить у себя, какие у нас есть альтернативы, чтобы не допустить исчезновения нашего общества в течение нескольких поколений.

В 1959 г., когда я стал премьер-министром, в Сингапуре родилось 62 000 детей. Но в течение следующих 50 лет ситуация радикально изменилась. Численность постоянного населения выросла более чем в два раза, но количество детей резко сократилось. В 2011 г. в нашей стране родились всего 39 654 ребенка. Если в конце 1980-х гг. суммарный коэффициент рождаемости составлял почти 2,0 ребенка на одну женщину, то к 2010 г. он снизился до минимальных 1,15. При этом для простого воспроизводства населения необходим коэффициент в 2,1. Небольшой всплеск рождаемости происходит каждый раз, когда по китайскому календарю наступает год Дракона (1988, 2000, 2012 гг.), но и он постепенно сокращается в соответствии с долгосрочной тенденцией на спад.

Какой бы срез населения вы ни взяли, уровень рождаемости стабильно снижается среди всех демографических групп. В настоящее время суммарный коэффициент рождаемости (по предварительным данным на 2012 г.) составляет 1,18 ребенка для китайцев, 1,14 для индийцев и 1,69 для малайцев. Это означает, что, если ничего не предпринять, с каждым следующим поколением численность китайцев и индийцев будет сокращаться примерно вдвое, а малайцев на одну пятую. Кроме того, все больше сингапурцев предпочитают вообще не вступать в брак или же делать это как можно позже и заводить мало детей. Даже среди замужних женщин в возрасте от 30 до 39 лет за последние 10 лет коэффициент рождаемости снизился с 1,74 до 1,48, а для женщин в возрасте от 40 до 49 лет — с 2,17 до 1,99. В то же время процент людей, не состоящих в браке, вырос до 45,6 % среди мужчин в возрасте от 30 до 34 лет и до 32,3 % среди женщин того же возраста.

При таком уровне рождаемости без иммиграции нагрузка, создаваемая стареющим населением на молодежь, станет непосильной в течение одного поколения. Количество людей трудоспособного возраста в расчете на одного пенсионера старше 65 лет уменьшится с 5,9 в 2012 г. до 2,1 в 2030 г. Похожие проблемы с воспроизводством испытывают только панды, но им

не нужно беспокоиться о том, что они не смогут обеспечить своих стариков.

Некоторые считают, что сегодняшние проблемы Сингапура могут быть следствием слишком успешной правительственной кампании «Остановитесь на двоих», проводившейся в 1970-е гг. Это абсурдное предположение. Сингапур в этом вопросе не исключение. Изменение образа жизни со всеми вытекающими отсюда последствиями произошло во всех развитых странах мира, от Японии до Европы. Получив равные с мужчинами возможности образования и трудоустройства, женщины перестали видеть свою главную роль в том, чтобы рожать детей и заниматься домашним хозяйством. Они хотят строить карьеру наравне с мужчинами. Они хотят больше свободного времени. Они хотят путешествовать и видеть мир. Финансовая независимость значительно изменила их взгляды на то, за кого стоит выходить замуж и стоит ли это делать вообще. Время невозможно повернуть вспять, разве что закрыть женщинам доступ к образованию, но это бессмысленный шаг.

Во многих западных странах за последние десятилетия сформировалась культура терпимого отношения не только к сожительству, но и к воспитанию детей вне брака. Это смягчило проблему рождаемости, сняв для женщин многие традиционные ограничения. В этих обществах на матерях-одиночках не лежит такого социального клейма, как в Азии. Некоторые западные страны предоставляют одиноким матерям столь щедрую помощь, что тем самым невольно поощряют решение не вступать в брак. В этом вопросе Сингапур остается более традиционным азиатским обществом. Несмотря на то, что сожительство существует, незамужних женщин с детьми крайне мало, потому что табу остается очень сильным. Если бы социальные нормы изменились, это могло бы привести к увеличению рождаемости. Но подобные изменения происходят очень медленно, и правительство не может двигаться в этом щепетильном вопросе быстрее населения. Кроме того, увеличение количества рожденных вне брака детей может вызвать ряд других социальных проблем, как это видно на примере стран, где процент неполных семей высок.

Многие сингапурцы высказывают недовольство нашей иммиграционной политикой, но мы пришли к ней методом исключения. Людям свойственно чувствовать себя некомфортно с теми, кто выглядит, говорит и ведет себя иначе, чем они. Я бы тоже хотел видеть вокруг привычные лица. Но проблема в том, что мы перестали воспроизводить сами себя. Следовательно, у нас есть два варианта: взглянуть в лицо реальности и признать, что наше общество не может обойтись без некоторого количества

иммигрантов, либо позволить Сингапуру постепенно стареть, терять свою жизненную силу и в конце концов исчезнуть с лица Земли.

У иммиграции есть три важных ограничения.

Во-первых, ее темпы должны быть удобоваримыми для общества, иначе мы получим резкую негативную реакцию со стороны населения. Наше общество должно прийти к консенсусу в отношении того, какой уровень иммиграции для нас приемлем. На данный момент мы можем спокойно принимать порядка 15 000–25 000 иммигрантов в год. При меньшем их притоке мы не сможем предотвратить сокращение населения, учитывая нынешний уровень рождаемости. Если же правительство сумеет донести до общества всю серьезность ситуации и привлечь его на свою сторону, мы, в идеале, сможем увеличить эти цифры, особенно в те годы, когда проблема стареющего населения встанет особенно остро.

Во-вторых, даже если сингапурцы повысят порог толерантности, существует определенный уровень иммиграции, превышать который не следует, если мы не хотим увидеть значительных изменений в культуре и характере сингапурской нации. Когда иммигранты понимают, что их гораздо меньше, чем местного населения, они, как правило, стремятся ассимилироваться и перенять его культуру. Процесс интеграции завершается если не в первом поколении, то во втором. Но когда количество иммигрантов достигает определенной критической массы, у них возникает желание сохранить свою национальную идентичность и занять отдельное место в обществе. Если их количество достаточно велико, они могут оказать заметное влияние на местную культуру. Чтобы быть справедливым, некоторые из этих изменений могут быть положительными, даже если они вызывают у местного населения дискомфорт. Но если мы позволим себе достичь такой точки, то потеряем всякий контроль над тем, какие составляющие чужой культуры мы хотели бы позаимствовать, а какие нет. Нам уже приходится сталкиваться с некоторыми однозначно негативными элементами чужих культур. Например, некоторые иммигранты приезжают из моноэтнических стран, где нет традиций сосуществования разных народов. Или же в их странах приняты совершенно другие отношения между разными слоями общества, чем у нас в Сингапуре. Иммигранты неумышленно привносят с собой эти социальные отношения, не вписывающиеся в сингапурскую культуру и традиции, что неизбежно приводит к трениям. Мы должны принять все меры к тому, чтобы защитить наш образ жизни и нашу культуру от таких неправомерных посягательств.

Наконец, как показывает опыт, иммигранты не повышают наш уровень рождаемости, потому что рожают так же мало, как сингапурцы. Они компенсируют нехватку молодежи, но не воспроизводят сами себя. Следовательно, каждое новое поколение иммигрантов не решает фундаментальную проблему убыли населения раз и навсегда, а только временно смягчает ее. Вот почему нам требуется постоянный приток иммигрантов. Единственным надежным способом решить эту проблему стала бы готовность людей изменить образ жизни и иметь больше детей, но насколько это реально?

Тем не менее, даже признавая все названные ограничения, мы должны понимать, что в краткосрочной перспективе у нас нет никаких альтернатив иммиграции. Мы должны оставаться открытыми для того разнообразия, которое иммигранты привносят с собой в наше общество. Если грамотно его использовать, разнообразие в наших учебных заведениях и на рабочих местах может расширить наши горизонты мышления и способствовать конструктивному обмену идеями. Постоянные жители — это потенциальные граждане, даже если мы или они сами еще не приняли окончательного решения по поводу сингапурского гражданства. Наша задача — принимать иммигрантов в таком количестве, которое позволит нам эффективно интегрировать их в наше общество, поощряя перенимать наши ценности и нормы, чтобы в конечном итоге формировать из них надежный пул потенциальных граждан. Что касается временных работников, то мы признаем их позитивную роль в развитии и улучшении Сингапура, но эти люди работают у нас несколько лет, после чего уезжают к себе домой, поэтому они никак не помогают нам решить проблему стареющего населения.

У меня семь внуков в возрасте чуть старше 20 лет. Никто из них не состоит в браке, и, как я подозреваю, никто из них не собирается создавать семью до 30 лет, когда будет уже слишком поздно заводить много детей. В этом они не отличаются от большинства своих сверстников. Это другое поколение, у которого совсем другие ожидания от жизни. К сожалению, каждому человеку свойственно принимать решения исходя из своих рациональных соображений, мировоззрения и планов, не думая об интересах общества. Но последствия этой тенденции для Сингапура могут быть весьма плачевны. Существует ли хотя бы одна страна в мире, способная процветать при убывающем населении? Если бы меня попросили назвать одну проблему, которая представляет собой наибольшую угрозу для выживания Сингапура, я бы назвал демографию. В свое время я не сумел решить эту проблему и сдался. Теперь я передал бразды

правления страной новому поколению лидеров. Будем надеяться, что они или их преемники в конце концов найдут выход.

В: Как вы думаете, сумеет ли новое поколение лидеров решить демографическую проблему?

О: Спросите лучше у них. Что еще они могут сделать? Вице-премьер Тео Чи Хин разработал «Белую книгу по вопросам народонаселения». Давайте подождем несколько лет и посмотрим, сработают ли эти меры. Мы просим людей предлагать свои идеи. Если мы решим, что они целесообразны, то возьмем их на вооружение. Корень демографической проблемы — в радикальном изменении образа жизни. Немцы не воспроизводят сами себя, поэтому приглашают в страну турок. Ни один из азиатских тигров не воспроизводит сам себя. Это удается только американцам, да и то, вероятно, за счет латиноамериканцев с их огромными семьями, а не за счет белого населения. Китайцы горько пожалеют о своей политике «одна семья — один ребенок», когда придут к тому, что один молодой китаец будет вынужден обеспечивать четверых стариков.

В: Не следует ли нам перенять скандинавскую модель с ее системой обширной поддержки на дошкольном уровне и детскими дошкольными учреждениями, чтобы облегчить нагрузку для семей с маленькими детьми?

О: Нет. Как я уже говорил, в скандинавских странах общество функционирует как одна большая семья. Они готовы делиться друг с другом. Я не думаю, что мы должны обременять наше население такими высокими налогами. К тому же есть вероятность того, что даже бесплатные или субсидируемые детские сады не приведут к повышению рождаемости.

В: Еще одна проблема, с которой часто связывают низкую рождаемость, — жилищная. Говорят, что цены на жилье настолько высоки, что съедают значительную часть семейного бюджета, поэтому на детей денег уже не остается. Кроме того, квартиры, которые сегодня строятся, становятся все меньше и меньше.

О: Да, у нас мало земли. Но, как я уже сказал, демографическая проблема связана в первую очередь с изменением образа жизни, а не какими-либо другими факторами. Раньше сингапурцы жили куда более скученно, но рожали больше детей.

В: Мы могли бы строить 50-этажные дома…

О: Вы читали Кха Бун Вана? Он говорит, что решит эту проблему в ближайшие несколько лет. Но это не означает, что будут строиться большие квартиры. Вы предлагаете строить высокие дома. Но высокие дома — это более высокая стоимость

строительства, более дорогое обслуживание, более дорогие лифты.

В: Нам нужно найти способ снизить цены…

О: Нет, нам нужно найти способ, как убедить людей иметь больше детей. Безусловно, в более просторных или менее дорогих квартирах люди станут счастливее, но по-прежнему будут довольствоваться одним ребенком. Проблема в образе жизни. Даже семейные пары не воспроизводят сами себя. Хотя среди состоящих в браке людей коэффициент рождаемости выше, чем в среднем по стране, он не дотягивает до 2,1. А поскольку сегодня каждая третья женщина в возрасте 30 лет не состоит в браке, семейные пары должны рожать, как минимум, три ребенка, чтобы обеспечить простое воспроизводство населения.

В: Возможно, большинство не состоящих в браке людей хотят создать семью. Просто по какой-то причине не могут найти подходящего партнера…

О: «Какая-то причина» — это их комфортная жизнь. Сегодня женщины в состоянии обеспечивать сами себя и могут позволить себе ждать «идеального мужчину» — желательно такого, который зарабатывает больше них. А если такой мужчина не появляется, они остаются незамужними.

В: В настоящее время реализуются некоторые меры по субсидированию экстракорпорального оплодотворения. Не следует ли нам подумать над расширением этой программы субсидирования, тем более что люди стали вступать в брак в более позднем возрасте и могут нуждаться в помощи новейших медицинских технологий?

О: Это опасный путь. ЭКО дает высокий процент многоплодных беременностей и, учитывая возраст матерей, риск преждевременных родов. Кроме того, здесь необходимо поддерживать тонкий баланс. Нельзя поощрять людей откладывать вступление в брак из-за ложного убеждения в том, что оплодотворение в пробирке решит проблему с детьми.

В: Предположим, что наплыв иммигрантов все же изменит сингапурское общество. Какими могут быть эти изменения?

О: Все зависит от того, откуда прибудут эти иммигранты.

О: Например, из Китая?

О: Не просто из Китая, а из разных частей Китая. Мы получим многоязычное общество. Даже если все они будут говорить на мандаринском диалекте, у них будет разный культурный багаж, и всем им придется приспосабливаться к нашей культуре, нашим устоям. Но, если они станут большинством, они могут изменить нас.

В: Возможно, нам стоит отдавать предпочтение иммигрантам

из южных провинций Китая, поскольку большинство сингапурских китайцев происходят именно оттуда? Например, некоторые отмечают, что иммигранты из провинции Фуцзянь интегрируются намного лучше, чем китайцы с севера.

О: Нет, мы не смотрим на провинции. Нас интересуют такие ключевые критерии, как ассимилируемость, экономический вклад и квалификация. Иммигранты интегрируются за одно поколение. Их дети уже становятся сингапурцами. Мы хотим привлекать талантливых и способных людей независимо от того, говорят ли они на кантонском или хок-кьене.

В: Приток иммигрантов, помимо прочего, меняет национальный состав нашего населения…

О: Мы стараемся поддерживать существующий состав, сбалансированный и устоявшийся. Если же приток одной группы изменит баланс, у нас начнутся проблемы. На сегодняшний день индийцы уже догоняют малайцев — не только по числу граждан, но и по числу постоянных жителей. Это вызвано тем, что мы приняли много квалифицированных индийских ИТ-специалистов, и у нас в Сингапуре есть четыре индийские школы. Это вызывает некоторое беспокойство.

В: Значит, скоро индийцев станет больше, чем малайцев?

О: Нет. Мы не допустим этого.

Экономика

Сингапур имеет одну из самых открытых экономик в мире. После отделения от Малайзии у нас, как у отрезанного от материка портового города, не было иного пути развития, кроме как создать обширные связи с остальным миром. И нам удалось сделать это на волне подъема, который начался в мире после Второй мировой войны. По данным Всемирной торговой организации, сегодня объем внешней торговли Сингапура намного превышает ВВП (416 %), и по этому показателю мы значительно опережаем соседние Малайзию (167 %) и Индонезию (47 %), а также другие страны Азии, реализующие экспортно ориентированную стратегию, такие как Тайвань (135 %), Южная Корея (107 %) и Таиланд (138 %). Только Гонконг (393 %) может сравниться с Сингапуром по степени открытости своей экономики, да и то только в том случае, если рассматривать как внешнюю его торговлю с Китаем.

Из-за нашей зависимости от этих связей мы всегда будем очень чувствительны к факторам, которые находятся вне нашего контроля и определяются тем, что происходит в других частях

мира. Мы делаем все возможное, чтобы рассредоточить риски, избегая полагаться на одну внешнюю силу. Но когда во всех крупнейших экономиках мира происходит замедление темпов роста, невозможно ожидать, что это никак не отразится на Сингапуре. Следовательно, если сегодня экономики развитых стран Запада могут расти со скоростью 2–3 % в год, а китайская со скоростью 7–8 %, мы может рассчитывать в лучшем случае на средние 2–4 %.

Если в Юго-Восточной Азии возникнут какие-либо волнения, мы пострадаем. Мультинациональные корпорации будут рассматривать весь наш регион как нестабильный и могут уйти отсюда или отказаться от дополнительных инвестиций. К счастью, в настоящее время такой сценарий маловероятен. Малайзия ведет себя спокойно. Индонезия давно отошла от агрессивной риторики и воинственности времен Сукарно. Мьянма постепенно начинает открываться миру. Таиланд всегда был свободным рынком. Таким образом на данный момент в регионе царят мир и спокойствие, и Сингапуру выгодно, чтобы так продолжалось и дальше.

Мир и спокойствие должны сохраняться и внутри страны. Если Сингапур вернется в 1950-е гг., когда китайские учащиеся и рабочие устраивали сидячие забастовки и акции протеста и по всему городу были развешаны плакаты, служившие постоянным напоминанием об острой политической борьбе и расколе в обществе, разве захотят инвесторы вкладывать сюда свои капиталы? Зачем им нужна эта головная боль? Сегодня, как и на протяжении всех последних десятилетий, отношения в промышленном секторе носят вполне мирный характер, во многом благодаря упорному труду профсоюзных лидеров первого поколения, таких как Деван Наир, которые думали не только об интересах рабочего класса, но и о благополучии общества в целом. Они старались урегулировать споры мирно, но эффективно, не нанося ущерба стране и не нарушая функционирования основных систем. Для иностранных компаний такие мирные отношения в промышленном секторе — один из ключевых факторов, привлекающих их в Сингапур. Чтобы укрепить эту трехстороннюю систему, в нашем кабинете министров есть представитель от профсоюзов. Если же эта система, основанная на доверии и взаимопонимании между профсоюзами, правительством и бизнесом, будет разрушена, Сингапур окажется в очень опасном положении.

Наконец, мы должны поддерживать высокую конкурентоспособность на глобальной арене, гибко и быстро адаптируясь к новым реалиям. Каковы будут эти реалии через

два-три десятилетия, я не могу сказать. Но мы будем находиться в выгодном положении, если сохраним те преимущества, которые были созданы нами в прошлом: высокообразованную рабочую силу, для которой первый язык — английский и второй — китайский, верховенство права, уважение к интеллектуальной собственности, стремление быть на гребне самых передовых технологий во всех областях, прозрачность и отсутствие коррупции в правительстве, а также режим благоприятствования для ведения бизнеса.

К сожалению, по мере экономического роста мы неизбежно столкнемся с проблемой увеличивающегося разрыва в доходах. Эта проблема характерна не только для Сингапура. Таков характер конкуренции в новом глобальном мире: зарплаты низкооплачиваемой рабочей силы будут еще больше снижаться, а пакеты вознаграждения тех, кто находится наверху, — наиболее мобильных и востребованных профессионалов — расти. Для преодоления этого разрыва мы делаем гораздо больше, чем утверждают наши критики. Возьмите Европу с ее идеологией всеобщего благоденствия. Какой европейский город может похвастаться тем, что обеспечил государственным жильем более 80 % своих постоянных жителей, подавляющее большинство которых стали собственниками этого жилья?

Это не значит, что мы можем позволить себе самоуспокоенность. Правительство должно принять все меры для сокращения разрыва в доходах, иначе народ Сингапура утратит единство. Вопрос заключается в следующем: как сделать это таким образом, чтобы не снизить конкурентоспособность страны?

Я против того, чтобы пытаться решить эту проблему через ограничение свободного рынка. Это извращает стимулы и порождает неэффективность, от которой впоследствии крайне трудно избавиться. Один из таких примеров — установление минимальной заработной платы. Гораздо лучший подход — позволить свободному рынку функционировать естественным образом и достичь оптимального экономического результата, прежде чем правительство сможет вмешаться в конечную часть этого процесса и обложить налогами богатых, чтобы перераспределить часть доходов среди бедных. В определенной степени Сингапур так и поступает. Богатые несут на себе гораздо более высокую налоговую нагрузку — в виде индивидуального подоходного налога, налогов на товары и услуги, на недвижимость и т. д., тем самым увеличивая доходы нашего бюджета. А мы используем их для помощи бедным через возмещение налогов на товары и услуги, субсидии на приобретение жилья, предоставляемые Управлением жилья и

городского строительства, трудовые пособия, и многие другие схемы перераспределения доходов. Но мы должны быть осторожны и не переусердствовать с увеличением налогового бремени на богатых, иначе эти люди попросту покинут страну. Некоторые представители старшего поколения могут остаться, несмотря ни на что, потому что они глубоко пустили корни, но если вы молоды и талантливы и перед вами открыт весь мир, соблазн уехать будет непреодолим.

Некоторые утверждают, что к увеличению разрыва в доходах привел интенсивный приток иностранных рабочих в последнее десятилетие, поскольку это затормозило рост зарплат для местной низкоквалифицированной рабочей силы. Я считаю, что отчасти это действительно так. Но реальность заключается в том, что, если бы мы не позволили иностранным рабочим приехать в страну, наш сектор малого и среднего бизнеса, на долю которого приходится почти половина ВВП и 70 % всех рабочих мест, постиг бы крах, что имело бы куда более тяжелые последствия для малообеспеченных сингапурцев. В настоящее время мы почти достигли того предела, когда страна больше не может принимать иностранных рабочих с учетом таких ограничивающих факторов, как дискомфорт для местного населения и наличие жилья, поэтому в последние несколько лет правительство начало сокращать их поток. Но вышеуказанная зависимость по-прежнему сохраняется: резкое сокращение притока иностранной рабочей силы неизбежно приведет к значительному экономическому спаду. Правительство старается поддерживать баланс, но население, к сожалению, пока не может оценить его усилия в полной мере, по понятным причинам требуя более популистской политики. Однако именно правительство несет ответственность за то, чтобы обеспечить условия для долгосрочного процветания и роста нашей экономики.

В: С точки зрения экономического роста, какое изменение стратегии могло бы дать наилучшие результаты?

О: Когда речь идет об экономическом росте, лучшая стратегия — увеличить внутреннее потребление. Но с нашим малочисленным населением это ничего не даст. Китаю или Индии есть смысл стимулировать внутреннее потребление. Нам — нет.

В: А как насчет того, чтобы выявлять и развивать определенные перспективные отрасли, как это было с медико-биологическими разработками?

О: Разумеется, мы можем это делать. Но мы должны быть абсолютно уверены в том, что в этом секторе имеется потенциал для продолжительного роста и у нас есть необходимый кадровый

резерв, чтобы поддерживать лидерство в этом секторе.

В: Была ли у нас такая уверенность, когда мы решили сделать, как оказалось, выигрышную ставку на медико-биологические разработки?

О: Думаю, эту ставку пока нельзя назвать выигрышной. Да, мы обучили большое количество превосходных специалистов, которые в настоящее время занимаются исследованиями и разработками в этой области, но от создания хорошей исследовательской базы до получения реальных экономических дивидендов — долгий путь.

В: По части роста производительности труда мы отстаем от многих развитых стран. В сфере промышленного производства и обслуживания наш уровень производительности составляет всего 55–65 % от этого показателя в Японии или США…

О: Причина в том, что к нам приезжает достаточно много мигрантов, не имеющих необходимой квалификации и не говорящих по-английски. Некоторые из них получают разрешение на работу, проходят обучение, работают несколько лет, а потом возвращаются домой.

В: Переходя к вопросу о неравенстве доходов: разве мы не можем поднять зарплаты малообеспеченным сингапурцам, несмотря на все описанные вами реалии, с которыми сталкивается Сингапур?

О: Неравенство возникает вследствие того, что существует огромный резерв низкоквалифицированной рабочей силы, причем не только в Сингапуре, но и в Китае и Индии. Поэтому разрыв в доходах неизбежно будет расти. Но спросите себя, сколько мелких и средних компаний разорится, если мы перекроем приток иностранных рабочих?

В: Но разве это не ситуация курицы и яйца? Малый и средний бизнес опирается на иностранцев именно потому, что их нанять проще и дешевле. Но если ограничить приток дешевой рабочей силы, компании будут вынуждены искать новые методы работы. Некоторые из них могут разориться, но, возможно, как раз избавление от малоэффективных компаний позволит сделать экономику более продуктивной?

О: Если перекрыть поток иностранной рабочей силы, сектор малого и среднего бизнеса просто рухнет.

В: Может быть, это будет не катастрофой, а необходимым переходом, который позволит нам выйти на новый уровень?

О: Если этот сектор рухнет, мы потеряем больше половины нашей экономики.

В: Но ведь сейчас правительство именно это и делает — оно пытается ограничить приток иностранной рабочей силы…

О: Да, потому что население Сингапура чувствует себя некомфортно из-за большого количества иностранцев. Но причина не в экономике. Чтобы росла экономика, должен расти и приток иностранных рабочих.

В: Значит, нас ждет замедление экономического роста, так как мы начали закрывать этот кран? И это грозит нам потерей половины нашей экономики?

О: Это было бы неизбежно, если бы мы выгнали из страны всех иностранных рабочих. Но мы поддерживаем их количество на одном уровне, просто ограничиваем приток новых. Мы не закрываем кран полностью. Если мы его закроем, начнутся проблемы.

В: В настоящее время у нас очень низкие налоговые ставки по сравнению со многими другими развитыми странами. Мы можем их повысить?

О: Если повысить их слишком сильно, лучшие люди начнут уезжать. Уже сейчас мы теряем наши таланты. Многие из наших лучших студентов едут учиться в Америку, там их нанимают крупные компании, и они больше не возвращаются. Большинство людей среднего и старшего возраста останутся дома, несмотря ни на что. У них нет выбора. Но самые мобильные и востребованные будут покидать страну в массовом порядке. А без талантливых людей Сингапур перестанет быть тем, что он есть. Только представьте: что, если бы в моем кабинете министров не было таких людей, как Го Кен Сви, Синнатамби Раджаратнам, Лим Ким Сан, которые помогли построить сегодняшний Сингапур? Сегодня они, скорее всего, уехали бы в Америку, получили бы работу в Microsoft и больше не вернулись бы.

В: Но вы и другие представители вашего поколения решили вернуться в Сингапур после того, как получили образование в лучших университетах мира. Разве сегодняшние молодые сингапурцы не будут стремиться вернуться, если будут чувствовать долг перед родиной или желание принести пользу?

О: У моего поколения просто не было возможности остаться в Америке или Англии после окончания учебы.

В: То есть вы не могли остаться в Англии и работать там юристом?

О: Нет, у меня не было лицензии на юридическую практику, и я не смог бы зарабатывать себе там на жизнь. Поэтому я вернулся в Сингапур.

В: А как насчет поколения премьер-министра Ли Сяньлуна? Возможно, решение вернуться обуславливается не только лишь экономическими соображениями?

О: Единственная причина, по которой они возвращаются, —

их родители.

В: Это весомая причина. Но есть еще чувство патриотизма, желание сделать свой вклад, принести пользу стране…

О: Они живут в глобальном мире. Сегодня их домом стала вся планета.

В: Но, может быть, с Сингапуром их связывают особые связи?

О: Раньше, когда мир не был глобальным, такие связи существовали. Сейчас — нет.

В: Вы следили за ходом дебатов, вызванных заявлением профессора Лим Чон Яха о необходимости очередной революции в сфере заработной платы?

О: Лим Чон Ях — академик. Он сделал это заявление ради провокации. Он просто вышел к микрофону и сказал: «Если вы серьезно подходите к этому вопросу, вы должны сделать то-то и то-то». Но премьер-министр и министры не восприняли его всерьез. Один министр ответил ему, и он признал, что просто вбросил мяч, чтобы другие его подхватили, — у него не было цели забить его в ворота.

В: Но, учитывая его положение в правительстве, у него нет возможности забить мяч в ворота.

О: Нет. Но он мог бы разработать пошаговый план: шаг 1, шаг 2, шаг 3, шаг 4, шаг 5, гол!

В: По мере того как мир все больше переходит к экономике знаний, не сможет ли Сингапур в конце концов зарабатывать себе на жизнь инновациями и прорывными идеями, например такими, как создание нового Twitter или Facebook?

О: Нет. Сколько среди нас может найтись Биллов Гейтсов? Нас всего 3 млн. Китайцев — 1,3 млрд, но по своей способности к инновациям эта нация и близко не может сравниться с американцами. Индийцы тоже. Почему? Потому что в Америку начиная со времен отцов-пилигримов иммигрировали лучшие люди со всего мира.

7. Ближний восток. Весна без лета

Когда волна нынешней эйфории по поводу так называемой «арабской весны» наконец-то схлынет, весь мир с удивлением обнаружит, что, по сути, в регионе не произошло никаких фундаментальных изменений. Какими бы значительными ни казались перемены сегодня и какими бы сенсационными ни пытались их представить журналисты, когда несколько десятилетий спустя мы оглянемся назад, едва ли какие-либо из них будут выглядеть действительно значимыми и устойчивыми сдвигами в направлении заветной демократизации. Гораздо вероятнее, что эти демократические эксперименты долго не продлятся, и многие из стран, которые предприняли пробные шаги в сторону всеобщих прямых выборов по принципу «один человек — один голос», вернутся к привычной форме правления со стоящим у власти авторитарным лидером или кланом. Другими словами, за весной последует лето, затем осень — и снова зима. Жизнь вернется в свою колею, накатанную тысячелетиями.

На Ближнем Востоке никогда не выбирали правителей и не принимали решения путем голосования. В истории этого региона никогда не было демократических традиций, присущих западным обществам, — ни во времена древних исламских государств, ни в более поздней колониальной истории, ни в современную постколониальную эпоху. Когда английские и французские протектораты распались на отдельные государства, все они в конечном итоге пришли к единовластию — и это произошло не случайно, а в силу глубоких культурных и социологических причин.

Разумеется, можно возразить, что демократия, будучи относительно новым явлением в истории человечества, когда-нибудь должна прийти во все регионы и что она уже начала укореняться — или, по крайней мере, так кажется — во многих частях мира, включая ряд азиатских стран, несмотря на аналогичное отсутствие у них демократических традиций. Но здесь есть одно ключевое отличие. Помимо нехватки опыта в представительных формах правления, на Ближнем Востоке также отсутствуют существенно важные социальные факторы, образующие фундамент для строительства демократии.

Первый из этих факторов — идея равного гражданства. Этот фундаментальный принцип означает, что все люди, являющиеся гражданами одной страны, равны между собой независимо от уровня благосостояния, социального положения, достижений,

физических или умственных способностей. Мы обладаем равными правами и свободами, а также обязанностями перед нашей страной. Мы равны с юридической и моральной точек зрения. Эта концепция обязательно предшествует развитию реальных демократических практик и институтов. Она должна быть признана не только в интеллектуальных или прогрессивных кругах, но и в масштабах всего общества.

Между тем по всему Ближнему Востоку мы видим племенную или феодальную систему. В Саудовской Аравии вожди племен обязаны раз в год преподносить королю подарки. Как и в древнем Китае, король одаривает их в ответ еще более ценными дарами. Обычные люди лояльны своему племени, а не нации — потому что единой нации не существует — и, разумеется, не своим согражданам. Я разговаривал на эту тему с одним американским дипломатом, несколько лет проработавшим в Саудовской Аравии, и он согласился с этой точкой зрения. Там феодальное устройство общества, сказал он. Ливийцы также представляют собой не единую нацию, а собрание племен, что усугубляется политикой местничества. В этих племенных государствах смена правящего режима может сопровождаться значительными перетасовками в политической системе — кто, что и как будет решать, но такие перестройки никогда не приводят к зарождению демократии, поскольку основной единицей государственного устройства остается не гражданин, а племя.

Наблюдатели отмечают, что некоторые арабские государства постепенно становятся нациями в современном смысле этого слова, в первую очередь Египет, Марокко и Тунис. Но даже этим странам недостает второго, не менее важного фактора, который необходим для построения устойчивой демократии, чтобы граждане приняли не только результаты первых выборов после революции, но и всех последующих выборов тоже. Этот второй ключевой фактор — то, что я называю способностью к обеспечению реального экономического прогресса.

Арабское общество сознательно лишает себя этой способности в результате того, что упорно продолжает держать женщин на вторых ролях. В этом обществе доминируют мужчины. Женщины не имеют равных с мужчинами возможностей образования и трудоустройства, что не позволяет этим странам в полной мере реализовать свой потенциал и встать на путь модернизации. Они продолжают сопротивляться этому, всегда находя какие-то отговорки. Проблема переходит от поколения к поколению, поскольку необразованные женщины растят необразованных детей, ведь матери проводят с детьми гораздо больше времени, чем отцы. И наоборот, поколение

высокообразованных матерей способно вырастить поколение высокообразованной молодежи с широким кругозором и современным менталитетом.

Даже в тех странах Ближнего Востока, где женщины обучаются в университетах почти в равной пропорции с мужчинами, их ограничивают во многих других отношениях. Часто им отказывают в обучении престижным специальностям, в частности связанным с наукой, инженерным делом и правом, отводя для них традиционно более «женские» профессии, такие как педагогика. Но даже при равном доступе к образованию доля женщин в составе рабочей силы во многих странах Ближнего Востока и близко несопоставима с долей мужчин. Это объясняется множеством причин, среди которых трудовая дискриминация, начиная от неравной оплаты труда и заканчивая сексуальными домогательствами на рабочем месте. Кроме того, работающим женщинам приходится сталкиваться с многочисленными повседневными трудностями, включая такие абсурдные, как запрет появляться в одиночку в общественных местах. Присутствует и общая социальная нетерпимость по отношению к замужним женщинам, которые не сидят дома и не посвящают себя всецело заботам о семье.

Ни один новый демократический режим не в состоянии долго выжить без реального экономического прогресса. В конце концов, что дает демократия обычному человеку с улицы, если она не приводит к очевидному улучшению его жизни? Возможность время от времени поставить галочки на бумажке и опустить ее в избирательную урну? В течение одного-двух избирательных циклов неизбежно наступает разочарование системой, за которым следует возврат к той или иной форме авторитаризма. В Египте пришедшие к власти в результате арабской весны «Братья-мусульмане»[12], кажется, осознают актуальность этой задачи и направили в другие страны делегации, чтобы изучить их пути развития. Это говорит о серьезности их намерений. Но добьются ли они успеха? Им нужно совершить слишком уж фундаментальные изменения, причем за очень короткое время. Мало того, в своих усилиях провести радикальные реформы они столкнутся с серьезными препятствиями в виде наследия старого режима. Например, все государственные должности заполнены назначенцами бывшего президента Хосни Мубарака. Однако новый режим не может полностью уволить старый штат госслужащих и создать новый госаппарат с нуля, поэтому ему придется работать с тем, что есть.

Правящие элиты на Ближнем Востоке понимают, что в условиях глобализации им волей-неволей придется идти в ногу

со временем, но они предпочитают делать это как можно медленнее. Например, Саудовская Аравия продолжает жить по исламским законам: женщинам там по-прежнему разрешается появляться на людях только в закрытой одежде и запрещается водить автомобили. Во многих общественных местах соблюдается сегрегация по половому признаку. Но даже в этом древнем обществе ситуация постепенно меняется. Например, в 2009 г. был создан Научно-технологический университет имени короля Абдаллы — анклав либерализма в глубоко консервативной стране. На должность ректора был приглашен профессор Ши Сун Фонг, бывший вице-канцлер Национального университета Сингапура. В университетском кампусе жизнь организована по западному образцу, и мужчины и женщины имеют абсолютно одинаковые права. Это большой шаг вперед, но я не думаю, что выпускники университета сумеют изменить страну. Разве может небольшая группка образованных, свободомыслящих молодых мужчин и женщин пошатнуть систему, которая существовала веками? Им придется иметь дело с ваххабитским духовенством, самой мощной и консервативной группой клириков в арабском мире, которая прочно укоренилась у власти благодаря симбиотическим отношениям с королевской семьей: последняя правит страной, а первая получила полную свободу действий по всем религиозным вопросам. Тем не менее, лично познакомившись с королем Абдаллой, я убедился в том, что королевская семья Саудовской Аравии осознает: страну невозможно удержать в прошлом. Она признает необходимость эволюции общества и неизбежность перемен. Но каковы будут темпы этих перемен, сказать сложно. Возможно, социальные нормы, принятые в этом передовом университете, в конечном итоге распространятся на соседние районы, а потом и на всю страну.

Однако пока путь, по которому будет двигаться Ближний Восток в долгосрочной перспективе, представляется весьма неопределенным. После того как нынешние эксперименты с выборами подойдут к концу, ключевая проблема — как добиться устойчивого роста экономики и обеспечить достойными рабочими местами примерно 350 млн человек — так и останется нерешенной. Парадоксальность ситуации очевидна. Этот регион обладает непревзойденными по своему богатству природными ресурсами, однако многие его части прозябают в страшнейшей нищете и отсталости.

Между тем перед странами этого региона стоит еще одна фундаментальная проблема: как жить после того, как иссякнут запасы ископаемого топлива. Им нужно трансформировать свои

сырьевые экономики в экономики, способные устойчиво функционировать в долгосрочной перспективе, и сделать это за считанные десятилетия. Им необходимо быстро найти новые источники конкурентного преимущества в несырьевых отраслях, будь то банковское дело, авиаперевозки, туризм, производство потребительских товаров, и закрепиться в них. Один из способов сделать это — отправить лучшие молодые кадры поработать в этих отраслях в Америке и Европе, чтобы, вернувшись, они создали такие же отрасли в своих странах. К сожалению, значительное сырьевое богатство имеет тенденцию порождать иждивенческую культуру. Правительствам этих стран предстоит колоссальная работа: мобилизовать народ и избавить его от деструктивного чувства уверенности в том, что мир будет кормить их всегда. Им нужно убедить людей, что нефтяного богатства не хватит навечно, даже если все доходы от продажи нефти направлять в специальный фонд и грамотно инвестировать. Это самая сложная задача.

Несколько лет назад одна ближневосточная страна отправила нескольких своих студентов учиться в Сингапур в надежде на то, что у нас эти молодые люди изменят свое отношение к жизни. Этого не случилось. Они приехали не для того, чтобы перенимать нашу трудовую этику или культуру. Они приехали развлекаться. Их целью было хорошо провести время. Про себя они думали: «Зачем нам работать, когда деньги лежат у нас прямо под ногами?»

Ближний Восток — прекрасное место с богатейшей культурой и древней историей. Некоторые страны этого региона, расположенные ближе к Европе, например Марокко и Тунис, более прогрессивны и менее закрыты, чем другие.

Когда я был в Иране по приглашению шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, до его свержения, меня поселили в одном из его дворцов. Я до сих пор помню ковры — они были настолько изящной работы, что, будь они моими, я бы пожалел класть их на пол и повесил бы на стену. Но во дворце все ходили по ним ногами. В Иране много искусных ткачей. Когда шах приехал с ответным визитом в Сингапур, он подарил тогдашнему президенту Бенджамину Ширесу большой ковер, а мне маленький — оба шелковые, с одинаковым узором. Мой ковер сейчас находится в доме моего сына. Его положили на пол, но ходят по нему только босиком.

Страна на Ближнем Востоке, которую я знаю лучше всего, — это Египет. Когда президент Гамаль Абдель Насер пригласил меня туда с визитом, я жил в одном из прекрасных дворцов короля Фарука. Сам Насер вел довольно скромный образ жизни.

Он был реформатором, хотя ему и не удалось кардинально изменить судьбу своего народа. При помощи России он построил Асуанскую плотину, что было большим достижением, поскольку она позволяла производить электроэнергию и контролировать наводнения. Меня доставили к плотине на президентском частном самолете, и я прожил рядом с ней несколько дней. Это было очень пустынное и тихое место. Мне оно показалось похожим на пустыню Гоби или Гранд-Каньон. Единственное отличие было в том, что за пределами пустыни Гоби вы бы обнаружили динамичное, полное жизни китайское общество. А на выходе из Гранд-Каньона перед вашим взором предстала бы воплощенная в реальность американская мечта.

В: Вы довольно пессимистично смотрите на будущее Ближнего Востока. Но как насчет Турции как примера исламской страны, которая в то же время является демократической и открытой миру?

О: Я не утверждаю, что исламские страны не могут быть успешными. Османская империя процветала, хотя и была исламским государством. Но Турция не является частью арабского мира. Турки относят себя к османам, которые считали себя завоевателями арабов. Они преуспевают больше арабов, потому что более образованны.

В: Переходя к арабской весне и ее геополитическим последствиям… Некоторые считают, что американцы слишком быстро отказались от президента Египта Хосни Мубарака, который поддерживал тесные связи с Америкой. По словам критиков, этот случай в очередной раз подтверждает, что на американцев нельзя полагаться как на друзей или союзников…

О: Как они могли бы спасти Мубарака? Направить в Египет войска? Это было внутреннее дело страны. Если бы американцы попытались вмешаться, египтяне начали бы жечь американские флаги. Не нужно думать, что, если американцы вас поддерживают, вы находитесь в полной безопасности. Исключением является Тайвань, который находится под угрозой поглощения Китаем. Поэтому американский Седьмой флот стоит в Тайваньском проливе, между островом и материком. Но даже это не навсегда.

В: Как вы считаете, выиграла или проиграла Америка с точки зрения геополитики в результате арабской весны?

О: Ни то ни другое. Влияние США в регионе ослабевало, потому что правящие режимы, которые поддерживали американцы, потеряли политическую поддержку внутри своих стран. Но пройдет какое-то время, и новым режимам могут потребоваться миллиарды долларов американских субсидий,

чтобы управлять своими странами, поэтому дружба будет восстановлена. В конце концов, американская помощь составляет существенную часть их средств.

В: Как тогда, по вашему мнению, будет развиваться взаимодействие сил в этой части планеты? Может ли Ближний Восток — как и Азия — стать ареной соперничества между китайцами и американцами?

О: Какие мировые державы захотят играть на этой арене? Единственная местная сила, которая хочет и может доминировать в регионе, — это Иран. Китайцы туда не пойдут — для них это слишком далеко. Американцы столкнутся с тем, что их флаги будут сжигать, а послов убивать, как это недавно произошло в Ливии.

В: Значит, вы считаете, что Соединенные Штаты утрачивают и заинтересованность, и свое влияние в этом регионе?

О: Нет, американцы будут заинтересованы в этом регионе, пока там есть природные ресурсы. Они говорят, что нашли у себя сланцевый газ и вскоре станут энергетически независимыми. Но у многих стран нет сланцевого газа, и нефть в любом случае будет оставаться важным товаром. Нефть нужна для большинства видов транспорта — автомобилей, самолетов, кораблей и т. д.

В: Китайцы, вероятно, тоже хотели бы поучаствовать в дележе этого пирога?

О: Да, но они находятся слишком далеко. Они не смогут распространить свое военное влияние на регион и будут проникать туда путем инвестиций. Именно так китайцы действуют в Африке. Они строят конференц-залы и дворцы, чтобы заработать хорошую репутацию и получить доступ к добыче нефти и других сырьевых ресурсов.

В: Какая политика США на Ближнем Востоке была бы, на ваш взгляд, наиболее устойчивой?

О: Подождать и посмотреть, кто придет к власти, и подружиться с ними.

В: Даже если это будут исламистские партии?

О: Через какое-то время — да.

Главная проблема Ближнего Востока — палестино-израильский конфликт. Это незаживающая рана, и есть только один способ положить ему конец — создать два государства, одно для израильтян, другое для палестинцев. Палестинское государство должно быть экономически и политически жизнеспособным. Только когда палестинцы поймут, что у них есть реальный шанс сделать свою страну успешной и процветающей, они будут кровно заинтересованы в поддержании

мира в этом неспокойном регионе.

Но поскольку еврейскому лобби удается убеждать американцев в оправданности произраильской политики, это позволяет израильскому руководству занимать крайне жесткую позицию по этому вопросу, что имеет негативные и необратимые последствия для мирного процесса. Например, посредством строительства поселений на оккупированных территориях Израиль медленно, но верно захватывает земли, которые при любой потенциальной договоренности между двумя сторонами однозначно должны были бы отойти палестинцам. Израильские ультраконсерваторы считают, что эти поселения позволяют Израилю приблизиться к его законным историческим границам, описанным в Еврейской библии. Они верят в то, что возвращают себе земли, дарованные им Богом, — никак не меньше. Однако строительство поселений осложняет и без того непростую ситуацию и делает перспективы любой будущей договоренности еще более сомнительными.

В первые дни сионистского движения активнее всего евреям помогали англичане. Они поддерживали поселение евреев в Палестине с прицелом на то, чтобы в конечном итоге создать там еврейское государство. Позицию британцев официально обозначала Декларация Бальфура от 1917 г. В ней было заявлено следующее: «Правительство Его Величества с одобрением рассматривает вопрос о создании в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все усилия для содействия достижению этой цели…» До того как в Палестину хлынул поток евреев со всего мира, там жило довольно мало представителей этой нации. Однако трагедия Холокоста, приведшая более чем к 6 млн жертв, вызывала в европейском обществе глубокое сочувствие к евреям и побудила встать на защиту их интересов. После заката Великобритании как мировой сверхдержавы вакуум заполнили американцы, и созданное в 1948 г. государство Израиль обрело в лице США сильного и верного союзника. Америка продолжает ревностно поддерживать Израиль и сегодня.

С каждым днем урегулирование палестино-израильского конфликта становится все менее вероятным. Организация Объединенных Наций объявила строительство израильских поселений нарушением международного права, назвав это «ползучей аннексией». Однако израильтяне знают, что подобные заявления не грозят ничем, если не поддерживаются американцами. Например, если бы американцы приняли решение сократить финансовую помощь Израилю, которая с 1949 г. достигла уже $115 млрд, а также ограничить другие виды

военной и политической поддержки, строительство поселений немедленно прекратилось бы. У Израиля попросту не осталось бы иного выбора. Но пока американцы не окажут необходимого давления на Израиль, палестино-израильский конфликт не разрешится.

Все это не приносит Америке никакой пользы в долгосрочной перспективе. Это лишь подрывает доверие к ней как к супердержаве и настраивает против нее весь арабский мир. В результате американцам становится все труднее достигать своих дипломатических целей в регионе. Джихадисты используют этот вечно тлеющий конфликт в пропагандистских целях, чтобы вовлечь молодых новобранцев в борьбу за «правое дело». Страсти вокруг него умело подогреваются по всему Ближнему Востоку, а также в других частях Азии, через демонстрацию по телевидению страданий палестинского народа.

Таким образом, палестино-израильский конфликт находится в центре сложнейшей паутины, порождающей насилие и беспорядки на всем Ближнем Востоке. Он подобен раковой опухоли, удаление которой открыло бы путь к разрешению многих других проблем. Это кардинально изменило бы политический климат в регионе. Прекращение этого конфликта является необходимым, хотя и недостаточным условием для того, чтобы во всем ближневосточном регионе наконец-то воцарился долгожданный мир. Если бы США сумели занять нейтральную позицию и настоять на урегулировании этой проблемы путем создания двух государств, правительства многих арабских стран — особенно с суннитским большинством — проявили бы готовность открыто поддержать политику американцев в регионе. Именно это должно стать приоритетом США на Ближнем Востоке.

Иран предпочел бы помешать любым мирным договоренностям. Иранское правительство неоднократно заявляло о своем намерении стереть Израиль с лица Земли. Будучи преимущественно шиитской страной, Иран рассматривает палестино-израильский конфликт как превосходный повод для ведения борьбы со своими суннитскими соседями, чтобы завоевать господство на Ближнем Востоке. Хотя противостояние между шиитами и суннитами началось больше 1000 лет назад, оно по-прежнему не утратило остроты. Суннитские государства крайне подозрительно относятся ко всем действиям Ирана из-за его огромного влияния среди шиитских меньшинств, проживающих по всему региону. Как однажды сказал бывший президент Египта Хосни Мубарак: «Шииты преданы Ирану больше, чем странам, где они живут». Во времена правления Саддама Хусейна Ирак был явным противовесом Ирану, но

теперь, когда этого противовеса больше нет, единственной силой, способной помешать попыткам Ирана установить свое господство в регионе, остаются Соединенные Штаты.

Амбиции Ирана отчасти вызваны тем, что он считает себя независимой цивилизацией, отдельной от арабского мира. Иранцы очень гордятся своей историей. Я был поражен словами одного иранского министра, сказанными им в интервью на BBC несколько лет назад: «В Азии есть только две цивилизации, достойные упоминания, — это Китай и Персия». Эти слова как нельзя лучше отражают менталитет иранцев. Они жаждут снова стать великой империей.

Эта геополитическая борьба представляет собой серьезную угрозу для мира во всем мире, поскольку Иран, судя по всему, активно занимается разработкой ядерного оружия и, преуспев в этом, вполне может спровоцировать ядерную войну или по крайней мере гонку ядерных вооружений. Если Иран создаст ядерную бомбу, Египет не захочет от него отставать и может купить бомбу у Пакистана. Появление на Ближнем Востоке четырех ядерных держав — Египта, Саудовской Аравии, Ирана и Израиля — создаст там крайне опасную ситуацию. Кроме того, это повышает вероятность того, что ядерные технологии и материалы могут быть проданы странам в других частях света или даже негосударственным структурам.

Я не думаю, что Израиль сможет помешать Ирану создать свое ядерное оружие. Это могли бы сделать американцы, да и то только путем масштабного наземного вторжения, но такое развитие событий крайне маловероятно, поскольку США лишь недавно выбрались из Ирака и Афганистана. Это значит, что в будущем нас ожидает менее стабильный мир, который может рухнуть от малейшего недоразумения. Вполне возможно, что именно в этом регионе впервые после Второй мировой войны будет применено ядерное оружие.

Пожалуй, меня утешает лишь мысль о том, что, если это случится, радиоактивные облака едва ли достигнут Юго-Восточной Азии. Радиоактивное заражение охватит бóльшую часть Ближнего Востока и, возможно, Европу. До нас дойдет лишь малая часть смертельной радиации.

В: Президент Обама сказал, что хочет внести поправки в законы о пожертвованиях на политические цели, чтобы обуздать власть лоббистских групп с большими кошельками. Может ли это изменить ход событий?

О: Этого не произойдет. Даже если бы Обама действительно хотел сделать это, он не сумел бы провести эти поправки через Сенат и Палату представителей.

В: Каковы могут быть последствия того, что сегодня симпатии европейцев все больше склоняются на сторону палестинцев?

О: Чего стоят эти симпатии? Каждый день израильтяне отбирают у палестинцев землю. Но европейцы не предпринимают никаких конкретных шагов.

В: Что касается Ирана и ядерной бомбы, вы не исключаете вероятность того, что, создав бомбу, иранцы могут применить ее против Израиля?

О: Нет, не исключаю.

В: Но есть и другое мнение — что Иран с бомбой может быть более безопасным и предсказуемым, чем Иран без бомбы, поэтому для региона не так уж плохо, если Иран вступит в ядерный клуб. Что вы скажете по этому поводу?

О: Так говорят ради самоуспокоения. Но я считаю, что иранцы могут мыслить иначе, чем американцы и русские. Те руководствуются трезвыми расчетами: я наношу удар тебе, ты наносишь удар мне, я снова наношу удар тебе, ты отвечаешь и т. д. Первый удар, второй удар, третий удар, и вот мы оба уничтожены, а вместе с нами и большая часть Европы. Можно ли надеяться на то, что в отношениях между Израилем, Ираном и Египтом будет преобладать такое же трезвое мышление? Это и есть ключевой вопрос. Не стоит забывать, что эта система порождает армии террористов-смертников, которые говорят: «Да, я хочу умереть ради того, чтобы погибло как можно больше людей». Я думаю, что в такой системе может случиться все что угодно.

В: Это один из аргументов, который может использовать Израиль, чтобы оправдать нанесение первых ударов по Ирану — помешать его работам по обогащению урана и созданию ядерного оружия. Лучше ударить первыми и задержать создание бомбы, говорят они.

О: Да, некоторые выступают за такой план действий, но это не решит проблемы. Весь Иран вы не уничтожите. Пройдет какое-то время, и иранцы снова возьмутся за свои разработки, так что вам придется наносить очередную серию ударов. Но на этот раз они спрячутся глубоко под землей.

В: Значит, вы не верите, что Израиль сможет удержать Иран от разработки ядерной бомбы?

О: Нет. Знание не уничтожить.

В: Как же тогда можно решить эту проблему?

О: Ответ на этот вопрос должны дать 2000 евреев в США. Лучше всего начать с урегулирования палестино-израильского конфликта. Но на сегодняшний день это остается неразрешимой

проблемой.

Помимо последствий для мира во всем мире, происходящее на Ближнем Востоке имеет значение и для бизнеса, в том числе для сингапурских компаний. Сингапурские компании осторожны по своей природе, но и они начинают постепенно осваивать ближневосточный регион. Это новый для них рынок, и они пришли на него сравнительно поздно. Для них гораздо комфортнее вести бизнес в других частях Азии — в Китае, Индии и Юго-Восточной Азии, где у них имеется очевидное конкурентное преимущество. Культура, язык и географическая удаленность Ближнего Востока создают свои сложности. Тем не менее сингапурские компании находят способы наладить деловые контакты, например сотрудничая с арабоязычными индийцами. Также полезно будет предпринять усилия к тому, чтобы возродить арабский язык среди сингапурских арабов. Ближний Восток представляет собой перспективный рынок со значительным потенциалом роста, и сингапурцы не должны упустить его. Лучше поздно, чем никогда.

На многих развивающихся рынках вам нужно вложить деньги и затем упорно трудиться несколько лет, прежде чем ваши инвестиции начнут приносить реальную прибыль. В этом плане ближневосточные рынки более привлекательны, поскольку они изобилуют наличностью, и потенциально инвестиции могут окупаться намного быстрее. Главное — найти хорошие возможности для бизнеса, соответствующие вашему опыту и способностям, а также наладить хорошие связи, чтобы успешно проводить сделки. Сингапурские компании уже работают в небольших ближневосточных странах, таких как Катар и эмират Абу-Даби, имеющих четкие иерархии. В Саудовской Аравии новичкам сориентироваться гораздо труднее из-за ее сложной иерархической структуры, состоящей из сотен принцев и принцесс. Тем не менее, когда саудовцы решили построить Экономический город короля Абдаллы — «мегаполис будущего» площадью 168 млн кв. м, они пригласили нас в качестве партнера на стадии проектирования и привлекли к участию в проектах в финансовой отрасли. Саудовцы посещали Сингапур на протяжении многих лет, зачастую в частном порядке, без официальных уведомлений, и были впечатлены тем, какой чистый, безопасный и комфортный город мы сумели построить.

Но Ближний Восток является также и нашим конкурентом на международной арене. С особенно активной конкуренцией Сингапур сталкивается со стороны Дубая в таких отраслях, как авиаперевозки, туризм, финансы. Под руководством шейха

Мохаммеда Рашида аль-Мактума город преобразился. Очевидно, что Объединенные Арабские Эмираты готовы потратить любые деньги, чтобы превратить Дубай в современный хаб, способный составить достойную конкуренцию Сингапуру.

Их авиакомпании намеренно устанавливают цены на билеты немного ниже, чем наша Singapore Airlines (SIA). В самый разгар мирового финансового кризиса авиакомпания Emirates Airlines заказала 32 новых аэробуса Airbus A380, чтобы показать всему миру, как много у нее денег. Таким образом, когда эти заказы будут выполнены, флот Emirates Airlines будет насчитывать более 90 аэробусов A380. Для сравнения: SIA в настоящее время имеет всего 19 аэробусов A380, плюс еще пять, которые она недавно заказала.

Когда проводился конкурс на строительство портов в Лондоне, Дубай снова обошел Сингапур. Мы обозначили наши суммы и отказались снижать их. Дубайцы же, кажется, были готовы пойти на любой риск, чтобы выиграть конкурс. Но мы решили, что мир достаточно велик, чтобы предложить нам другие привлекательные возможности.

Рынки на Ближнем Востоке и в России имеют стратегическое значение для Сингапура. Имея очень открытую экономику, мы должны грамотно распределять свои ставки, чтобы обеспечить стабильный поток доходов. Инвестируя в богатые и бедные нефтью страны, мы тем самым страхуем себя от циклического характера международных рынков.

8. Мировая экономика. Что дальше?

Капиталистическая система не является в корне дефектной. Несмотря на усиливающуюся в некоторых кругах критику, она не требует радикальной перестройки или замены.

Принимая во внимание масштабы и силу удара, который нанес по мировой экономике финансовый кризис 2008 г., неудивительно, что он повлек за собой глубокие размышления о его причинах и о том, что должен сделать мир, чтобы избежать повторения подобной ситуации. После любой катастрофы необходимо проанализировать произошедшее.

Тем не менее мы не должны реагировать чересчур остро. Людям свойственно придавать слишком большое значение недавним событиям, особенно если те сопровождались сильными негативными эмоциями и стрессом, как это было в случае кризиса 2008 г. Однако было бы серьезной и даже опасной ошибкой на основе случившегося делать вывод о том, что нам необходимо отказаться от капиталистического строя или же взять свободный рынок под жесткий контроль. Так вместе с водой мы выплеснем и ребенка.

Мы знаем все особенности капитализма. Они описаны со времен Карла Маркса. Следовательно, мы должны смириться с присущей этой системе тенденцией, обусловленной характером экономических циклов, время от времени доходить до крайностей, поскольку выгоды от нее значительно перевешивают издержки. Альтернативой этому является только «смирительная рубашка» — жесткое регулирование рынка, которое пытались реализовать на практике на протяжении последнего столетия страны с социалистическими системами и, в определенной степени, социальные демократии.

Мировой финансовый кризис 2008 г. вполне вписывается в рамки имеющегося у нас понимания свободного рынка. В основе этого кризиса лежал растущий дисбаланс на американском рынке субстандартного ипотечного кредитования. Когда этот рынок в Америке рухнул, ударные волны от него распространились по всей Европе и Азии вследствие тесной взаимосвязанности мировой экономики. Но Америка сумела преодолеть этот кризис, и вместе с ней начала восстанавливаться вся мировая экономика. Между тем кризис вывел на поверхность фундаментальные проблемы в европейской экономике, на разрешение которых потребуется гораздо больше времени и сил. Они касаются единой валютной системы и сферы социальных расходов и никак не связаны с капитализмом. Таким образом, я считаю, что в

долгосрочной перспективе капиталистическая система обеспечит миру гораздо более быстрый рост и процветание, поскольку свободный рынок — наиболее эффективный способ организации производительных сил в любом обществе, и история это доказала.

Один из ключевых факторов, который усугубил и продлил финансовый и экономический кризис для Америки, также не имеет ничего общего со свободным рынком — это огромный государственный долг. Правительство США наращивало госдолг на протяжении многих лет, что на волне кризиса привело к потере доверия на рынке. Но такое небрежное, даже бесцеремонное отношение к государственному долгу и расходам свидетельствует о провале политического руководства, а вовсе не о провале системы свободного рынка.

Еще один объект острой критики, когда речь заходит о капиталистической системе, — феномен «слишком большой, чтобы обанкротиться». Действительно ли крупные корпорации, особенно банки, могут превращать свои страны в заложников, вынуждая правительства спасать эти компании любыми средствами из опасений, что их крах негативно отразится на экономике в целом? Критики утверждают, что это приводит к недобросовестности, то есть поощряет крупные компании идти на неприемлемые риски, зная, что в случае неудачи все их убытки будут оплачены из кармана налогоплательщиков, тогда как успех принесет им огромные прибыли.

В этой критике есть определенная доля истины, но финансовый кризис 2008 г. наглядно продемонстрировал, что ни одна компания не является «слишком большой, чтобы обанкротиться». Так, американское правительство позволило пойти ко дну Lehman Brothers, который на тот момент был четвертым по величине инвестиционным банком в Соединенных Штатах. В Америке существует федеральная система страхования вкладов физических лиц, но нет системы, гарантирующей спасение самих банков.

Допустило бы правительство США крах более крупного банка, играющего в финансовой системе еще более значительную роль? Что, если бы подобная участь постигла не Lehman Brothers, а, например, Citibank? Не думаю, что у какого-либо банка — даже у Citibank — есть карт-бланш на неограниченный риск. Получит ли Citibank помощь от государства в аналогичной ситуации, зависит от того, насколько глубокую яму он себе выроет, в каком финансовом состоянии будут находиться другие банки, а также каким будет политический климат на тот момент. Нет никаких гарантий, что ситуация сложится в пользу банка, и эта неопределенность должна побуждать банковское руководство в

подавляющем большинстве случаев принимать ответственные решения.

Вместе с тем то вовсе не означает, что правительства не должны играть никакой роли. Время от времени жадность берет у корпоративных боссов верх над ответственностью, побуждая их манипулировать системой в своих интересах. Задача правительства — выявлять такие действия и решительно пресекать их. Роль правительства заключается в том, чтобы максимально выровнять игровое поле для всех участников и следить за тем, чтобы свободная конкуренция была также и честной. Относительно недавний пример — скандал вокруг фиксации Лондонской межбанковской ставки, более известной как Libor. Оказалось, что на протяжении многих лет крупнейшие банки манипулировали этой ключевой процентной ставкой, ставя под угрозу целостность банковской системы и нанося огромный ущерб другим участникам рынка. В результате этого скандала президент и генеральный директор банка Barclays был вынужден уйти в отставку, а сам банк оштрафовали на сотни миллионов долларов. Этот случай показывает, что правительствам и регулирующим органам нельзя терять бдительность в наивной надежде на то, что руководители компаний будут вести себя этично, когда на них никто не смотрит и на кону стоят гигантские прибыли.

После мирового финансового кризиса многие правительства начали пересматривать регулирование коммерческой и инвестиционной банковской деятельности. В этом вопросе я согласен с позицией бывшего председателя Федеральной резервной системы США Пола Волкера, очень мудрого и опытного в финансовых и банковских делах человека. Он предложил разграничить стандартную коммерческую банковскую деятельность и спекулятивные и, следовательно, более рискованные формы инвестиционной деятельности, чтобы создать более безопасную банковскую систему. Этот подход стал известен как правило Волкера, однако на практике реализовать его крайне трудно. Если начать внедрять его очень жестко, банки начнут перемещать свои операции и капиталы в те страны, где это правило не действует. Например, та же Великобритания предпочитает сводить к минимуму регулирование своего банковского сектора, поскольку экономика страны в значительной степени зависит от сохранения Лондоном роли мирового финансового центра. Захотят ли другие страны ослабить свою конкурентоспособность относительно Великобритании? Сомневаюсь в этом.

Между тем, когда речь идет о стабилизации экономической

системы в целом, государственное вмешательство может быть желательно и даже необходимо. Например, американцы попытались ослабить рецессионное давление, накачав экономику ликвидностью, проще говоря — включив печатный станок. Смягчение денежной политики всегда было стандартным способом борьбы с экономическим спадом, но на этот раз американцы использовали и более нетрадиционные подходы, а размеры предпринятых ими денежных вливаний оказались беспрецедентными.

Не все поддерживают такой подход. Некоторые критики, придерживающиеся взглядов австрийского экономиста Фридриха Хайека, считают, что вмешательство государства не позволяет экономике избавиться от лишнего жира, продлевает жизнь неэффективных компаний и отраслей и, таким образом, лишь отдаляет решение проблемы. Экономика должна регулировать саму себя естественным образом, говорят они, и препятствование этому при помощи вливания денежной массы в лучшем случае затягивает необходимый процесс перестройки, а в худшем — делает систему неэффективной. В конечном итоге это приводит к долгосрочному застою или выливается в кризис и глубокую рецессию.

Я считаю, что вмешательство государства в экономику с целью предотвращения кризисов, будь то в духе кейнсианства или монетаризма, является меньшим из двух зол. Многие страны пытались использовать подход Хайека во время Великой депрессии — с катастрофическими для себя последствиями. Сегодня, в условиях тесной финансовой и торговой интеграции, потрясения в одной части света способны пошатнуть всю мировую систему и негативно отразиться на каждой стране. Это пугающая перспектива, поэтому никто не желает Соединенным Штатам «жесткой посадки».

У Америки есть возможность проводить количественное смягчение, потому что ее доллар является мировой резервной валютой. Она может позволить себе без ощутимых последствий иметь многолетний дефицит бюджета. В такой ситуации другие страны неизбежно столкнулись бы с оттоком капитала и обвалом валютного курса. Но американцы платят за это низкую цену, поскольку распределяют свои издержки среди всего остального мира. Они могут заимствовать по более низким процентным ставкам благодаря готовности людей по всему миру держать денежные резервы и активы в долларах США. Таковы преимущества, даруемые статусом мировой резервной валюты.

В свое время такими же преимуществами пользовались британцы, чей фунт стерлингов был единственной весомой

валютой для ведения международной торговли. Потом фунт утратил этот статус. Возможно, в один прекрасный день то же самое случится и с американским долларом. Сейчас это трудно себе представить, но такое вполне возможно. Однако пока альтернативы доллару США в качестве мировой резервной валюты нет: евро по-прежнему находится в опасности, а китайский юань пока не готов к такой роли.

Я не думаю, что китайцы вытеснят американцев. Они руководствуются другими соображениями. Открывая свой финансовый рынок, вы позволяете деньгам свободно течь через границу. Это делает страну уязвимой к внезапному притоку или наоборот массивному оттоку капитала, что может дестабилизировать экономику. Американская система достаточно зрела, чтобы выдержать это. Не уверен, что китайцы захотят брать на себя такой риск. Зачем? Они хорошо развиваются и без этого. Преимущества, приносимые статусом мировой резервной валюты, недостаточны для того, чтобы оправдать такой рискованный шаг. Будь я на их месте, я бы не стал этого делать.

Французский экономист Жак Рюэфф был убежденным сторонником возвращения к золотому стандарту, считая систему на основе доллара США несправедливой. Однако американцы заявили: «Вы можете брать наши доллары, можете не брать — воля ваша». А поскольку американская экономика — сильнейшая в мире, доллар остается в силе. Кроме того, уверенность в том, что существующий порядок сохранится в обозримом будущем, привносит в международную торговую систему столь необходимую стабильность и определенность. Любое изменение резервной валюты приведет на какое-то время к неопределенности и неразберихе, даже если — а это вызывает большие сомнения — вопрос будет решен мирно путем договоренности между крупнейшими экономическими державами мира.

В настоящее время наибольшую угрозу для здоровья мировой экономики в краткосрочной перспективе представляет собой возможное ограничение свободной торговли. Всплеск протекционизма неизбежно приведет к глобальному экономическому спаду. Мы никогда не должны забывать, что Великая депрессия 1930-х гг. была усугублена изоляционистской политикой некоторых стран. Например, если сегодня американские политики решат, исходя из предвыборных соображений, ввести запретительный налог на продажу китайцами своих товаров ниже себестоимости, китайцы введут какие-нибудь ограничения в ответ. Стоит лишь встать на этот путь, и вскоре и другие торговые партнеры, включая Европу и

Японию, окажутся втянутыми в конфликт и начнут подумывать о введении аналогичных мер. Таким образом, вся система международной торговли резко сбавит обороты. И больше всего от этого пострадают бедные страны. Находясь на более низком уровне, в пропорциональном отношении они выигрывают от международной торговли намного больше.

Соглашения о свободной торговле — лучший путь для движения вперед. Такие договоренности, если к ним удается прийти, оборачиваются благом для всех участников. Дохийский раунд переговоров ВТО, если бы он завершился подписанием соглашения, сулил огромные выгоды для всех стран, в том числе для Сингапура. К сожалению, длившиеся почти 10 лет переговоры закончились ничем, натолкнувшись на непреодолимое препятствие в виде разногласий по сельскохозяйственным субсидиям. Страны продемонстрировали отсутствие политической воли к тому, чтобы идти на уступки, необходимые для успеха переговоров в Дохе. Некоторые американские рабочие пострадали от вывода производства за рубеж, и политики считают невозможным убедить их в том, что эту практику необходимо расширять. Разумеется, если американским компаниям будет запрещено переносить свою деятельность за рубеж, они окажутся в невыгодном положении по сравнению с немцами, французами, британцами и японцами, которые будут продолжать это делать.

В то же время большинство стран работают над заключением двусторонних соглашений о свободной торговле, что приносит не такой большой, но все-таки выигрыш. На сегодняшний день Сингапур подписал 19 региональных и двусторонних соглашений о свободной торговле, в том числе с такими ведущими мировыми экономиками, как Соединенные Штаты, Китай, Япония, Индия и Австралия. Как оказалось, в свете провала переговоров в Дохе эти соглашения стали важными двигателями либерализации торговли. Наша стратегия окупилась.

Транстихоокеанское партнерство (ТТП), имеющее целью создание зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе, также открывает многообещающие перспективы. Если 12 стран, которые участвуют в переговорах в настоящее время, проявят готовность открыть свои внутренние рынки, это соглашение поможет вывести торговлю в регионе на новый уровень, принеся весомые выгоды десяткам тысяч компаний и сотням миллионов потребителей. С участием Соединенных Штатов ТПП обещает стать полезным механизмом для всех сторон.

В: Будет ли правильно сказать, что вы считаете мировой финансовый кризис 2008 г. естественным следствием того, как

функционирует капиталистическая система?

О: Это естественное следствие того, как функционирует американская капиталистическая система. Европейская капиталистическая система работает иначе, поскольку европейцы сделали выбор в пользу социальной экономики — больше социальной защищенности и, как следствие, меньше динамизма. У британцев бесплатное здравоохранение. Даже немцы, которые сумели построить сильную экономику, имеют очень развитую систему медицинского страхования, помощи безработным и т. д. Я не считаю европейцев такими же конкурентоспособными, как американцы. Таким образом, американская система иногда движется в неправильном направлении, доходит до крайности, обрушивается, а потом восстанавливается. Альтернатива — это европейская система, которая не доходит до крайностей, но при этом проигрывает в конкурентоспособности.

В: Сегодня некоторые экономисты ставят под вопрос целесообразность капиталистической системы в целом. Они указывают на то, что экономические циклы становятся все короче, рецессии все глубже. По их мнению, это свидетельствует о том, что система нуждается в фундаментальной перестройке. Например, американская экономика так и не сумела полностью восстановиться за пять лет, прошедшие после финансового кризиса, и это один из самых длительных экономических спадов на нашей памяти.

О: Я не могу дать каких-либо конкретных рекомендаций в отношении американской системы. Но не думаю, что большинство американцев поддержат создание такого же государства всеобщего благосостояния, какое построили у себя британцы. Те говорят: «Не можете преуспеть в жизни сами? Вот вам жилье, вот вам бесплатное медицинское обслуживание, вот вам льготы на обучение в университете, и т. д.». Однако эта альтернативная система не позволила британцам добиться блестящих результатов. Но и отказаться от нее они пока не могут.

В: Исходя из того, что доллар США в обозримом будущем будет оставаться мировой резервной валютой, не опасаясь посягательств со стороны китайского юаня, какова должна быть стратегия Сингапура в отношении инвестирования своих резервов?

О: Я бы держал наши резервы в долларах США. И, если спрос на ресурсы будет оставаться высоким, частично в австралийских долларах. До тех пор пока растущая экономика Китая будет потреблять огромное количество ресурсов — железа, угля и т. д., австралийский доллар будет укрепляться, поскольку у Австралии огромные территории, изобилие природных богатств и небольшое

население. Какие еще страны имеют ресурсы, которые могут потребоваться Китаю? Например, Бразилия, крупнейший в мире производитель сои. Китаю нужно столько сои, что китайцы сами поехали в Бразилию договариваться о ее поставках. Но поскольку у бразильцев нет выхода к тихоокеанскому побережью, китайцы договорились, что соя будет транспортироваться через Колумбию на побережье, а затем в Китай. Они предпочли не использовать Панамский канал, который в значительной степени контролируется американцами. Таким образом, Китай будет самым крупным потребителем ресурсов в течение следующих нескольких десятилетий. У него огромное население, а доходы на душу населения по-прежнему остаются очень низкими, поэтому ему есть, куда расти. Да, у Китая есть обширные пустующие земли в Синьцзяне и на Тибете, но бóльшая часть этих земель не пригодна для земледелия. Другими словами, Китай не сможет самостоятельно обеспечивать себя всеми необходимыми ресурсами, поэтому ему придется закупать их.

В: Переходя к вопросу о регулировании движения капитала: что вы думаете по этому поводу?

О: Для такой маленькой страны, как Сингапур, чем меньше регулирования, тем лучше. Но при этом мы должны поддерживать наши золотовалютные резервы на высоком уровне на тот случай, если кто-то вдруг попытается атаковать нашу валюту в духе Джорджа Сороса. Возможно, Сорос не предпринимал атак на нашу валюту как раз по этой причине: он знал, что у нас большие резервы, поэтому он может проиграть сражение.

В: Но почему вы считаете, что более свободная система благоприятна для такой небольшой страны, как Сингапур? Разве не существует опасность того, что массивный приток капитала сокрушит нашу экономику?

О: Массивный приток капитала не может сокрушить экономику. Желание людей вкладывать деньги в наши компании и недвижимость свидетельствует о том, что нам доверяют.

В: А как насчет риска возникновения пузыря активов?

О: Да, люди могут потерять деньги, если зайдут слишком далеко, особенно если большинство из них будут покупать собственность не для того, чтобы владеть ею, а чтобы заработать на приросте капитала.

В: Значит, это будет самокорректирующийся механизм?

О: В долгосрочной перспективе, да. Хотя он может давать сбои.

В: Но не может ли это привести к серьезной политической дестабилизации в краткосрочной перспективе?

О: Какая у нас есть альтернатива открытой экономике? Изоляция? Но мы не Китай. Китай может остаться изолированным благодаря своим огромным внутренним ресурсам. Мы — нет. В 1965 г. наш ВВП на душу населения составлял всего $500. Сейчас он превышает $52 000. Мы никогда не достигли бы таких результатов за 50 лет, если бы не открыли свои двери миру. Отрезав себя от мировой экономики, мы вернемся в 1965 г.

В: Во время азиатского финансового кризиса 1997 г. тогдашний премьер-министр Малайзии Махатхир Мохамад ввел контроль за движением капитала. В то время это решение было воспринято как весьма спорное, но сегодня некоторые ученые, оглядываясь назад, утверждают, что оно позволило стабилизировать систему.

О: Я не хочу спорить о том, насколько правильным было это решение малайцев. Мы сохранили нашу финансовую систему открытой и оставили без изменений режим регулируемого плавающего курса. И выиграли. Каждая страна должна решать исходя из своих конкретных условий, что даст ей свободное движение капитала и инвестиций. Для Сингапура это хорошо. Но в странах с менее зрелой финансовой и банковской системой это может привести к проблемам. Например, принимая во внимание свою менее развитую финансовую систему, Китай решил, что ему преждевременно разрешать свободное движение капитала, поскольку это может дестабилизировать его экономику. Хотя китайцы делают большие успехи, в долгосрочной перспективе им придется заплатить за эту стабильность свою цену в виде неспособности в полной мере реализовать свой экономической потенциал. Ограничение движения капитала, когда любые операции по его ввозу и вывозу из страны могут проводиться только с разрешения, значительно подавляет экономическую активность. В страну приходит меньше инвестиций.

В: Есть опасения, что приток «горячих» денег поднимет цены на недвижимость в Сингапуре на такой уровень, что она станет не по карману самим сингапурцам.

О: Мы либо сохраняем наши границы открытыми, либо закрываем их. Кто может сказать, не окажется ли та цена, которую сегодня иностранцы платят за нашу недвижимость, чересчур завышенной или заниженной через 5–10 лет? Мы оставляем это на усмотрение рынка. Они вкладывают деньги, считая это надежной инвестицией, но риски существуют всегда. Может произойти что-то, что обрушит ее стоимость. Недвижимость — это неликвидный актив. Ее нельзя быстро и без потерь обменять на денежную наличность. Деньги в банке — это ликвидный актив. Вы можете в одно мгновение перевести их в

другую валюту. Кроме того, мы приняли законы, запрещающие иностранным гражданам приобретать земельную собственность без получения специального разрешения. А также ввели дополнительный гербовый сбор с покупателя, который будет взиматься при покупке недвижимости иностранцами.

В: Принято считать, что рост цен на недвижимость не должен слишком сильно опережать рост зарплат, иначе среднестатистический житель страны не сможет позволить себе приобрести жилье. Это верно в том случае, если на рынке присутствуют в основном внутренние покупатели. Но когда вы открываете рынок недвижимости для иностранцев, тем самым вы автоматически отвязываете цены на недвижимость от зарплат, и рост первых может значительно опередить рост вторых. Не опасна ли такая ситуация?

О: Но сингапурцы тоже могут заработать хорошие деньги на своей недвижимости. Например, если вы считаете, что недвижимость переоценена и ее стоимость в конце концов понизится, вы можете продать свой дом, временно арендовать жилье и дождаться падения цен. Если же вы считаете, что цены будут расти, значит, ваша недвижимость будет повышаться в стоимости. В конечном счете это вопрос доверия к государству, к его политической системе.

В: Но вы можете заработать на недвижимости только в том случае, если она у вас уже есть. У сингапурцев, которые не имеют недвижимости и хотели бы ее купить, такой возможности нет…

О: Сингапурцы могут приобрести жилье у Управления жилья и городского развития по льготным ценам, субсидируемым государством, если они отвечают соответствующим критериям.

Центр тяжести мировой экономики сегодня окончательно переместился из Атлантического региона в Тихоокеанский. Последний превратился в главную торговую площадку мира. В первой половине прошлого века доминирующей мировой державой как в политическом, так и индустриальном плане, была возглавляемая Адольфом Гитлером Германия. Но немцы потерпели поражение в войне, и мировое господство перешло к американцам. В течение следующих 30 лет крупнейшей мировой экономикой, скорее всего, станет Китай. Второе место может занять объединенная Европа. В случае же распада 27 мелких европейских экономик лишатся возможности управлять своей судьбой. Все будут решать экономические тяжеловесы в лице Америки и Китая. Остальным лишь придется покачиваться на тех волнах, которые будут расходиться по всему миру от этих гигантов.

Несмотря на устойчивый рост, пройдет еще немало десятилетий, прежде чем внутреннее потребление в азиатской части Тихоокеанского региона приблизится к уровню Соединенных Штатов. На то есть культурные причины. Китайцы пережили множество стихийных бедствий, войн и периодов серьезных потрясений, когда люди могли полагаться только на самих себя и свои сбережения, накопленные в лучшие времена. Научить их тратить деньги — непростая задача. Сингапурцы имеют похожую культуру, поощряющую их откладывать деньги на черный день.

Тем не менее Азия станет главным двигателем мировой экономики, который будет обеспечивать импульс для роста ВВП по всему миру, даже если большая часть заработанного по-прежнему будет откладываться для будущих поколений. Рост и падение фондовых рынков будут все больше зависеть от заявлений центробанков и экономической информации не по Америке и Европе, а по Китаю, Индии, Японии и Южной Корее. Считается, что именно стабильный подъем китайской экономики, стимулируемый ростом внутреннего рынка, стал одним из ключевых факторов, обусловивших быстрое восстановление Азии после спада 2008–2009 гг., и это показывает, что будет происходить в будущем. Азия не станет стремиться к полной независимости от американской экономики, и значительная доля азиатского экспорта по-прежнему будет идти к американским берегам. Но отношения выстроятся гораздо более сбалансированно, поскольку азиатские правительства обретут уверенность в том, что они смогут нормально расти даже без процветающей Америки.

Наряду с перемещением мирового центра в Тихоокеанский регион, наш мир и нашу жизнь будет и дальше менять развитие технологий в области коммуникаций и транспорта. Сегодня мы можем мгновенно связаться с кем угодно, где бы он ни находился. Благодаря Интернету больше не нужно быть обеспеченным человеком, чтобы получить доступ к самой подробной и точной информации о том, что происходит в других частях света.

В 1920-е гг., когда я был ребенком, дорога в две мили от Бедока до принадлежавших моему деду плантаций каучуконосов в Чай-Чи в восточной части Сингапура занимала целый час, — разумеется, мы ездили на гужевой повозке. В 1930-е, когда я учился в начальной школе, я с нетерпением ждал четвергов и пятниц — в эти дни из Англии прибывали корабли, которые, проведя в плавании до Сингапура пять-шесть недель, привозили мои любимые журналы для мальчиков. Когда я отправился в Лондон, чтобы поступить в университет, дорога на борту

«Британника», трансатлантического лайнера, перевозившего войска с Дальнего Востока в Великобританию, заняла у меня три недели. А когда я жил в Лондоне, самым быстрым и простым способом поддерживать связь с моей семьей в Сингапуре была авиапочта — письмо стоило 50 сингапурских центов или 1 британский шиллинг. Вы покупали специальную тонкую голубую бумагу, на которой писали с обеих сторон.

В 1950-е от Лондона до Сингапура можно было долететь за четыре-пять дней. Самолет совершал промежуточные посадки в Каире, Карачи и Коломбо. Сегодня этот путь можно проделать за 12 часов, а если бы страны, над которыми проходит маршрут, не возражали против звукового удара, это время могло бы сократиться всего до 6 часов. В свое время реактивный самолет «Конкорд» доставлял пассажиров из Лондона в Сингапур к обеду и обратно в Лондон к ужину. К сожалению, сегодня гражданская авиация перестала использовать сверхзвуковые лайнеры. Технический прогресс привнес глубокие изменения в нашу жизнь. Сегодня мы можем перемещаться по миру относительно быстро, просто и безопасно. Письмо, которое вы отправили авиапочтой утром, уже вечером может быть прочитано адресатом. Но мало кто пользуется авиапочтой. Гораздо проще и быстрее обменяться смс-сообщениями или электронными письмами, которые доставляются буквально со скоростью света. Даже в Африке фермеры используют айфоны, чтобы узнать последнюю информацию о ценах на кукурузу.

Благодаря распространению современных технологий, сегодня все знают, как живут люди в других странах. Бедняки в Азии и Африке хорошо осознают, насколько они бедны по сравнению с американцами, европейцами, а также со своими более успешными соседями по континенту. Это заставляет людей пытаться легальными и нелегальными путями перебраться в более богатые страны, способные предложить им лучшие рабочие места и лучшие условия жизни. Поток мигрантов неуклонно растет, и даже появились профессиональные посредники, изобретающие хитроумные способы, чтобы помочь людям проникнуть через границы. Иногда это приводит к трагическим последствиям, например известны случаи, когда спрятанные в контейнер мигранты умирали от удушья. Но людей не остановить. Это как вода, которая течет с каменистых гор в долины с плодородными почвами и пышной растительностью. Рост миграции будет представлять собой серьезный вызов для будущего межгосударственных границ.

Все эти изменения открывают беспрецедентные возможности для развивающихся экономик, особенно в Азии. Хорошо

организованные страны — где проводится рыночно ориентированная политика, обеспечено верховенство права, а граждане имеют все возможности для получения образования и упорно трудятся — могут расти очень быстро благодаря возможностям, доступным им в новой глобальной среде. Но, с другой стороны, стремительность современного мира — головокружительная скорость, с которой в нем протекают все процессы, — имеет и свои негативные аспекты.

Впервые мы столкнулись с тем, что глобализация может нанести серьезный ущерб отдельным странам, во время азиатского финансового кризиса 1997 г. Его причиной стал непродуманный режим обменного курса, который поддерживался Таиландом и — в меньшей степени — Индонезией и Южной Кореей. Таиланд делал краткосрочные заимствования в долларах и других валютах и использовал эти средства для долгосрочных инвестиций, в том числе в строительство заводов и недвижимости. Когда рынку стало ясно, что экспортных доходов Таиланда не хватает для погашения его долговых обязательств, инвесторы и спекулянты начали избавляться от таиландского бата. Банк Таиланда предпринял колоссальные усилия, чтобы противостоять рынку, но его резервы быстро иссякли.

Когда тайцы обратились за помощью, Соединенные Штаты не дали однозначного ответа. Это было ошибкой, поскольку подало рынкам сигнал, что американцы не готовы использовать свой авторитет и влияние, чтобы остановить кризис. Это ускорило кредитный крах. В течение нескольких дней кризис распространился и на другие азиатские страны, и многие центробанки, в том числе сингапурский, столкнулись с атаками на свои валюты. Поскольку международные инвестиционные менеджеры относят азиатские экономики к одной категории — «развивающихся», потрясений не избежали даже страны с хорошими показателями.

Одним из уроков, извлеченных азиатскими странами из этого кризиса, был тот, что нельзя спешить с либерализацией движения капитала, особенно если финансовой системе не хватает устойчивости или же центробанк не способен на адекватный контроль. Открытие миру должно происходить постепенно, после того как достигнут определенный уровень зрелости и надежности. Кроме того, после открытия необходимо поддерживать свою валюту значительными резервами. В результате, когда в 2008 г. разразился мировой финансовый кризис, азиатским странам удалось пережить его без серьезных последствий. Ведь в 1997 г. они на своем горьком опыте уяснили, как важны наличие значительных золотовалютных резервов,

ограничение объема долга и здоровая банковская система.

Еще один минус глобализации — тенденция к увеличению неравенства. Талантливые люди наиболее мобильны и востребованы в разных частях света. Чтобы удержать таланты, компании вынуждены предлагать им все более высокое вознаграждение. И наоборот, низкоквалифицированная и низкооплачиваемая рабочая сила сталкивается с растущей конкуренцией со стороны миллионов голодных китайцев, индийцев и жителей других развивающихся стран, которые зачастую готовы работать за малую часть их зарплат. В результате оплата труда в этом сегменте экономики снижается еще больше, а некоторые и вовсе лишаются рабочих мест.

Описанные факторы бросают серьезный вызов правительствам всех стран.

И хотя решать проблему неравенства необходимо, в первую очередь нужно признать, что оно является неотъемлемой частью капитализма в эпоху глобализации. Неравенство проистекает из естественных различий в интеллекте и трудолюбии людей, подчас из просто удачного стечения обстоятельств, а также из трансграничной природы сегодняшней конкуренции. Если вы хотите сократить неравенство, то можете перейти к социалистической системе или попытаться изолировать страну от остального мира, но ничто из этого не приведет к благополучному исходу. Гигантские пакеты вознаграждения и рождественские бонусы топ-менеджеров могут казаться несправедливостью, но, в конце концов, разве не благодаря блестящему уму этих людей компании зарабатывают те деньги, из которых выплачивается щедрое вознаграждение? Если можно было бы найти таких же талантливых людей, которые согласились бы делать ту же работу за меньшие деньги, акционеры, безусловно, проголосовали бы за них. Но если акции стабильно растут в цене, зачем акционерам что-то менять?

Разумеется, общество должно сохранять чувство меры. Чистый, нерегулируемый капитализм опасен, поскольку неизбежно ведет к народным бунтам и расколу в обществе. Необходимо поддерживать тонкий баланс. Нужно найти способы позволить даже самым нижним слоям населения поддерживать достойный уровень жизни и чувствовать свою принадлежность к обществу.

Когда я был председателем Инвестиционной корпорации правительства Сингапура, некоторые из наших инвестиционных менеджеров зарабатывали в пять раз больше меня. Насколько это разумно? Если бы мы не платили им такую зарплату, они уже на следующий день уволились бы и устроились на работу в какой-

нибудь инвестиционный банк, готовый дорого заплатить за их ум и профессионализм. Конечно, я мог бы сказать: «Я должен зарабатывать больше, чем мои менеджеры, потому что я создал эту систему». Но как раз это было бы неразумно. Чтобы общество оставалось сплоченным, в нем должно существовать определенное чувство равенства и справедливости. В Сингапуре мы достигаем этого путем предоставления менее обеспеченным гражданам льгот на коммунальные услуги, прибавок к доходам в виде трудовых пособий, субсидий при покупке государственного жилья и т. п.

Мы никогда не вернемся в тот мир, что был в прошлом. Мы не можем отказаться от самолетов, Интернета, айфонов. Надо принимать мир таким, какой он есть, и искать путь, который позволит обществу уверенно развиваться и идти в ногу со стремительно меняющимся временем. Помните: Земля не перестанет вращаться ради вас.

В: В результате перемещения мировой экономической активности в Азию не придем ли мы к тому, что через 30 лет Международный валютный фонд или Всемирный банк будет возглавлять китаец?

О: Это вполне вероятно, но китайцы на этом не настаивают. Они хорошо и стабильно растут и в рамках существующей системы. Им все равно, кто стоит во главе МВФ или Всемирного банка — француженка, американец или кто угодно еще.

В: Но если китайцы будут на этом настаивать, как, по вашему мнению, отреагирует Запад?

О: Скорее всего, к тому моменту Китай будет главным кредитором многих западных стран. Они будут его должниками, и я не думаю, что им хватит сил противостоять Китаю.

В: Может ли китайцам в один прекрасный день надоесть держать свои резервы в американских долларах и получать низкую доходность?

О: Может быть. Они могут начать постепенно выходить из американских долларов, но делать это тихо. Хотя я не думаю, что они попытаются заменить доллар.

В: Вы назвали неравенство одной из главных проблем, порождаемых глобализацией. Что можно сделать для решения этой проблемы?

О: В рамках каждой страны нужно сбалансировать уровни доходов верхних и нижних слоев населения путем налогообложения и субсидий, чтобы сохранить целостность общества. Гораздо сложнее решить проблему неравенства между странами. Для этого нужно было бы создать мировое правительство и договориться о том, чтобы все богатые

государства передавали часть своих излишков в мировую казну или центробанк для оказания помощи бедным. Разумеется, этого не произойдет. Китайцы никогда не скажут: «Давайте поможем бедным странам — ведь мы тоже когда-то были бедны». Они упорно трудились, чтобы достичь процветания и накопить богатство. Разве согласятся они расточать его? Кроме того, при оказании помощи бедным странам с неэффективными правительствами, как правило, существует опасность того, что денежные средства не будут направлены на реальные проекты, призванные улучшить жизнь людей, а осядут в карманах коррумпированных политиков.

В: Но вы считаете, что в идеале страны должны были бы помогать другу таким образом?

О: Для Сингапура это было бы невыгодно. Наш доход на душу населения в этом случае упал бы с $52 000 до $30 000. Зачем нам это? Почему мы должны субсидировать другие страны? Разумеется, сингапурский электорат будет голосовать против.

В: Но ради стабильности в регионе и во всем мире?..

О: В первую очередь мы должны позаботиться о себе. Наша стабильность зависит от сильной армии, которая гарантирует, что нас никто не тронет. Иначе ничто не сможет помешать толпам людей маршировать через дамбы на наш остров. За те два года, что мы входили в состав Малайзии, поток переселенцев из нее не прекращался. Они самовольно строили свои времянки в Сингапуре, потому что это была городская территория, где все удобства под боком. Но отсоединившись, мы отправили всех малайзийцев обратно на родину. Это не наша забота.

9. Энергия и изменение климата. Нужно готовиться к худшему

Я убежден, что на Земле наступает глобальное потепление, и это происходит по вине человека. Так считает большинство ученых, изучающих эту проблему.

Существуют и альтернативные точки зрения. Согласно одной из них, повышение температуры является частью нормального цикла, который Земля уже не раз переживала за 4,5 млрд лет своего существования, и, следовательно, нынешнее потепление никак не связано с выбросами двуокиси углерода в результате человеческой деятельности. Если это действительно так, нам не остается ничего другого, кроме как сидеть и ждать, когда будет пройден пик цикла, и температура снова начнет снижаться. Однако, по-моему, есть убедительные доказательства того, что в происходящем сегодня нет ничего «нормального». Нагрев происходит слишком быстро. Ледники тают на глазах. Северо-Западный проход — морской путь, пролегающий вдоль побережья Канады, Аляски и России, который раньше всегда был покрыт льдом, теперь открыт для судоходства в летние месяцы. Такого раньше не бывало.

Глобальное потепление и изменение климата угрожают выживанию человечества. Это ставит все страны мира перед настоятельной необходимостью действовать сообща и значительно сократить общий объем выбросов в атмосферу. К сожалению, маловероятно, что это произойдет. В 2009 г. Конференция ООН по изменению климата в Копенгагене не завершилась подписанием какого-либо обязывающего соглашения, хотя на ней присутствовали лидеры всех ключевых стран. Последующие конференции также не привели к ощутимым результатам, и я сомневаюсь, чтобы их удалось достичь в будущем.

В корне проблемы лежит кажущийся неизбежным компромисс между сокращением выбросов и ростом экономики. Когда правительства садятся за стол переговоров, они знают, что им нельзя идти на слишком большие уступки, потому что они должны думать об интересах своих народов. Если они возьмут на себя обязательства, ведущие к значительной потере доходов и рабочих мест, то недолго продержатся у власти.

Некоторые страны больше других беспокоятся о последствиях глобального потепления и готовы платить более высокую цену за создание зеленого, экологически устойчивого мира. В эту

категорию попадает большинство европейских стран. После Второй мировой войны я четыре года прожил в Великобритании. В те годы на острове, как и в континентальной Европе, был относительно ровный и предсказуемый климат. Но теперь все изменилось. От Средиземного моря до Скандинавии мы видим наводнения, ураганы, сильные ветры и периоды аномальной жары, которые приводят к разрушениям и гибели людей. Вот почему европейцы понимают, что климатические проблемы нужно решать безотлагательно.

В отличие от них, американцы меньше боятся изменений погоды. У них всегда были торнадо и ураганы, даже если в последние годы они участились. Для них это привычное дело: территория объявляется зоной бедствия, для помощи задействуются федеральные ресурсы, страховые компании выплачивают деньги, и люди строят новые дома. Недаром Америка до сих пор не ратифицировала Киотский протокол. Президент США Барак Обама назвал борьбу с изменением климата одним из приоритетов, но его администрация до сих так и не разработала комплексного законодательства в этой области. Тем не менее я считаю, что даже американцы понемногу начинают шевелиться. Пройдет много времени, прежде чем их позиция в этом вопросе сравняется с европейской, но они уже делают первые шаги. Например, сланцевая революция поощряет переход от угля, самого грязного ископаемого топлива, на сланцевый газ. Американцы — одни из крупнейших потребителей энергии в мире, что накладывает на них определенный груз ожиданий. Они должны показать путь другим.

Китай, Индия и другие развивающиеся страны приводят в свою защиту тот аргумент, что их выбросы углекислого газа намного ниже, чем у промышленно развитых государств, если брать этот показатель на душу населения. Они стремятся к интенсивному росту и обвиняют богатые страны в том, что те достигли нынешнего уровня развития экологически недружественными способами, а теперь умышленно пытаются наложить оковы в виде ограничения выбросов на тех, кто пытается их догнать. Значительная часть загрязнения, накопленная до настоящего времени, стала результатом деятельности развитых, а не развивающихся стран, говорят они. Учитывая столь разные позиции, вряд ли можно надеяться на то, что этот вопрос будет решен в ближайшем будущем.

Ситуация усугубляется тем, что население мира продолжает устойчиво расти. В 2012 г. оно превысило 7 млрд человек и по прогнозам должно достичь к 2050 г. 9 млрд. Благодаря развитию технологий мы можем увеличить производство продуктов

питания и научиться более компактно заселять ограниченные пространства, но в какой-то момент все равно достигнем предела. Количество людей, которое может жить на планете без серьезного ущерба для окружающей среды и биоразнообразия, ограниченно. Как остановить неуклонный рост населения? Я считаю, что есть всего один способ: дать женщинам доступ к образованию, потому что образованные женщины рожают меньше детей. Чем раньше мы это сделаем, тем лучше.

Но что можно сделать, пока вышеуказанные тенденции продолжают набирать силу?

Во-первых, вместо того чтобы спорить о сокращении выбросов, гораздо мудрее потратить время и энергию на то, чтобы подготовиться к гуманитарной катастрофе, которая может разразиться в ближайшие нескольких десятилетий. Необходимо разработать планы действий на случай таких событий, как повышение уровня моря, экстремальные погодные условия, наступление дефицита продовольствия и воды и т. д. Например, если ледники в Центральной Азии и Китае начнут интенсивно таять, нижележащие города и местности сначала будут страдать от наводнений, а потом, когда ледников не останется и объем водоснабжения резко сократится, — от засухи. Бассейны рек больше не смогут обеспечивать водой такое же количество людей, как раньше.

Кроме того, по мере повышения уровня моря у жителей низменных районов не останется другого выбора, кроме как покинуть их. Согласно одному из исследований, повышение уровня моря всего на один метр заставит переселиться примерно 145 млн человек по всему миру и приведет к загрязнению питьевой воды для еще большего числа людей. Большие участки суши — целые города — уйдут под воду. Может начаться голод, поскольку во многих случаях плодородные почвы будут затоплены, а территории, находящиеся выше над уровнем моря, не так благоприятны для земледелия.

Богатые страны будут искать способы бороться с повышением уровня моря. Например, в Лондоне уже построен «барьер Темзы» — заградительная плотина, которая защищает город от высоких морских приливов. В будущем будет нетрудно нарастить высоту барьера. Гораздо сложнее решить эту проблему государствам, расположенным на морском побережье или на островах, таким как Сингапур и Мальдивы. Ситуация может усугубляться необходимостью трансграничной миграции. Например, если пострадают прибрежные районы Китая, их жители могут переселиться вглубь страны. Конечно, экономические последствия такой миграции неизбежны, но это не приведет к

серьезным политическим потрясениям. В то же время в случае Бангладеш, бóльшая часть которого находится ниже уровня моря, его жителям придется перебираться в Индию. Никакие границы не смогут остановить поток людей, спасающих свои жизни. Последствия очевидны. Массовый приток иностранцев значительно повысит риск возникновения конфликтов.

Во-вторых, следует отметить, что каждая страна может предпринимать шаги в этом направлении, несмотря на отсутствие международных договоренностей, поскольку забота об экологии — не всегда вопрос альтруизма. Снижение уровня загрязнения улучшает состояние окружающей среды и качество жизни людей внутри самой страны. В некоторых случаях усилия по сокращению выбросов могут быть экономически целесообразными, особенно когда эти выбросы обусловлены неэффективным использованием энергии. Японцы скрупулезно изучают, как можно свести к минимуму количество энергии, идущей на производство каждого продукта, поскольку они понимают, что это позволяет существенно снизить его себестоимость. Противоположный подход — топливные субсидии. Когда вы субсидируете энергоносители, люди не заботятся об экономии и не стремятся оптимизировать их использование. Следовательно, отмена таких субсидий — и, возможно, даже введение налогов на энергоносители, чтобы показать обществу их истинную стоимость, — может принести пользу как экономике, так и защите окружающей среды.

По этим причинам многие страны уже начали действовать в одностороннем порядке. Этим объясняется рост экологического сознания в Китае. Китайцы понимают, что, если они будут продолжать производить на нынешнем уровне энергоэффективности, они никогда не обгонят США по объему ВВП на душу населения, просто потому что им не хватит на это энергоресурсов. Кроме того, они видят, как ухудшается экологическая обстановка в стране и население начинает все больше страдать от загрязнения воздуха и воды. Растет заболеваемость респираторными заболеваниями. Участились песчано-пылевые бури. Ледники на Тибетском плато сокращаются с каждым годом. Когда в период Олимпийских игр 2008 г. китайцы вдвое сократили количество машин на дорогах и остановили некоторые из заводов, экологическая обстановка заметно улучшилась. И теперь, когда люди увидели, что это возможно, по мере повышения стандартов жизни они будут усиливать давление на правительство, требуя сосредоточить внимание на защите окружающей среды.

Индии может потребоваться больше времени для становления

экологического сознания, поскольку она менее урбанизирована и промышленно развита, чем Китай, и пока не столкнулась с такими же серьезными экологическими проблемами. Реальные шаги на международном уровне начнут предприниматься только тогда, когда люди во всех странах ощутят на себе последствия глобального потепления и почувствуют реальную угрозу для своего образа жизни, как это уже произошло в Европе. Но до тех пор, пока гром не грянет, большинство стран будут относиться к изменению климата как к чисто теоретической проблеме.

Между тем прогресс в способах получения энергии может позволить нам выиграть немного времени. Новая технология добычи сланцевого газа открыла доступ к гигантским запасам этого топлива в Соединенных Штатах и других частях мира. Появление этой технологии по праву называют революцией, поскольку она во многом изменила правила игры.

Сланцевый газ — более экологичный вид топлива, чем уголь, и может позволить значительно сократить объем выбросов. Кроме того, благодаря ему в мире существенно увеличились общие запасы ископаемых энергоносителей, что отодвинуло срок их исчерпания на несколько десятилетий, а то и больше. Наконец, сланцевый газ обещает сделать Северную Америку энергетически независимой, а это совершенно неожиданный поворот событий. Терминалы СПГ и порты, построенные в Соединенных Штатах для импорта сжиженного газа, теперь будут использоваться для его экспорта. Конечно, сланцевый газ не сможет полностью вытеснить нефть. Самолеты по-прежнему будут летать на керосине. Но переход на сланцевый газ во многих областях приведет к заметному снижению спроса на нефть. В результате Ближний Восток потеряет значительную часть своей мощи и влияния как ведущий мировой производитель нефти. Это также во многом ослабит угрозу наступления глобальной рецессии в результате резкого роста цен на нефть, как не раз бывало в прошлом.

Но экологи не в восторге от сланцевой революции. Они предпочли бы, чтобы мир полностью отказался от ископаемого топлива и перешел на использование возобновляемых источников энергии. Лично я не думаю, чтобы какая-либо страна могла бы удовлетворить все свои энергетические потребности или хотя бы бóльшую их часть за счет возобновляемых источников. В некоторых областях мы еще долго не сможем обойтись без нефти, например таких как воздушный и наземный транспорт. Электромобили — отличное изобретение, но они не подходят для поездок на большие расстояния и для перевозки тяжелых грузов.

Я являюсь членом Международного консультативного совета французской нефтегазовой компании Total. Компания регулярно

анализирует состояние дел в сфере альтернативных источников энергии, таких как ветер, солнце, приливы и др. Вывод всегда одинаков: тогда как отдельные районы мира в силу благоприятных природных условий могут находить использование тех или иных альтернативных источников экономически целесообразным, общий их вклад будет оставаться незначительным. Они могут играть вспомогательную роль, но из-за своей маломощности и нестабильности никогда не сумеют заменить традиционные источники энергии.

Пару лет назад один мой китайский друг рассказал мне, что в Китае расширяется использование солнечных батарей в жилых домах, особенно для нагрева воды. Я отправил в наше Министерство окружающей среды и водных ресурсов записку с вопросом о том, почему бы Сингапуру не подумать о покупке таких панелей у Китая, если они действительно настолько дешевы и эффективны, как кажется. Мне ответили, что эта технология пока экономически нежизнеспособна. Китай субсидирует установку панелей и вкладывает большие деньги в исследования в этой области, потому что хочет стать мировым лидером в производстве солнечных батарей. Но Китай — большая страна, поэтому может позволить себе делать это.

Что касается Сингапура, то нам лучше подождать, пока цены на солнечную энергию не упадут до приемлемого уровня. Анализ выгод и затрат говорит о том, что на данный момент единственной альтернативой нефти и газу, не приводящей к глобальному потеплению, является ядерная энергия. После инцидента на АЭС в Фукусиме некоторые страны, включая Германию, решили либо закрыть свои атомные электростанции, либо отказаться от строительства новых. Но другие, такие как Китай и Южная Корея, продолжают идти вперед. Сама Япония приняла трудное, но здравомыслящее решение сохранить свою ядерную энергетику. Разумеется, в идеальном мире все страны предпочли бы отказаться от ядерной энергии из-за сопряженных с ней высоких рисков и нерешенной проблемы утилизации радиоактивных отходов. Но на практике у нас не такой уж большой выбор. Я думаю, что со временем многие страны начнут обращаться к ядерной энергетике. Сланцевая революция может отсрочить этот момент, но доля ядерной энергии в общемировом производстве энергии будет расти.

В конце концов, все страны должны осознать, что у нашей планеты есть пределы того, что она может выдержать. И мы должны учитывать это, если хотим жить. Мы все обитаем на одной планете, и наши судьбы взаимосвязаны. Неважно, кто окажется прав, а кто нет. Если с Землей что-то случится,

пострадают все. Разумеется, к тому моменту, когда проявятся наиболее разрушительные последствия глобального потепления, возможно через 50–150 лет, меня, как и многих других ныне живущих людей, уже не будет. Но мы несем ответственность перед нашими детьми и внуками за то, чтобы передать им планету такой же здоровой и жизнеспособной, какой получили ее в наследство от предыдущих поколений.

В: Возможно ли, что научно-технический прогресс — появление технологий, которые мы пока даже не можем себе представить, — позволит смягчить некоторые из наихудших последствий глобального потепления?

О: Кто знает? Ученые могут придумать какой-нибудь способ защитить Землю от избытка солнечного тепла, например создать огромную чашу, которая будет собирать тепло и рассеивать его в космосе. Это можно было бы делать на суше. Но как делать это над водой?

В: Как вы думаете, не обострится ли конфликт в Южно-Китайском море из-за наличия там месторождений нефти и газа?

О: Бурение еще не началось, поэтому пока никто точно не знает, что там есть под водой. Что касается спора вокруг островов Сенкаку, или по-китайски Дяоюйдао, то я не думаю, что он связан с нефтью. Это скорее вопрос суверенитета и национальной гордости. Я думаю, что спор угаснет сам собой без какого-либо урегулирования. Ни одной из сторон невыгодно позволить ему испортить экономические отношения. С точки зрения Японии эта проблема не стоит того, чтобы отказаться от инвестиций в Китае. А китайцам нужны японские инвестиции, хотя пока они поднимают шум из-за этих островов. Но воевать они не станут. Разумеется, если в пределах их исключительной экономической зоны действительно будут найдены нефть и газ, китайцы могут встать на защиту своих интересов, потому что им очень нужны энергоносители.

В: Может ли хлынуть в Сингапур волна переселенцев из других стран, спасающихся от повышения уровня моря?

О: Это сингапурцам придется переселяться в другие страны. Если уровень моря повысится на один-два метра, мы потеряем бóльшую часть нашей территории. Останется разве что холм Букит-Тимах, но этот клочок земли слишком мал, чтобы говорить о нем.

В: Насколько серьезно Сингапур изучает идею строительства защитной дамбы?

О: Если этого потребуют обстоятельства, нам придется ее построить. Мы уже приглашали специалистов из Голландии, чтобы они дали свои рекомендации, и они сказали, что

строительство насыпных дамб у нас невозможно. Нам нужно возводить защитную стену. В Голландии земли расположены ниже уровня моря, у нас выше. При этом нам придется придумать, как разместить морской порт за пределами этой стены.

В: Некоторые говорят, что Сингапур делает крайне мало для охраны окружающей среды. Разумеется, мы должны принимать во внимание стоимость природоохранных мер, но не думаете ли вы, что Сингапур может делать гораздо больше в этом направлении?

О: Наша страна настолько мала, что мы никак не можем повлиять на изменение климата на планете. На нашу долю приходится всего 0,2 % мировых выбросов. Тем не менее Сингапур уже предпринял ряд значимых по меркам нашей страны шагов, таких как переход на природный газ для производства электроэнергии, ограничение роста количества автомобилей и их использования и повышение энергоэффективности.

В: Будь вы сегодня в правительстве, добивались бы вы того, чтобы в этом направлении делалось еще больше?

О: Я поручил бы провести исследования и тщательно оценить все доступные нам альтернативы. Но при этом нужно учитывать, что сингапурцы трепетно относятся к деньгам. Цена для них важнее, чем экология. Например, мы попытались убедить их перейти на гибридные автомобили, но те, даже с учетом сниженных налогов, стоят намного дороже, поэтому люди предпочитают покупать обычные машины. Разумеется, правительство может потребовать этого в законодательном порядке. Когда на рынке появятся действительно эффективные гибридные автомобили, мы можем принять закон, разрешающий сингапурцам приобретать только их или электромобили.

В: Не могут ли проблемы экологии приобрести статус значимых политических вопросов, особенно среди молодых сингапурцев?

О: Нет. Почему экология должна становиться политикой?

В: Например, сингапурцы очень дорожат зелеными зонами и хотят сохранить их. Могут ли появиться группы, которые попытаются спекулировать на этой идее, придав ей политическую окраску и постаравшись мобилизовать народ?

О: Нет, вряд ли. Правительство заботится о защите незастроенных зеленых зон ничуть не меньше, чем любая общественно-политическая организация.

В: Но в 2012 г. эксгумация могил на кладбище Букит-Браун в связи со строительством новой дороги вызвала бурные протесты общественности…

О: Да, были задеты чувства людей.

В: Но одним из аргументов, выдвигавшихся несогласными, был тот, что таким образом уничтожается ценная флора и фауна.

О: Нет, дело было не столько во флоре и фауне, сколько в могилах. Людьми двигала сентиментальность: там похоронено несколько поколений наших предков, на могилах написаны их имена, имена их детей и внуков. Это было напоминанием о прошлом. Но мы раскопали кладбище Бидадари и использовали это место под строительство. Поэтому, если нам понадобится земля и нам придется раскопать все кладбище Букит-Браун и перенести прах усопших в колумбарий, мы это сделаем.

10. Личная жизнь. Знать, когда уйти

Я придерживаюсь строгого распорядка дня. Проснувшись, разбираю электронную почту, читаю газеты, делаю зарядку и завтракаю. Затем еду в свой офис в резиденции Истана, работаю с документами и пишу статьи и речи. После обеда, ближе к вечеру, иногда встречаюсь с журналистами, после чего могу провести час или два с моими учителями китайского языка.

Я ввел в привычку ежедневно заниматься физическими упражнениями. Сейчас мне 89 лет, и я могу нормально сидеть и ходить без трости. Когда мне было 30 лет, я много курил и увлекался пивом. Но, потеряв однажды во время избирательной кампании голос, я бросил курить. Это было еще до того, как медицинские исследования установили связь между курением и раком легких и горла. Как ни странно, позже у меня развилась повышенная чувствительность к сигаретному дыму. Кроме того, от большого количества пива у меня появился пивной живот — это хорошо видно на фотографиях того времени. Чтобы вернуться в хорошую физическую форму, я начал больше играть в гольф, но потом перешел на бег и плавание, потому что они дают больше аэробной нагрузки за меньшее время. Сейчас я упражняюсь на беговой дорожке три раза в день: 12 минут утром, 15 минут после обеда и 15 минут после ужина. Перед ужином я плаваю в бассейне по 20–25 минут. Без этого я не смог бы находиться в весьма приличной физической форме. Все дело в дисциплине.

Я по-прежнему продолжаю встречаться с людьми. Это необходимо, чтобы видеть более широкую картину. Я встречаюсь не только с сингапурцами, но и малайцами, индонезийцами, китайцами, европейцами и американцами. Стараюсь общаться не только со старыми друзьями или политическими лидерами, но и с представителями самых разных кругов, включая ученых, бизнесменов, журналистов и простых людей.

В последние годы я сократил количество зарубежных поездок, потому что мне все труднее адаптироваться к смене часовых поясов, особенно при поездках в Соединенные Штаты. До 2012 г. я раз в год посещал Японию, чтобы выступить на конференции «Будущее Азии», которая организуется японской медиакорпорацией Nihon Keizai Shimbun (Nikkei) и проводилась вот уже 19 раз. В свое время я так же регулярно, раз в год, ездил в Китай. Конечно, мне не нравился Пекин из-за высокого уровня загрязнения, но у меня не было выбора, поскольку все правительство находится там. В 2012 г. Международный консультативный совет JP Morgan, членом которого я являюсь,

оказал мне честь, приняв решение провести свою ежегодную встречу в Сингапуре. Так же поступил и консультативный совет французской компании Total. Я бы спокойно выдержал поездку во Францию — до нее всего 12 часов лета на комфортабельном Airbus 380. Но поездка в Нью-Йорк гораздо более утомительна, особенно из-за значительной разницы во времени. Путешествия за границу помогают мне расширять горизонты. Я вижу, как развиваются другие страны. Ни одна страна, ни один город не остаются неизменными. Я снова и снова вижу, как меняются Лондон и Париж.

Поскольку я больше не вхожу в правительство, я не так хорошо информирован о происходящем и мне трудно выносить полноценные суждения. Поэтому я соглашаюсь с большинством решений, принимаемых министрами. Я редко выражаю противоположное мнение, по крайней мере гораздо реже, чем когда я входил в правительство и присутствовал на всех заседаниях кабинета, что позволяло мне видеть картину целиком и отстаивать свою точку зрения.

Иногда, когда я категорически с чем-то не согласен, я доношу свою точку зрения до премьер-министра. Например, так было в том случае, когда правительство обсуждало вопрос о возвращении программ на диалектах китайского языка на бесплатных государственных телеканалах. Они рассуждали следующим образом: «Поскольку мандаринский язык уже надежно устоялся в нашем обществе, давайте транслировать программы на других диалектах китайского, чтобы доставить удовольствие пожилому населению». Я решительно этому воспротивился, поскольку в мою бытность премьер-министром мне стоило огромных трудов побудить людей отказаться от диалектов и перейти на мандаринский язык. Так зачем же теперь возвращаться в прошлое? Мне пришлось бороться с целым поколением китайцев, которые яростно протестовали против отмены своих любимых телепрограмм на государственных телеканалах. На канале Rediffusion работал великолепный телеведущий Ли Дай Сор, но нам пришлось закрыть его шоу. Зачем заражать следующее поколение сингапурцев кантонским или хок-кьеном? Если вы вернете эти телепрограммы, старшее поколение начнет говорить на диалектах со своими детьми и внуками. Так мы медленно, но верно, вернемся к прошлым проблемам.

В каждой стране должен быть один общий язык, который понимают все ее жители. Сингапуру британцы оставили в наследство четырехязычное общество, и его интеграция была непростым делом. У нас было много китайских школ, где

обучалось большинство сингапурских китайцев. Они очень гордились своим языком, особенно после того как в 1949 г. в Китае было создано новое коммунистическое государство. Мне пришлось бороться сразу на многих фронтах, чтобы перевести обучение во всех школах на английский, а родной язык преподавать как второй. Китайские шовинисты сражались против этого не на жизнь, а на смерть. Китайские газетчики подливали масла в огонь, чтобы не терять свои тиражи. Поскольку в то время я не обладал достаточным влиянием среди китайской общины, мой пресс-секретарь Ли Вей Чень, китаец по происхождению, держал китайскую прессу, китайские школы и Наньянский университет под жестким контролем, чтобы предотвратить или хотя бы свести к минимуму демонстрации, забастовки и саботаж.

В конце концов люди осознали все преимущества англоязычного образования, и проблема решилась сама собой. Благодаря этому сегодня Сингапур говорит на английском, что позволяет нам свободно общаться со всем миром и привлекает к нам транснациональные корпорации, а родные языки помогают сохранять тесные связи с Китаем, Индией и Индонезией. В свое время выбор языка стал критическим поворотным моментом для нашей страны. Если бы мы выбрали другой язык, сегодня Сингапур мог бы быть застойным болотом.

Не только по сентиментальным, но и по сугубо практическим соображениям, связанным с расширяющейся торговлей и бизнесом с Китаем, сегодня нам нужен китайский как второй язык. Но нам не нужны диалекты. В свое время мы потратили массу времени, сил и политического капитала на то, чтобы очистить средства массовой информации от диалектов китайского языка, потому было бы крайне глупо отказываться от этого сегодня.

Жизнь лучше смерти. Но смерть когда-нибудь приходит к каждому. Многие люди в расцвете сил предпочитают не думать об этом. Но в 89 лет я не вижу смысла избегать мыслей о ней. Меня волнует, как я уйду. Умру ли я быстро, из-за остановки сердца вследствие инфаркта миокарда? Или меня поразит инсульт, и я буду много месяцев лежать в постели, разбитый параличом, в полубессознательном состоянии? Из этих двух вариантов я, разумеется, предпочел бы первый.

Некоторое время назад я составил «завещание о жизни», в котором распорядился: в том случае, если я впаду в такое состояние, в котором меня придется подключить к аппаратам жизнеобеспечения фактически без шансов на то, что я смогу вернуться к нормальной жизни, врачи должны отключить меня от

этих аппаратов и позволить мне быстро умереть. Этот документ заверен моим врачом и юристом.

Если вы не составите такой документ, они сделают все возможное, чтобы предотвратить неизбежный исход. Я видел много таких случаев. Мой шурин Йонг Ньюк Лин был подключен к такому аппарату. Он находился у себя дома, и рядом лежала его жена, почти в таком же состоянии. Его сознание вскоре угасло. Но жизнь в нем поддерживали еще несколько лет. Какой в этом смысл? Очень часто врачи и родственники считают, что должны сохранить человеку жизнь во что бы то ни стало. Я с этим не согласен. У всего есть конец, и я хочу, чтобы конец моей жизни наступил по возможности быстро и безболезненно. Я не хочу покидать этот мир, лежа на кровати в коматозном состоянии, с трубками в носу и желудке. В конце концов, человек — это не только тело.

Я не склонен видеть в жизни какой-то смысл — некое великое предназначение — и оценивать ее как-то иначе, чем с точки зрения того, что вы хотели сделать. Что касается меня, то я сделал в своей жизни все, что желал, на что хватило моих сил и талантов. Я удовлетворен.

Разные общества выработали разные философские объяснения, ради чего нам дается жизнь и что происходит после нее. В Америке вы найдете ревностных последователей христианства, особенно в консервативном Библейском поясе, охватывающем юг страны. В Китае, несмотря на десятилетия маоистской и марксистской идеологической обработки, широко распространены религии на основе традиционного буддизма и даосизма. В Индии люди верят в реинкарнацию.

Я не назвал бы себя атеистом. Я не отрицаю существование Бога, хотя и не могу однозначно сказать, что он есть. Говорят, что наша Вселенная образовалась в результате Большого взрыва. Но люди как мыслящие существа, стремящиеся постичь самих себя и мир вокруг, появились на Земле всего 20 000 лет назад. Стало результатом это ли дарвиновской эволюции? Или же делом рук Божьих? Я не знаю. Поэтому не смеюсь над людьми, которые верят в Бога, даже если сам не наделен такой верой.

У меня был близкий друг Хон Суй Сен, который был очень набожным католиком. Когда он умирал, рядом с ним находился священник. Хотя ему было всего 68 лет, он не боялся смерти. Он верил, что на небесах встретит свою жену. Я тоже хотел бы после смерти встретить свою жену, но не думаю, что это произойдет. Я просто перестану существовать, как перестала существовать и она — иначе загробный мир был бы перенаселен людьми. Могут ли быть небеса безграничным пространством, способным вместить

все души когда-либо живших людей? Сомневаюсь. Но Суй Сен верил в это, и это сделало последние мгновения его жизни спокойными и радостными. Его жена, которая умерла в ноябре 2012 г., также верила в то, что они встретятся на небесах.

Окружающие меня люди, которые раньше предпринимали попытки обратить меня в свою веру, больше не делают этого, понимая, что это бесполезно. У моей жены была подруга детства, чрезвычайно религиозная и пытавшаяся обратить всех вокруг в христианство. В конце концов моя жена перестала с ней общаться, сказав: «Это абсурд. Каждый раз, когда мы встречаемся, она только и делает, что проповедует». Она не верила в жизнь после смерти, хотя, по общему признанию, человеку легче и комфортнее жить с верой в загробную жизнь, чем без нее.

С каждым днем я становлюсь все менее энергичным, менее активным. Если бы меня попросили выйти в два часа дня в самую жару на площадь, чтобы встретиться с людьми, пожать им руки, поцеловать детей, я был бы не в состоянии сделать это. Вот 20–30 лет назад мог бы, а теперь нет. Жизнь нужно принимать такой, какая она есть, смиряясь с тем, что физическое тело постепенно приходит в упадок. Иногда мой секретарь, видя, как я отдыхаю в своем кабинете, спрашивает, не стоит ли отменить следующую встречу. Порой я говорю: «Нет, все в порядке, скоро я буду готов». Мне нужно на 15 минут закрыть глаза, чтобы после этого мой ум снова стал ясным и сосредоточенным. Но если чувствую, что у меня нет сил, я просто говорю: «Да, давайте отложим встречу. Мне нужно вздремнуть». Вы не можете сказать заранее, как будете себя чувствовать. Несмотря на строгую самодисциплину, я не в силах остановить процесс угасания.

Я доволен тем, как прошла моя жизнь, и это удовлетворение проистекает из того факта, что я сумел завоевать поддержку и мобилизовать свой народ, чтобы сделать нашу страну меритократическим государством, свободным от коррупции, где царит равенство и верховенство права, — и она останется таковой после моей смерти. Когда я вступил в должность премьер-министра, Сингапур был совсем другим. В правительстве Лим Ю Хока процветала коррупция. Там был один человек по имени Мак Пак Ши, усатый кантонец индийского происхождения. У него было прозвище «реша́ла», потому что за определенную мзду он мог решить в правительстве любой ваш вопрос.

Сейчас Сингапур — единственное свободное от коррупции государство в этом, пожалуй, самом коррумпированном регионе мира. Мы создали наши институты таким образом, чтобы не допустить ее возникновения, и учредили специальное Бюро по противодействию коррупции. Назначение на руководящие посты

у нас всецело зависит от заслуг человека, а не от его национальности, языка или религии. Если мы сохраним эти институты, то будем продолжать идти по пути прогресса. На это я возлагаю самые большие свои надежды.

В: Раньше вы говорили, что считаете себя буддистом. Вы все еще можете назвать себя таковым?

О: Да, могу. Я соблюдаю буддистские ритуалы и другие формальности. Я не христианин и не даос. И не принадлежу ни к какой религиозной секте.

В: Что вы имеете в виду под «ритуалами»?

О: Например, в день поминовения умерших мы приносим дары нашим предкам — еду и разные вещи. Слуги раскладывают все это особым образом. Но мое поколение — последнее, кто это делает. Это как приведение в порядок могил на праздник Цинмин. С каждым поколением это делает все меньше людей. Это ритуал.

В: Где же тогда вы черпаете утешение, если не в религии?

О: Меня утешает мысль о том, что смерть — это конец всех горестей, болей и страданий. И я надеюсь, что этот конец наступит скоро. Просматривая некрологи в газетах, я вижу, что очень мало людей живет дольше меня. Мне всегда интересно: как они жили? Как умерли? В трезвом уме или беспамятстве? Быстро или после продолжительной болезни? Когда вам 89 лет, вы невольно думаете о таких вещах. Я бы посоветовал каждому, кто не хочет умереть, опутанный трубками и проводами, проведя несколько месяцев в коматозном или полукоматозном состоянии, составить «завещание о жизни». Откажитесь от медицинского вмешательства ради искусственного поддержания жизни. Умрите естественной смертью.

В: Но в Сингапуре по-прежнему очень мало людей составляют завещание о жизни.

О: Потому что люди боятся думать о смерти.

В: Как вы относитесь к эвтаназии, которая уже легализована в некоторых странах?

О: Я думаю, что при определенных условиях, когда эвтаназия не используется как способ избавиться от стариков и является личным решением человека, который таким образом хочет освободить себя от страданий, ее можно разрешить, как это сделали голландцы. В своем завещании о жизни я так и написал: «Позвольте мне уйти».

В: Если к вам подойдет внук и спросит, что значит прожить хорошую жизнь, что вы ему скажете?

О: Всем моим внукам уже больше 20 лет. Они не задают мне таких вопросов. Они знают, что такое хорошая жизнь. Они живут

в другом мире, общаются с другими людьми, ставят перед собой другие цели — их представления о жизни значительно изменились по сравнению с представлениями моего поколения.

В: Вы хотите сказать, что на нынешних молодых людей невозможно повлиять?

О: Вы можете влиять на их ценности и принципы с момента рождения до 16–17 лет. Но после этого — а иногда и раньше — они начинают жить своим умом, и на них может повлиять только их непосредственный опыт и их сверстники.

В: Вы сказали, что не верите в то, что после смерти встретитесь со своей женой. Но разве иногда, в глубине души, вы не надеетесь на это? Разве человеку не свойственно в это верить?

О: Нет, это идет вразрез с логикой. Предположим, что люди не умирают. Куда тогда они попадают?

В: Возможно, на некие метафизические небеса?

О: Где мы существуем как некие призраки? Нет, я так не думаю.

В: Как часто вы думаете о своей жене?

О: У нас есть урна с ее прахом, и я попросил детей, чтобы после моей смерти они поместили урну с моим прахом в колумбарии рядом с ней, по сентиментальным соображениям.

В: И потому, что вы все-таки надеетесь на встречу?

О: Вовсе нет. Моя жена умерла. Все, что осталось от нее, — горстка праха. Когда я умру, от меня тоже останется горстка праха. Сейчас мне приятно думать, что мой и ее прах будут находиться рядом. Но встреча в загробной жизни — это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Но индусы верят в реинкарнацию.

В: Да, так учит индуизм.

О: Если вы ведете праведный образ жизни, то в следующей жизни получите новое, лучшее тело. Если же вы грешите, то в следующей жизни можете стать собакой или кем-то похуже.

В: Но буддисты тоже так считают…

О: Они не столь однозначны в своих представлениях о жизни после смерти.

В: Отличается ли ваш сегодняшний образ жизни от того, каким он был в вашу бытность премьер-министром?

О: Разумеется. Сейчас на мне не лежит такого груза ответственности.

В: Но вы всегда хорошо справлялись с любым давлением…

О: Самое трудное, когда ты занимаешь такой высокий пост, — это принятие решений. Очень часто существует несколько возможных альтернатив, поэтому нужно тщательно изучить вопрос и попытаться найти оптимальное решение. Но, когда оно принято, действовать нужно уверенно, без оглядки. Это уже

давление другого рода.

В: Вы скучаете по такой ответственности?

О: Нет. Почему я должен скучать? Я сделал свое дело.

В: Но разве вы не хотели бы, как прежде, участвовать в заседаниях кабинета, работать с молодыми министрами?

О: Нет, я думаю, что мне пришло время отойти от дел. Мне 89 лет. Сегодняшний Сингапур сильно отличается от тех представлений о нем, от той картины, которая осталась у меня в голове. Раньше я регулярно посещал жилые кварталы. Я хорошо знал людей в домовых комитетах и много с ними общался. Я знал, как живут простые сингапурцы. Теперь я потерял эту тесную связь. Я читаю отчеты, а это вовсе не то же самое. Поэтому я предпочитаю не вмешиваться — пусть страной правит новое поколение лидеров.

В: Значит, вы не сожалеете о своем решении выйти из состава правительства, принятом вами вскоре после выборов 2011 г.?

О: Нет. Как я могу участвовать в управлении страной, если не могу поддерживать контакт с людьми на местах? Для этого нужно много физических сил. С умственными способностями у меня все в порядке: я не страдаю деменцией, у меня не было инсульта. Но мое тело быстро слабеет. Перед этим интервью я поупражнялся 15 минут на беговой дорожке, после чего мне пришлось дать себе отдых. Раньше я не нуждался в таких частых передышках.

В: Значит, у вас не осталось в этой жизни незаконченных дел?

О: Нет, я сделал все, что хотел. Я передал свои обязанности премьер-министра Го Чок Тонгу. Я помог ему. Он передал этот пост Ли Сяньлуну. Сейчас страной правит новое поколение. Так что мой вклад стал куда менее значимым, разве что кроме того случая, когда они хотели вернуться к диалектам.

В: Можно ли спросить у вас о вашем здоровье?

О: Недавно я попал в больницу. Врачи сказали, что у меня была транзиторная ишемическая атака. Но с тех пор я полностью восстановился и вернулся к работе. Принимая во внимание тот факт, что мне скоро исполнится 90 лет… как сказали врачи, нет никаких объективных критериев, по которым можно было бы оценивать состояние здоровья в этом возрасте.

В: Но вы можете использовать собственные критерии. Вы довольны своим физическим и умственным состоянием на данный момент?

О: Нет, приходиться мириться с постепенным снижением физических способностей. Мои умственные способности не деградируют, как это произошло с некоторыми из моих друзей. Я благодарен судьбе за это. Я думаю, что во многом это зависит от хорошей наследственности. Но физическое старение остановить

невозможно.

В: Возможно, ваше хорошее умственное здоровье связано с вашей привычкой к активной умственной деятельности? Вы продолжаете работать, интересоваться тем, что происходит вокруг…

О: Да, разумеется. Еще я продолжаю учить новые слова и фразы на китайском языке — это тоже хорошая тренировка для ума. Как и игра в маджонг.

В: Изменились ли с возрастом ваши привычки в питании?

О: Я больше не наедаюсь до отвала. Я останавливаюсь, прежде чем почувствую себя сытым. Я также стараюсь есть больше овощей и меньше белковых продуктов.

В: В интервью газете *The Straits Times*, которое вы дали по случаю своего 80-летнего юбилея, вы сказали, что больше всего вас беспокоит то, что по мере старения у людей часто сужается «окно в мир» — постепенно оно становится все меньше и меньше, пока не закрывается совсем. Вы заботитесь о том, чтобы ваше «окно в мир» оставалось широко открытым?

О: Да. Иначе я не беседовал бы сейчас с вами, а сидел бы дома один.

В: Бывает ли, что вы страдаете от одиночества?

О: Нужно различать одиночество и уединение. У меня был друг, в свое время один из самых талантливых студентов в Кембридже. Он уже умер. Его звали Перси Крэдок. Его жена была датчанкой, из-за диабета она лишилась обеих ног. Перси всегда говорил: «Я наслаждаюсь уединением». Как-то я сказал ему: «Купи себе компьютер и научись им пользоваться. Ты сможешь получить доступ ко всем стихотворениям, которые ты когда-либо читал и которые тебе нравились, ко всем литературным произведениям. Тебе просто нужно зайти в Google и ввести ключевые слова». В конце концов, он так и сделал.

В: Какие газеты или интернет-сайты вы регулярно читаете?

О: Из газет я читаю *Straits Times* и *Lianhe Zaobao*. Раньше я читал *Berita Harian*, но потом перестал. Когда-то я хорошо знал малайский язык, но потом он стал мне не нужен, потому что большинство малайцев в Сингапуре говорят по-английски. В Интернете я внимательно слежу за новостями, которые касаются Сингапура и нашего юго-восточного региона в целом, а также Китая, Японии, Кореи, Индии, Европы и Америки. Иногда читаю новости по Ближнему Востоку. По Латинской Америке — почти никогда, потому что она находится слишком далеко и не имеет для нас никакого значения.

В: Какие именно интернет-сайты вы читаете?

О: Я пользуюсь Google. Я настроил его таким образом, чтобы

он автоматически показывал мне новости из разных регионов мира.

В: Какие фильмы вы смотрели в последнее время?

О: Я не смотрю фильмы.

В: А какие книги читали?

О: Мне нравится читать биографии великих людей. Я не любитель художественной литературы — там описывают выдуманную жизнь. Реальная куда интереснее.

В: Какая книга из недавно прочитанных понравилась вам больше всего?

О: О Шарле де Голле. Франция была завоевана немцами. Де Голль тогда был никем. Он поехал в Лондон и сказал: «Франция — это я». Потом он отправился в Алжир и сказал Альфонсу Жюэну, который в то время подчинялся правительству Виши: «Как маршалу Франции вам должно быть стыдно за себя». Он был очень смелым человеком. Потом он вернулся в Париж с союзными войсками.

В: Что сегодня беспокоит вас больше всего? Есть ли какие-то проблемы, которые не дают вам спать?

О: В первую очередь меня волнует демографическая проблема в Сингапуре. При коэффициенте рождаемости в 1,2 у нас нет иного выбора, кроме как принимать мигрантов. Сингапурцев не заставить изменить их образ жизни. Образованные женщины больше не хотят посвящать всю свою жизнь семье и детям. Они хотят ездить по миру, наслаждаться жизнью. В результате они вступают в брак в довольно позднем возрасте, когда им уже трудно родить много детей.

В: А на что вы надеетесь?

О: Я надеюсь, что Сингапур будет держать стабильный курс на развитие и сохранит те преимущества, которые отличают его от других стран нашего региона.

11. Беседы со старым другом

В мае 2012 г., когда я работал над этой книгой, в Сингапур приехал мой близкий друг Гельмут Шмидт. С 1974 по 1982 г. он был канцлером Западной Германии. Он на шесть лет старше меня, и наши ныне покойные жены, Чу и Локи, тоже были подругами. Я всегда знал Гельмута как умного и сильного лидера, способного выявить суть проблемы даже в самой сложной ситуации. С годами мое уважение к его проницательному уму только возросло. За три дня его визита мы с Гельмутом обсудили широчайший круг вопросов. В нашей беседе нам помогал Маттиас Насс, журналист из немецкой газеты *Die Zeit,* который время от времени задавал нам вопросы. Впоследствии мы договорись включить в эту книгу выдержки из той беседы, разделив их на три темы: «Уроки лидерства», «Видение Европы» и, наконец, «Прощание».

Уроки лидерства

ГШ: Если бы нас попросили подвести итог нашей жизни как политиков, что бы ты сказал, Гарри?[13]

ЛКЮ: Прежде всего я сказал бы, что мне везло гораздо больше, чем другим. В критические моменты мне всегда улыбалась удача. Сингапура сейчас могло бы не быть, потому что, отсоединившись от Малайзии, мы лишились внутренних территорий и стали крошечным островным государством. К счастью, глобализация и интеграция позволили нам найти свое место в мире.

ГШ: Сколько человек жило в Сингапуре, когда ты стал премьер-министром?

ЛКЮ: Два миллиона. Сейчас нас пять миллионов.

ГШ: Если у гражданина Сингапура спросить: «Кто вы по национальности?», что он ответит?

ЛКЮ: Я сингапурец.

ГШ: Как давно люди стали так говорить?

ЛКЮ: Лет 20–30 назад.

ГШ: А раньше?

ЛКЮ: Раньше нет. Но и сейчас они обязательно добавят: «У меня китайские, индийские или малайские корни». Мы никогда не сможем полностью изжить это разделение. Такова реальность. Существуют межнациональные браки, но их по-прежнему очень мало.

ГШ: Какими были самые памятные события твоей жизни?

ЛКЮ: Конечно же, это японская оккупация Сингапура. Крах Британской империи. Потребовалось меньше трех месяцев, чтобы разрушить империю, которая могла бы просуществовать еще 1000 лет. Еще одним шоком стало отделение Сингапура от Малайзии, когда мы осознали, что нам нужно построить государство на островах, без внутренних территорий. Нас выгнали из Малайзии, потому что мы нарушали их этническое равновесие.

ГШ: Вас выгнали, потому что в Сингапуре было много китайцев?

ЛКЮ: Да. Поэтому у нас был выбор: либо победить, либо погибнуть. Глобализация помогла нам. Мы превратили в свои «внутренние территории» весь мир.

ГШ: Что касается меня, то в моей жизни было два ключевых события. Первое произошло в конце 1944 г., примерно в сентябре, когда я внезапно осознал, что служу преступному режиму. Я был призван в армию в 1937 г., и мне потребовалось почти восемь лет, чтобы понять, кто правит нашей страной. Это было за полгода до окончания войны. И с этого момента моя жизнь изменилась. Я никогда не был нацистом — я был против нацистов, но ничего не делал. Второе великое событие случилось в 1989 г., когда железный занавес рухнул и разделенная Германия получила возможность воссоединиться. Тогда я уже не был канцлером. За время моего пребывания на этом посту ничего более значимого не произошло.

ЛКЮ: Это были важные поворотные моменты, особенно воссоединение Германии, хотя многие опасались возрождения немецкой силы в центре Европы.

ГШ: Такие опасения были вызваны той ролью, которую на протяжении более чем 1000 лет играла страна, находящаяся в центре этого небольшого континента, — люди по всей Европе либо жили под угрозой сильного центра, либо пытались завоевать его, когда он слабел. Эта ситуация привела к тысячелетней нескончаемой череде войн. Вряд ли в мире найдется другой такой континент, который пережил столько же войн, сколько Европа.

ЛКЮ: Это очень странно, потому что вы все — христиане, но при этом разделены противоборствующими национальными амбициями.

ГШ: Не могу с тобой не согласиться. Позволь теперь спросить у тебя: что из того, что ты сделал за время своего пребывания на посту премьер-министра, ты считаешь самым важным? Чем ты гордишься больше всего?

ЛКЮ: Я сделал так, чтобы все граждане нашей страны чувствовали себя равными. Я не превратил Сингапур в китайский

город. Я не поддался давлению китайских шовинистов, которые хотели сделать китайский основным государственным языком. Я сказал: «Нет, нашим основным языком будет английский, потому что это нейтральный язык для всех». И это помогло объединить людей. Мы исключили любую дискриминацию по национальному, языковому или религиозному признаку.

ГШ: Если сингапурец хочет купить билет на местный общественный транспорт, на каком языке он обратится к билетеру?

ЛКЮ: На английском.

ГШ: Это действительно так?

ЛКЮ: Да. У нас все водители и все таксисты говорят по-английски. Английский знает вся страна, потому что на нем ведется обучение в школах.

ГШ: Правильно ли я понял, что выбор языка был самым важным из всех решений, принятых тобой на посту премьер-министра?

ЛКЮ: Да, если бы мы выбрали другой путь, позволив каждой этнической группе использовать свой язык как основной, наша страна была бы разобщена. У нас были бы постоянные конфликты и никакого прогресса.

ГШ: Англичане знают, что это была твоя заслуга?

ЛКЮ: Нет, но я считаю, что нам повезло в том, что мы были британской колонией. Вьетнам управлялся французами, и теперь вьетнамцы сталкиваются с большими трудностями, пытаясь перейти с французского языка на английский, потому что весь мир говорит по-английски.

М[14]: Но Гонконг в настоящее время теряет это преимущество. По крайней мере, мне так показалось, когда я там был…

ЛКЮ: Да, потому что теперь он является частью Китая, и каждый день десятки и даже сотни тысяч человек пересекают границу в обоих направлениях. Многие живущие в Гонконге китайцы имеют вторые дома на материке, потому что земля там намного дешевле. Таким образом, со временем Гонконг будет абсорбирован Китаем.

М: Есть ли какие-либо уроки, которые вы выучили за 50–60 лет пребывания у власти, уроки личного или нравственного характера, связанные с профессией политика?

ЛКЮ: Пожалуй, самый важный урок состоит в том, что для того, чтобы чего-то достичь, нужно сначала завоевать доверие людей. Нужно не просто давать обещания и красиво говорить, но и делать то, что говорите. Хотя иногда вы будете терпеть неудачу, надо стараться, чтобы слова не расходились с делом. Именно это

и позволило мне добиться успеха, потому что в ключевые моменты я выполнял свои обещания, несмотря на ожесточенное противодействие. Так я завоевал доверие людей, и после этого все стало намного проще. Если вы будете давать обещания, но не выполнять их, как вы сможете заставить людей поверить вам и пойти за вами? Вы будете обычным политиком, на смену которому через четыре-пять лет придет другой политик. У вас будет такая же ситуация, как в Японии, где премьер-министры сменяют друг друга каждый год.

М: Что же в таком случае составляет суть политического лидерства? Чем отличается лидер от обычного политика? И что требуется для того, чтобы стать государственным деятелем? Ведь это разные вещи.

ЛКЮ: Да, между политиком и государственным деятелем есть важные отличия. Политик хочет стать известным и получить высокий пост и, достигнув этого, гордится своим статусом. У лидера есть миссия. Он стремится к власти, потому что хочет выполнить определенные задачи. Государственный деятель — этот тот, кто не только сумел прийти к власти и выполнить свои задачи, но и передал дела достойному преемнику. Таково мое понимание.

ГШ: Кого бы ты назвал величайшим государственным деятелем нашего времени?

ЛКЮ: Дэн Сяопина.

ГШ: Согласен, но я бы поставил на первое место Уинстона Черчилля.

ЛКЮ: Да, он был великим оратором, он мобилизовал народ, когда Британия выступила против фашистской Германии. Это он сказал те самые легендарные слова: «Мы будем драться на побережьях, мы будем драться в портах, на суше, мы будем драться в полях и на улицах, мы будем драться на холмах; мы никогда не сдадимся». Однажды Франклин Рузвельт спросил у секретаря Черчилля, почему его собственные выступления не производят такого эффекта, и тот ответил: «Сэр, он сам пишет свои речи». Он вдохновил людей на борьбу, и это позволило Британии продержаться, пока на помощь не пришли американцы.

ГШ: Без Черчилля западные державы не выиграли бы Вторую мировую войну.

ЛКЮ: Да, он бросил вызов сильнейшему врагу, наперекор всему. Другой на его месте, например Невилл Чемберлен, попытался бы договориться.

ГШ: И французы не пришли ему на помощь.

ЛКЮ: Да.

М: А как же Шарль де Голль?

ГШ: Де Голль появился уже потом. Все его значимые деяния были совершены после войны.

ЛКЮ: Нет, де Голль проявил себя и во время войны. Хотя у него не было никаких официальных полномочий, он отправился в Лондон и заявил, что представляет Францию. Поначалу ему не доверяли, но он добился помощи от англичан и американцев. Он настаивал на том, что он — душа Франции. Так что в этом смысле он является великим человеком.

ГШ: Безусловно, де Голль — великий человек. В начале 1960-х гг. он первым протянул руку немцам.

М: Эти два человека, о которых вы сказали, — Дэн Сяопин и Уинстон Черчилль — изменили мир к лучшему. Но кого бы вы могли назвать злыми гениями XX века?

ЛКЮ: В Азии таковым был Мао Цзэдун. Если бы он прожил дольше, это было бы настоящей катастрофой, потому что он считал, что страна должна находиться в состоянии постоянной революции. У него была странная романтическая убежденность в том, что стабильность ведет к застою и бюрократизму, к утрате желания изменять мир вокруг. Я считаю его опасным человеком. Если бы он продолжал править страной и к власти не пришел Дэн Сяопин, Китай ждал бы крах, что привело бы к катастрофе на всем Дальнем Востоке. В Европе таким злым гением был Адольф Гитлер. Если бы ему удалось реализовать свои планы — захватить Москву и не двигаться дальше, американцам и англичанам было бы очень трудно прорваться через «Атлантический вал», который немцы выстроили на западном побережье Франции. Но это уже история. Американцы вмешались в войну не ради борьбы за демократию или права человека, а потому что не хотели видеть Европу под господством столь мощной идеологии, поскольку это в конечном итоге могло бы представлять угрозу для их собственной безопасности. Да, Рузвельт и Черчилль были хорошими друзьями, но дружба в таких делах в расчет не идет. Это было в интересах Америки, чтобы Европа не оказалась в руках такого человека, как Гитлер.

ГШ: Согласен с тобой. Что же касается Дэн Сяопина, то я считаю его самым великим человеком среди всех тех людей, которых я знал лично. Это была выдающаяся личность.

ЛКЮ: Я написал о нем в своей книге. Это был человек маленького роста, но большой политический лидер.

ГШ: И он был заядлым курильщиком.

ЛКЮ: Да, хотя при этом не страдал от эмфиземы.

ГШ: И еще он никогда не промахивался в плевательницу, даже если она стояла в метре от него.

ЛКЮ: Впервые он приехал в Сингапур перед тем, как Вьетнам

напал на Камбоджу и Лаос. Он хотел убедить нас в том, что мы должны сплотить силы против вьетнамцев. Когда мы встретились за ужином, он сразу же принялся говорить, без бумажки, потому что его речь уже была хорошо отрепетирована в Бангкоке и Куала-Лумпуре, которые он посетил до приезда в Сингапур. Тогда я сел за стол и сказал: «Может быть, мы сначала поужинаем? Или вы хотите сразу же начать обсуждение?» Он ответил: «Да, давайте сначала поужинаем». На следующий день я сказал ему: «Вы призываете нас объединиться против русского медведя. Но наши соседи хотят объединиться против китайского дракона. Им угрожает не русский медведь, а ваши радиостанции, ваши деньги, которыми вы поддерживаете партизан в Таиланде, Малайзии и других местах». Я ожидал взрыва негодования и протестов, но этого не последовало. Он помолчал, а потом спросил: «Что вы хотите, чтобы я сделал?» Я сказал: «Остановите это». На что он ответил: «Дайте мне время». И в течение года это прекратилось. Он был великим человеком.

ГШ: Когда это было?

ЛКЮ: В ноябре 1978 г.

ГШ: В 1983 г. у меня состоялся с ним другой интересный разговор. Это была годовщина образования Китайской Народной Республики. Мы сидели втроем — мы двое и переводчик. На тот момент мы были знакомы друг с другом уже лет 10, поэтому это была откровенная дружеская беседа. Я в шутку сказал ему: «Если принять во внимание все факты, то вы не очень честный человек. Вы называете себя коммунистом, тогда как на самом деле гораздо больше похожи на конфуцианца». Он был поражен моими словами. Несколько секунд он молчал, а потом сказал: «Ну и что?» Я согласен, что он был великим человеком.

ЛКЮ: Да, он умел смотреть правде в глаза. Когда я, лидер крошечного островного государства, сказал ему, что мы и наши соседи боимся его страны, а не русского медведя, он не стал протестовать. Он спокойно спросил у меня, как он может исправить эту ситуацию. Этим он меня поразил. В тот же вечер за ужином я распорядился специально для него поставить плевательницу, потому что я знал об этой его привычке.

ГШ: Вы поставили рядом с ним плевательницу?

ЛКЮ: Да, самую красивую, бело-голубую фарфоровую плевательницу эпохи династии Мин. Но он не стал ею пользоваться. Кроме того, я предупредил его помощников, что в нашем зале приемов установлена специальная система для вытяжки сигаретного дыма, но Дэн не курил.

ГШ: Я думаю, из уважения к вам.

ЛКЮ: Я распорядился установить вытяжной вентилятор

специально для таких встреч, но он не пригодился.

ГШ: Кстати, как Дэну удалось преодолеть колебания тогдашней руководящей верхушки и прийти к власти?

ЛКЮ: На его стороне были многие генералы старой гвардии, которые вместе с ним участвовали в «Великом походе». После смерти Мао его преемником стал Хуа Гофэн. Но у Хуа Гофэна не было реальной власти. Армия была верна Дэн Сяопину.

ГШ: Но почему после смерти Мао доверие военных перешло к Дэну, а не к Хуа Гофэну?

ЛКЮ: Потому что Дэн участвовал вместе с ними в гражданской войне, в «Великом походе», они знали, что Дэн — великий лидер, искренне заботящийся об интересах Китая, и что они могут ему доверять. Поэтому он легко оттеснил Хуа Гофэна в сторону, хотя и сделал это по-дружески, сначала позволив ему занять пост премьер-министра. Когда я приехал с визитом в Китай, Дэн сделал так, что сперва я встретился с Хуа Гофэном и только потом с ним — протокол был соблюден.

ГШ: Удивительно, но Дэн никогда не занимал официальный пост руководителя страны. Он был всего лишь председателем Центрального военного совета ЦК КПК.

ЛКЮ: Официальная должность не имела для него никакого значения, потому что и армия, и бóльшая часть руководящей верхушки считала, что только Дэн может спасти Китай.

ГШ: Мне было очень интересно наблюдать со стороны, как он постепенно сосредотачивал власть в своих руках и в конце концов победил.

ЛКЮ: И он всегда был готов учиться новому.

ГШ: Да, он был открыт для новых идей.

ЛКЮ: Когда он приехал в Сингапур, то увидел, какого прогресса и процветания сумел добиться небольшой остров без каких-либо природных богатств. Он видел, как хорошо живут наши люди, наблюдал, задавал очень глубокие вопросы и пришел к выводу, что секрет нашего успеха в открытости экономики, которая принесла с собой инвестиции, технологии, передовые методы управления и доступ к рынкам. Он вернулся домой и создал шесть особых экономических зон, взяв за основу сингапурскую модель. Эти зоны стали процветать, и тогда он постепенно открыл всю страну. Затем Чжу Жунцзи добился вступления Китая в ВТО, и в стране начался подъем.

ГШ: Примерно в то же время я посоветовал советским лидерам, в частности Михаилу Горбачеву, сделать нечто подобное в таких местах, как Одесса, Петербург, Калининград и Балтийское побережье в Литве, но они меня не послушали. Не то чтобы они отвергли мое предложение — они просто не могли представить, к

чему это может привести.

ЛКЮ: Советский Союз был очень закрытым обществом. Они твердо верили в плановую экономику и боялись любых новых идей. Дэн видел, что, следуя советской модели, Китай движется к краху, поэтому, когда он увидел Сингапур, он сказал: «Вот то, что нам нужно! Это будет работать».

ГШ: Я думаю, что определенную роль здесь сыграло то, что он провел свою молодость во Франции.

ЛКЮ: Возможно. Он учился во Франции, часто ездил в Бельгию и Германию, поэтому был хорошо знаком с капиталистическим миром и знал, чего можно достичь благодаря свободному предпринимательству. Он понял, что политика открытых дверей спасет его страну.

ГШ: Я думаю, что Дэн Сяопина как нельзя лучше характеризует однажды сказанная им фраза: «Неважно, черная кошка или белая, главное, чтобы она ловила мышей». В этих словах — вся суть его политического кредо.

ЛКЮ: Его решение совершить поездку по южным провинциям Китая также свидетельствует о политической прозорливости. Во время вышеупомянутого визита в Сингапур я сказал ему: «Что бы мы ни делали, вы можете сделать лучше, потому что мы — потомки безземельных крестьян с юга Китая. У вас есть ученые и есть специалисты. Что бы мы ни делали, вы добьетесь большего». Тогда он мне не ответил. Он просто посмотрел на меня и сменил тему. Но потом он поехал в Гуандун и сказал: «Мы должны учиться у мира и особенно у Сингапура. И мы должны добиться большего, чем они». Он не забыл мои слова. Но я не уверен, что они могут добиться большего, чем мы, потому что у них нет верховенства закона и институтов управления.

ГШ: Постепенно они создают верховенство закона.

ЛКЮ: Нет, у них существует верховенство правителя. Что правитель говорит, то и закон.

ГШ: Я не думаю, что такое отношение к закону сохранится у них и в будущем. Они унаследовали его от империи, но уже начали выстраивать судебную систему. Когда я был в Китае в первый раз, у них совсем не было адвокатов. Теперь у них тысячи адвокатов. Они их вырастили.

ЛКЮ: В свое время Дэн Сяопин отправил к нам своего министра, чтобы тот попросил у нас наш свод законов. Я спросил: «Зачем вам наши законы?» Он сказал, что они хотели бы их изучить и, возможно, взять за образец. На что я ответил: «Прежде всего у вас должны появиться независимые судьи, которые в спорах между гражданами и государством будут готовы выносить решения не в пользу государства. Вы должны установить

верховенство закона». Он сказал: «Это неважно. Просто позвольте нам изучить ваши законы». Я дал ему наши законы. Они их перевели. Но я не думаю, что они сумеют претворять их в жизнь, потому что их судьи делают то, чего хочет партийное руководство.

ГШ: Да, их судьи по-прежнему делают то, чего хочет руководство, но раньше все они набирались из числа проверенных, лояльных людей, которые «знали», как выносить решения, то есть из числа военных. Сегодня в Китае появились первые судьи с университетским образованием. Это может привести к некоторому прогрессу. Кстати говоря, я считаю, что Дэн Сяопин — единственный коммунистический лидер, сумевший добиться успеха.

ЛКЮ: На самом деле он не был коммунистом. Он был прагматиком. Он смотрел, что работает, а что нет. Неважно, черная кошка или белая, главное, чтобы она ловила мышей — вот его девиз.

ГШ: По поводу прагматизма Дэна: я полностью с тобой согласен. И бывший госсекретарь США Джордж Шульц также считает Дэна прагматиком.

М: Сегодня вы оба можете оглянуться в прошлое, на свою долгую, более чем 90-летнюю жизнь и увидеть, как изменился мир. Отчасти эти изменения были вызваны политическими решениями, политической деятельностью. Чем отличается мир сегодня от мира 90 лет назад? Можно ли сказать, что он стал лучше?

ЛКЮ: Все зависит от того, что вы имеете в виду, говоря о лучшем мире. Если вы — европеец, то вряд ли мир стал для вас лучше, потому что на сцену вышел такой гигант, как Китай, а Европа, наоборот, теряет свое влияние из-за того, что не может объединиться. Так что теперь США будут взаимодействовать с Китаем в рамках своего рода G2 — «Большой двойки». Если же под лучшим миром подразумевать лучшую жизнь — меньше бедных людей, больше жилья, больше рабочих мест, достаточно еды, то я бы сказал, что да, мир стал лучше. Сегодня меньше людей страдает от голода, даже в Индии. В этом заслуга не только правительств, но и технологий. На Филиппинах разработали технологии выращивания риса, которые позволяют значительно повысить его урожайность и, таким образом, накормить больше людей. Поэтому термин «лучший мир» требует определения. Лучший для кого? Для людей? Да. Стало меньше голодных, меньше безработных.

М: И мир стал более мирным, если брать ситуацию в целом.

ЛКЮ: Да, из-за ядерного сдерживания. Наличие атомного

оружия исключает возможность войн между крупными державами. Каким бы мощным ни стал Китай, он никогда не нападет на Америку или Россию. Это стабилизирует ситуацию. Франция также создала свои ударные ядерные силы, которые могут быть недостаточны для уничтожения противника, но дают ей возможность нанести ответный удар. Если же подразумевать под лучшим миром качество государственного управления, то это зависит от страны. Во многих странах Африки и Латинской Америки государственное управление стало намного хуже, чем раньше. Там царит чудовищная коррупция. Даже в Индии премьер-министр Манмохан Сингх был обвинен в коррупции. Она пропитывает общества насквозь. У меня есть власть. Власть дает мне возможность заработать деньги. А деньги дают мне еще бóльшую власть. В этом смысле Китай также находится в опасности, потому что там коррупция становится очень серьезной проблемой. Не в верхах. Те, кто в верхах, хорошо обеспечены до конца жизни. После того как Ху Цзиньтао уйдет в отставку, ему не придется беспокоиться о деньгах. У него будет все: хороший дом, еда и прочее. Но на нижних уровнях власти местные чиновники вступают в сговор с застройщиками, отбирают у крестьян земли, отдают их застройщикам и кладут деньги себе в карман. Недовольство людей нарастает, так что в конце концов они могут поставить под вопрос легитимность действующего правительства.

М: Почти всю свою жизнь вы посвятили государственной службе — 60 из 90 лет. Это много. Оглядываясь назад, что вы можете сказать — стоило ли это тех усилий, той жертвы, которую вы принесли?

ЛКЮ: Все зависит от того, в чем вы видите смысл жизни. Если бы я хотел счастливой личной жизни, я бы остался адвокатом или стал бизнесменом и сегодня был бы гораздо богаче, чем я есть. Но у меня были другие цели. Меня не устраивало то, что я видел в моей стране, и я хотел это исправить. Я испытываю огромное удовлетворение, когда вижу, как улучшилась жизнь людей: они стали лучше питаться, получили достойное жилье, доступ к образованию для себя и своих детей, качественное медицинское обслуживание, возможность отдыхать и развлекаться. Проблема в том, что теперь они воспринимают это как должное и считают, что дальше мы можем двигаться на автопилоте. Я так не думаю. Я убежден, что, если управление страной попадет в плохие руки, если у руля встанут посредственные политики, мы постепенно деградируем. Невозможно лететь с максимальной скоростью на автопилоте.

М: Г-н Шмидт, вы посвятили политике 60 лет. Если

подводить итог вашей политической жизни, что бы вы сказали?

ГШ: Это стоило того, чтобы отказаться от возможности стать богатым.

ЛКЮ: Быть политическим лидером — значит смириться с тем, что люди вокруг вас богатеют благодаря тому, что вы хорошо управляете страной. Однажды я сказал об этом секретарю горкома партии Шэньчжэня. Я сказал ему: «Если вы хотите добиться успеха как политический лидер, не думайте о себе. Создайте такую систему, в которой другие будут зарабатывать деньги и богатеть. А ваша участь — быть честным и относительно бедным госслужащим». Не знаю, последовал ли он моему совету.

Видение Европы

ГШ: Среди европейских политиков есть те, кто считает, что важно и нужно говорить о великих перспективах единой Европы, которые могут быть реализованы в лучшем случае через три поколения. Все масштабные политические кампании в Европе в последнее время — во Франции в прошлом году, в Германии в этом году — рисовали картину, которая вряд ли когда-нибудь станет реальностью.

ЛКЮ: Они показывают людям журавля в небе.

ГШ: Именно так. Но ты в своей стране такого не делал.

ЛКЮ: Да, но у нас иммигрантское общество, а это несет с собой определенные преимущества. Такое общество более пластично, у него нет древней истории, древних конфликтов и распрей. Я создал единую общую платформу на основе английского языка, равных возможностей, меритократии, отсутствия дискриминации по национальному, языковому и культурному признаку. Эта платформа способствовала рождению национальной солидарности.

ГШ: Произошло бы это без Ли Куан Ю?

ЛКЮ: Возможно, нашелся бы кто-то другой, кто сделал бы то же самое. Но без создания единой платформы все остальное было бы невозможно.

ГШ: Никто больше, ни я, ни Джордж Шульц, ни Генри Киссинджер, не сделал такого в своей стране.

ЛКЮ: Но вы унаследовали большие страны, с большим населением и большим историческим грузом.

ГШ: А разве у ваших людей не было такого исторического груза?

ЛКЮ: Да, у каждой нашей этнической группы была своя древняя история — в Китае, Индонезии, Индии. Но я сказал и

М: «Забудьте об этом. Чтобы сделать Сингапур процветающим, мы должны смотреть в будущее и строить его. Если мы будем продолжать смотреть в прошлое, то ничего не добьемся». И люди согласились отказаться от бремени прошлого, забыть про древние распри и начать строить новый Сингапур. Именно это единение народа помогло мне сделать все то, что я сделал.

М: Что изначально побудило вас прийти в политику? То, что ваша страна находилась под колониальным господством? Это стало главным мотивом?

ЛКЮ: Британское колониальное правление во многих отношениях пошло нам на пользу. Британцы дали нам образование. Благодаря этому я смог учиться в Кембриджском университете. Они знали, что рано или поздно им придется передать власть, и старались сформировать класс людей, элиту, которая будет дружественной по отношению к ним. Поэтому в бывших британских колониях нет такой озлобленности и обиды по отношению к колонизаторам. После того как в 1947 г. Индия провозгласила свою независимость, Британская империя начала терять колонии одну за другой: Цейлон, Бирму, Малайю и, наконец, Сингапур. Нам повезло: эта некогда великая колониальная держава мудро понимала, что она движется к закату, поэтому благородно признала свое поражение и ушла. Нам не пришлось ожесточенно сражаться за свою независимость. Мы просто толкнули дверь — и она открылась.

ГШ: Вы уже в то время думали и говорили об азиатских ценностях или же пришли к ним позже, после нескольких десятилетий развития?

ЛКЮ: Я думаю, что эти ценности прививаются нам с рождения, мы впитываем их с молоком матери.

ГШ: Согласен с тобой. Такие ценности являются врожденными, их трудно сформировать, воздействуя на разум.

ЛКЮ: Когда мне нужно было мобилизовать народ, я сделал ставку на коммунитарный дух, присущий азиатским народам, которые ставят общество выше отдельной личности. Я сказал людям:

«Это хорошо для общества. Возможно, вам придется отказаться от некоторых индивидуальных прав и свобод, но от этого выиграет общество в целом». И люди последовали за мной. Если бы я получил в наследство устоявшееся общество с древней историей и застарелыми конфликтами, мне бы вряд ли удалось это сделать.

ГШ: Когда ты стал конфуцианцем?

ЛКЮ: Я сам задавал себе этот вопрос и пришел к выводу, что

таковым меня сделало семейное воспитание, наши семейные ценности.

ГШ: И ты осознавал себя конфуцианцем, даже когда учился в Кембридже?

ЛКЮ: Да, я сказал бы, что это врожденное. Древние китайцы говорили, что, если ты блюдешь себя, заботишься о своей семье и верен императору, страна будет процветать. Это значит, что в первую очередь ты должен заботиться о себе и быть порядочным человеком. Это основное требование. Каждый человек должен стремиться быть благородным и блюсти честь.

ГШ: Я был воспитан как христианин, но в конце концов полностью отошел от религии.

ЛКЮ: Европейцы отличаются от американцев. Американцы по-прежнему искренне верят в бога.

ГШ: В этом они очень наивны.

ЛКЮ: Они верят в то, что люди созданы богом, а теория Дарвина — это вздор. Я думаю, что две мировые войны наделили европейцев глубоким скептицизмом. Они увидели, что ни великие идеи, ни грандиозные утопические планы, ни тем более попытки претворить их в жизнь силой, не приносят ничего, кроме горести и страданий. Сначала Наполеон пытался создать единую Европу, потом Гитлер, но никому это не удалось.

ГШ: Почти все европейцы, от Кента до Неаполя и от Стамбула до Лиссабона, последние 2000 лет воспитывались в христианстве. Но на деле христианская идеология не мешала им вести кровавые войны другом с другом на протяжении всех этих лет. Религия учила их одному, а они делали совсем другое. Это странные люди.

ЛКЮ: Это был период, когда сильные страны хотели объединить Европу.

ГШ: Не объединить, а завоевать. Ты слишком оптимистичен.

ЛКЮ: Нет. Если бы Наполеон победил, вся Европа стала бы говорить по-французски. Если бы победил Гитлер, Европа говорила бы по-немецки. Такова была их главная цель. Да, грубо говоря, они хотели захватить Европу и построить империю. Но если придать их намерениям идеологический блеск, то они хотели объединить Европу.

ГШ: Но последняя возможность это сделать была 1200 лет назад, при Карле Великом.

ЛКЮ: Да, совершенно верно.

ГШ: Сейчас Европа стала еще более фрагментированной, чем 20 лет назад.

ЛКЮ: Я считаю, что европейская интеграция застыла на полпути, что ведет к серьезным разочарованиям и проблемам —

возьмите ту же Грецию. Вам нужно либо прийти к полной интеграции с единым европейским центральным банком, единым министерством финансов и единым федеральным бюджетом, либо окончательно разделиться на 27 стран, каждая из которых будет идти своим путем, но при наличии единой валюты последнее сделать невозможно. Как отойти от единой валюты, я не знаю, потому что отказ от нее вызовет большие потрясения.

ГШ: Согласен с тобой. С другой стороны, полная интеграция может провалиться, если действовать «с наскока». Но можно делать это ступенчато. Жан Монне считал, что к европейской интеграции необходимо идти постепенно, поколение за поколением, и об этом же говорит такой авторитетный идеолог открытого общества, как Карл Поппер. Другими словами, единственный способ преуспеть — двигаться к этому постепенно. Вопрос в том, как постепенно создать единое казначейство.

ЛКЮ: Думаю, что это вряд ли получится. Разделение слишком глубоко, у каждой европейской нации своя история, каждая гордится своей культурой, литературой, языком. Предположим, европейцы скажут: «Хорошо, давайте забудем про Руссо и все эти великие идеи либерального общества и станем единым европейским народом». Первое, что им нужно сделать, — это ввести общий язык. Естественный выбор падает на английский. Таким образом, французы, немцы и чехи внутри своих стран будут говорить на своих языках, а между собой общаться по-английски. Общий язык медленно, но верно будет способствовать сплочению европейских наций. Однако французы никогда на это не согласятся. Каждая европейская нация считает свой язык и свою литературу неприкосновенными. В отличие от них, прибывшие в Америку мигранты были готовы отказаться от своей национальной культуры и литературы и создали новую американскую литературу на английском языке, со своими великими писателями и мыслителями. Другими словами, Европа находится в оковах собственного прошлого, своей истории.

ГШ: Да, Европа держится за свою историю, но я не так пессимистичен по этому поводу, как ты. Еще во время Второй мировой войны я пришел к убеждению, что европейцы должны сплотиться и стать единым целым. Конечно, на тот момент это было романтическое видение. Но я тогда был очень молод, мне было всего 26 лет. Потом я познакомился с трудами Жана Монне, который очень убедительно объяснил, как можно прийти к интеграции постепенно, шаг за шагом. Нельзя достичь жизнеспособной интеграции одним махом. Я верил в поэтапный подход вплоть до 1989–1990 гг., когда рухнул железный занавес, и в Европе начались стремительные перемены. Неожиданно

каждый, кто хотел, получил возможность присоединиться к Европейскому Союзу.

ЛКЮ: Это было большой ошибкой.

ГШ: Согласен.

ЛКЮ: Нужно было сохранить ядро Европы.

ГШ: Да, это было ошибкой, но мы не могли им сказать: «Это хорошо, что теперь вы свободны, но мы не хотим объединяться с вами».

ЛКЮ: Но вы могли сказать: «Подождите. Станьте ассоциированными членами, а дальше посмотрим. Нам нужно консолидировать ядро».

ГШ: Возможно. Когда Жан Монне начал процесс евроинтеграции, нас было всего шесть стран: Франция, Италия, Германия, Бельгия, Нидерланды и маленький Люксембург.

ЛКЮ: Эта система была жизнеспособной.

ГШ: Да, но даже при этом мы сталкивались с большими трудностями. Например, в середине 1960-х гг. де Голль на какое-то время запретил своим министрам участвовать в заседаниях Совета, проводя так называемую политику пустого кресла. Но мы преодолели эти трудности и оставались вместе — шесть стран — в течение 20 лет, с 1952 г. до начала 1970-х гг. Британцы пытались к нам присоединиться, но де Голль сказал: «Нет», и все восприняли это нормально. Однако потом, в 1970-е гг., мы приняли три страны — Великобританию, Ирландию и Данию, не осознав, что истинный мотив британцев — просто поучаствовать в дележе пирога, а не печь его. В следующем десятилетии пришли Португалия, Испания и Греция. Эти страны самостоятельно победили фашистские диктатуры, и мы считали, что они должны быть вознаграждены за это членством в Европейском сообществе. Таким образом, на момент конференции в Маастрихте в начале 1990-х гг. нас было уже 12 стран. Это была управляемая система. Некоторые ошибки совершались, но в целом все работало. Однако главной ошибкой стало то, что на конференции в Маастрихте мы пригласили вступать в Союз всех желающих, и в результате в течение следующего десятилетия число членов выросло с 12 до 27 — более чем в два раза, что сделало систему совершенно неуправляемой. Многие видели в таком расширении Сюза только плюсы, потому что внутри него текли щедрые потоки денег, к которым они теперь получили доступ. Некоторые думали: «Наконец-то, впервые в истории, мы сможем играть значимую роль». Так все еще думают некоторые французы. И некоторые немцы тоже. Конечно, все еще остается надежда на то, что после 60 лет строительства Евросоюза мы в конце концов не потерпим неудачу. Но я в этом не так уж уверен.

ЛКЮ: Евросоюз стал слишком большим. Слишком большим и неоднородным.

ГШ: Да.

ЛКЮ: Входящие в него страны сильно отличаются друг от друга. Они находятся на разных стадиях экономического роста и имеют разные представления о будущем. Многие из них присоединились только лишь ради выгод, которые сулило им объединение с более сильными странами.

М: Но разве не будет справедливым сказать, что Евросоюз, при всех его ошибках и недостатках, с исторической точки зрения является настоящим чудом и значимым достижением и, таким образом, служит источником вдохновения для других регионов мира?

ЛКЮ: Нет, я не думаю, что Евросоюз служит источником вдохновения для остального мира. Я рассматриваю его как плохо продуманное предприятие, которое обречено на неудачу.

М: Значит, Азия не может использовать европейскую интеграцию как образец для подражания?

ЛКЮ: Конечно нет. Мы не можем интегрироваться подобным образом. У нас у всех разная религия, разная история. Мы говорим на разных языках. Сегодня у нас есть растущее чувство общности интересов, мы создаем зоны свободной торговли, и на основе этого будем развивать все более тесные отношения. Главная проблема в Азии — это доминирование Китая. Когда вы говорите об азиатской солидарности и включаете сюда Китай, вы говорите о солидарности Китая с остальной Азией. И эта ситуация никогда не изменится.

М: Значит, вы начинаете со свободной торговли?

ЛКЮ: Со свободной торговли и достижения сплоченности. Мы не хотим воевать друг с другом. Мы стараемся урегулировать наши разногласия. Для этого мы встречаемся, дискутируем и договариваемся, но не угрожаем друг другу.

М: У меня похожий вопрос к господину Шмидту: в истории Европейского союза, или Европейского сообщества, было много кризисов, проблем и неудач…

ГШ: И успехов тоже.

М: Да. Но в конце концов Евросоюз сумел преодолеть все трудности и добиться успеха. Теперь некоторые говорят, что такие кризисы открывают возможности для дальнейшей политической интеграции. Другими словами, каждый кризис — это возможность сделать очередной шаг вперед. Насколько реалистичен такой взгляд?

ГШ: Чисто теоретически это может быть так. Но на практике нам нужны лидеры. Такие лидеры, как Гарри Ли.

М: Некоторые считают, что таким лидером является канцлер Германии Ангела Меркель.

ГШ: Нет.

М: Может быть, таким лидером может стать сама Германия? Польский премьер Дональд Туск заявил, что Германия должна повести за собой Европу. Это хорошая идея?

ЛКЮ: Германия несет на себе бремя ответственности за две мировые войны, она до сих пор не избавилась от чувства вины и боится показаться слишком напористой. Но это единственная страна в Европе, которая обладает необходимым динамизмом и может стать ядром Европы. Почему-то у европейцев существует странная убежденность в том, что Франция — ровня Германии. Никто за пределами Европы так не считает. Президент Франции Николя Саркози может высказываться громче и красноречивее, чем фрау Меркель, но Франция не может конкурировать с Германией, и это знает весь мир.

ГШ: Но Германия заработала себе такую репутацию совсем недавно, только в 2000-е гг. В 1990-е гг., на момент ее воссоединения, никто не предполагал, что это произойдет. Никто, кроме тогдашнего премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер и, до некоторой степени, президента Франции Франсуа Миттерана и премьер-министра Италии Джулио Андреотти. Они были образованными людьми, хорошо знавшими историю. Они понимали, что будет представлять собой объединенная Германия, и выступали против объединения. Но их сопротивление было преодолено под давлением американцев и благодаря позиции советского лидера Михаила Горбачева.

ЛКЮ: Но это произошло бы в любом случае. После того как Советский Союз рухнул и Восточная Германия стала свободной, у нее не было иного выбора, кроме как присоединиться к ФРГ. Восточные немцы смотрели западногерманское телевидение, видели разницу в уровне жизни, но стена преграждала им путь на Запад. Их держали в тюрьме. Потом они вышли на свободу и захотели хорошей жизни. Они жаждали воссоединения. Разве западные немцы могли сказать им:

«Нет, мы не хотим воссоединяться с вами!»?

ГШ: Нет, западные немцы никогда бы так не сказали. Мы тоже хотели этого воссоединения, хотя при этом плохо представляли себе, что значит стать нацией численностью в 80 млн человек.

ЛКЮ: Но вам пришлось заплатить за это высокую цену.

ГШ: Да, хотя, надо признать, мы сделали это не очень успешно. В восточной части Германии была построена более мощная инфраструктура, чем в западной, но нам так и не удалось

наполнить ее экономической активностью. Вся экономическая активность по-прежнему сосредоточена на западе, а не на востоке. Крупные восточногерманские компании не сумели вписаться в капиталистический рынок. Например, в Марцане, пригороде Берлина, был машиностроительный завод. В 1990-м или 1991 г. мы его перестроили, возвели большие цеха с кранами и всем необходимым оборудованием; руководство наняло на работу около 2000 человек. Теперь у них работает всего 170 человек, потому что никто не хочет покупать их станки: они слишком дорогие и не дотягивают до мировых стандартов. То же самое можно сказать обо всей промышленности бывшей Германской Демократической Республики. Кроме того, при объединении мы установили совершенно неправильный обменный курс. Очевидно, что ставка должна была быть три к одному.

ЛКЮ: Но вы сделали ее один к одному.

ГШ: И это было серьезной ошибкой, потому что восточногерманская продукция стала совершенно неконкурентоспособной из-за сочетания низкого качества и высокой цены. В то время я раскритиковал это решение. Хотя, надо признать, надеялся на то, что со временем восточные немцы нагонят нас, и мы выровняемся. К сожалению, этого не произошло. С момента объединения прошло больше 20 лет, но отставание по-прежнему значительно. Безработица на востоке почти в два раза выше, чем в Западной Германии.

ЛКЮ: Причина в том, что за годы коммунистического режима восточным немцам вбили в голову мысль о преимуществах центрального планирования и презрение к свободному предпринимательству с его конкурирующими предприятиями и отраслями. Они выросли в другой культуре. На протяжении 40–50 лет люди в ГДР жили с убеждением в том, что только плановая экономика способна привести к всеобщему процветанию.

Прощание

ГШ: Кстати, вчера я похвастался перед своими друзьями, что после одной из наших недавних встреч ты написал мне: «Твой ум стал острым, как никогда». То же самое я могу сказать и о тебе: твой ум стал острым, как никогда.

ЛКЮ: Возможно, но мне не хватает сил. Сил на то, чтобы работать по несколько часов подряд.

ГШ: Мне тоже.

ЛКЮ: Умственная работа требует концентрации. И

физической выносливости.

ГШ: Это верно. Но, с другой стороны, она продлевает нам жизнь.

ЛКЮ: Это спорный вопрос.

ГШ: Но я уверен, что это так. Пока я мыслю, я живу.

ЛКЮ: Пока ты мыслишь, живет твой ум.

ГШ: Да, мышление и сигареты — вот что поддерживает мой ум живым. Но тело сдает.

ЛКЮ: Таковы законы природы, которые мы не можем преодолеть. Нам остается только смириться с этим.

ГШ: Это верно.

ЛКЮ: Наши гены запрограммированы на определенный срок, и по истечении этого срока клетки перестают нормально обновляться.

ГШ: Это мой последний визит в эту часть мира. Я вряд ли еще смогу выдержать такие дальние путешествия.

ЛКЮ: Как бы там ни было, я желаю тебе крепкого здоровья и еще долгих и счастливых лет жизни.

ГШ: Гарри, я тоже желаю тебе всего самого лучшего.

ЛКЮ: Для меня было большим удовольствием и честью знать такого человека, как ты.

notes

Примечания

1

Член политбюро ЦК партии, в то время занимавший пост премьер-министра Госсовета Китайской Народной Республики. — *Прим. пер.*

2

Деклинисты — сторонники учения об упадке, экономическом, политическом или социальном, к которому со временем приходят государство или общество. — *Прим. ред.*

3

Андеркласс — нижний слой низшего класса, «социальное дно». — *Прим. пер.*

4

Пер. Е. Витковского.

5

Центральный страховой фонд в Сингапуре предназначен для финансирования пенсий, медицинского обслуживания и жилищных потребностей; основан на индивидуальных счетах.

Данные Международного валютного фонда.

7

Мощные многопрофильные экспортно ориентированные холдинги. — *Прим. пер*.

Источник: журнал *The Economist*, февраль 2012 г.

9

Малайя — традиционное название Западной Малайзии. — *Прим. пер.*

10

Бумипутра — наименование коренного населения Малайзии. — *Прим. пер*.

11

В Сингапуре существуют одномандатные и многомандатные избирательные округа, которые называются округами группового представительства. В многомандатных округах несколько кандидатов от партии баллотируются одним блоком и, соответственно, могут победить или проиграть как единая команда. До 2011 г. ПНД могла проигрывать в одномандатных округах, но не в округах группового представительства.

12

Президент Мурси был отстранен от власти египетскими военными 3 июля 2013 г.

13

Гарри Ли — еще одно имя Ли Куан Ю. Когда Сингапур был английской колонией, сингапурские китайцы давали своим детям два имени — одно английское, которое ставилось перед фамилией, другое китайское, которое ставилось после фамилии. — *Прим. пер*.

Журналист Маттиас Насс, модератор.